

Гельмут Пабст

Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте.

1941 – 1943

«Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941 – 1943»: Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-0716-1

Аннотация

Дневник Гельмута Пабста повествует о трех зимних и двух летних периодах жестоких боев группы армий «Центр», продвигавшейся на восток в направлении Белосток – Минск – Смоленск – Москва. Вы узнаете, как воспринималась война не только солдатом, исполняющим свой долг, но человеком искренне симпатизировавшим русским и проявившим полное отвращение к

нацистской идеологии.

Гельмут Пабст

Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте.

1941 – 1943

Германский солдат в русской кампании

На рассвете 22 июня 1941 года Германия всей мощью своей трехмиллионной армии перешла границу с Советским Союзом и Румынией. Одна армейская группировка наносила удар в северо-восточном направлении по линии Вильнюс – Ленинград. Другой удар наносился на юго-восток в направлении Киева. Третий – группой армий «Центр» под командованием фон Бока, продвигавшейся на восток в направлении Белосток – Минск – Смоленск – Москва.

К артиллерийской части этой армейской группировки был прикомандирован унтер-офицер связи тридцатилетний Гельмут Пабст, бывший студент, изучавший юриспруденцию, и участник германской оккупации Франции. С первой недели русской кампании Пабст вел дневник в форме писем родителям и друзьям во Франкфурте-на-Майне. Особенно часто он обращался к отцу, воевавшему против России в Первую мировую войну 1914–1917 годов.

При том что над ним довлела цензура полевой почты, Пабст смог рассказать о трех летних и двух зимних периодах жестоких боев не только с точки зрения солдата, исполняющего воинский долг, но и с позиции человека, с искренней

симпатией относившегося к русским и проявившего полное отвращение к ведущему войну высшему руководству. Между строк можно увидеть все более выраженный сарказм, который достигает своего апогея в отвержении всей пропаганды, которую рядовой молодой немец – вовсе не нацист – неосознанно впитал при Гитлере. Его позиция многими не может быть понята и принята, но с исторической точки зрения, взгляд человека иной идеологии, безусловно, интересен.

Отдельные, выделенные курсивом выдержки призваны обозначить определенные события на общем фоне войны. Само повествование не исправлялось, а высказываемые замечания не пояснялись, ведь Пабст принял участие в боевых действиях осенью 1943 года.

Глава 1.

Наступление на Смоленск

Трудно поверить в то, что это произошло всего два дня назад. На этот раз я был в первом атакующем эшелоне. Подразделения бесшумно подтягивались к своим позициям, переговаривались шепотом. Скрипели колеса штурмовых орудий. За две ночи до этого мы произвели рекогносцировку местности; теперь поджидали пехоту. Пехотинцы подошли темными, призрачными колоннами и двигались вперед через поля капусты и зерновых злаков. Мы шли вместе с ними, чтобы действовать в качестве артиллерийского подразделения связи 2-го батальона. На картофельном поле поступила команда «Окопаться!». Батарея

номер 10 должна была открыть огонь в 03.05.

3.05. Первый залп! В тот же момент все вокруг ожило. Огонь по всему фронту – пехотные орудия, минометы. Сторожевые вышки русских исчезли в огневых вспышках. Снаряды обрушились на батареи противника, местоположение которых было установлено задолго до атаки. Гуськом и развернутым строем пехота ринулась вперед. Болото, канавы; ботинки, полные воды и грязи. Над нашими головами от позиции к позиции велся заградительный огонь. Огнеметы выдвинулись против опорных пунктов. Пулеметный огонь и пронзительный свист пуль. Мой молодой радист с сорока фунтами груза за спиной в первые полчаса чувствовал себя несколько ослабленным. Затем у казарм в Конопках нам было оказано первое серьезное сопротивление. Передовые цепи застряли. «Штурмовые орудия, вперед!»

Мы были с командиром батальона на маленькой высотке, в пятистах метрах от казарм. Нашим первым раненым стал один из посыльных. Только мы установили радиосвязь, как вдруг нас обстреляли из ближних казарм. Снайпер. Мы впервые взяли за винтовки. Хоть мы и были связистами, но, должно быть, стреляли лучше – стрельба снайпера прекратилась. Наша первая добыча.

Наступление продолжалось. Мы продвигались быстро, иногда прижимаясь к земле, но неотступно. Траншеи, вода, песок, солнце. Все время меняем позицию. Жажда. Нет времени поесть. К десяти часам мы уже стали бывалыми солдатами, повидавшими немало: брошенные позиции, перевернутые броневые автомобили, первых пленных, первых убитых русских.

Ночью три часа мы сидели в окопе. С флангов нам угрожали танки. И снова

нашему продвижению предшествовал заградительный огонь. По обе стороны от нас – атакующие батальоны. Совсем близко возникали яркие вспышки. Мы оказались прямо на линии огня.

Первая сожженная деревня, от которой остались одни только трубы. Там и сям – сараи и обычные колодцы. Впервые мы оказались под артиллерийским огнем. Снаряды издают необычный поющий звук: приходится быстро окапываться и зарываться в землю. Постоянно меняем позицию.

Мы опускаем нашу аппаратуру на землю. Прием, в отличие от вчерашнего, был хороший. Но едва успели принять донесение, как батальон двинулся дальше. Мы бросились догонять его.

Около трех часов прошли через линию траншей, марш между болот. Вдруг – остановка. Кто-то скомандовал: «Противотанковые орудия вперед!» Пушки пронесли мимо. Затем на пути – песчаное пространство, покрытое зарослями ракутника. Оно протянулось примерно на два километра до главной дороги и реки, у крепости Осовец.

На завтрак у нас был кусок хлеба. На обед – один сухарь на четверых. Жажда, жара и этот проклятый песок! Мы устало протрусили вдоль, поочередно неся груз. В ботинках хлюпала вода, в них забились грязь и песок, лицо покрывала двухдневная щетина. Наконец – штаб-квартира батальона, на краю равнины. Вверху у реки – наш аванпост. Русские точно знают, где мы.

Быстро окапываемся. Видит Бог, не слишком-то быстро. Мы уже точно знаем, когда приближается снаряд, и я не могу удержаться от смеха, когда мы с головой зарываемся в наши норы, припадая к земле, как мусульмане во время

намаза. Но наконец – хорошего понемножку – пехота оттягивается назад. Мы свертываем аппаратуру и во время паузы в артобстреле делаем рывок. Справа и слева от нас бегут другие, и все мы одновременно плюхаемся в грязь. Я не могу удержаться от смеха.

Добравшись до относительно безопасного места, сосредоточились в окопе и стали ждать темноты. Разделили между собой последние сигареты. Комары совершенно обезумели. Стало поступать больше сигналов. Я чуть с ума не сошел, расшифровывая их, потому что мой фонарь привлекал еще больше комаров. И снова появилась пехота, возвращающаяся с огневого рубежа. Мы не совсем понимали, что происходит.

Мы знали, что где-то должна быть высота, глубокий окоп. Там нас ждали суп и кофе – столько, сколько мы хотели. Пройдя в сумерках еще два километра, мы завершили рейд у одной из наших батарей. Вскоре уже лежали рядом друг с другом, натянув куртки на уши. Русские снаряды пожелали нам спокойной ночи. Когда мы снова вылезли около четырех часов, то обнаружили, что находимся в сотне метров от нашей штаб-квартиры.

Час спустя мы двигались маршем на запад, затем на север. Когда опустилась ночь, мы были возле села Августова, церковь которого с ее двумя куполами напомнила мне об отце. Немного поодаль от Августова в направлении Гродно нам вновь объявили состояние боеготовности. Мы должны были быть готовы к половине одиннадцатого. Нас разбудили в половине первого и, в конце концов, мы вышли в пять часов утра. Ситуация все время менялась; фронт приближался очень быстро. Мы шли маршем на Гродно, где нас должны были бросить в бой.

Справа и слева подступали болота. Целая танковая бригада русских, предположительно где-то справа, но такого рода вещи никогда не увидишь. (Видишь только комаров – их в избытке – и ощущаешь пыль.)

Наконец вечером проселочными дорогами мы вошли в деревню и по таким же дорогам прошагали через Липск. Повсюду клубы пыли поднимались в воздух и медленно клубились за колоннами вдоль дорог.

Дорога на Кузницу вся засыпана песком, разбита, изрезана колеями, и на ней полно воронок от снарядов. Она спускается вниз, как дно высохшего моря. С трудом форсированным маршем пересекаем склоны, иногда путь вьется змейкой. Наверное, это как в наполеоновскую кампанию. Ночью мы останавливаемся где-нибудь среди песков. Свежо, и идет дождь. Мы, дрожа, заползаем под автомашины. Утром продолжаем движение, грязные и пыльные, со струйками стекающего пота. Кузница. По сторонам узкой дороги, по которой мы шагаем, расположены три кладбища – католическое, православное и еврейское. Первая на нашем пути православная церковь с ее луковичными куполами. Между тем однообразная равнина сменилась прелестным парковым ландшафтом. Сады, раскинувшиеся вокруг домов, скромное притязание на красоту, незатейливые украшения на домах и – фруктовые деревья.

Это местечко частично подверглось разрушениям. Выгорел целый квартал. В одном из домов уцелели кухня и кусок трубы. Мужчина и женщина ползают вокруг нее, и из этого уголка идет дымок. Старик в тулупе с босыми ногами сидит на стуле, счастливо нам улыбаясь. Его красный нос любителя спиртного выделяется на фоне жидкой неухоженной бороды.

Через час мы вышли на приличную твердую дорогу, двигаясь по направлению к Н. С нами шла легкая артиллерия; лошади и орудия, приближавшиеся к вершине подъема, через которую мы перевалили, выглядели как вырезанные из бумаги фигурки. Не жарко. Слегка холмистая равнина, и без пыли. Чудесное утро. Крытые соломой деревянные дома, может быть, и были ветхими, но деревенская церковь белела и блистала на холме наглядным символом своей власти.

Этот марш больше утомляет, чем бой. Полтора часовой отдых: от часа тридцати минут до трех. Позднее, когда мы шли на марше, луна была у нас за спиной, а мы направлялись к темному, угрожающему небу. Это было как шагать в темную дыру; призрачный ландшафт был блеклым и голым. Мы час проспали как убитые и встали на нетвердых ногах с ужасной тяжестью в желудке. Нежное утро. Бледные, красивые цвета. Просыпаешься медленно, а на каждом привале спишь. В любое время при продвижении вперед можно видеть солдат, спящих у обочин, там, где они опустились на землю. Иногда они скрючиваются, как мертвые, или же, как пара мотоциклистов, которых я видел этим утром, счастливы тем, что сами по себе, спина к спине, отдыхают в длинных шинелях и стальных касках, расставив ноги и засунув руки в карманы.

Мысль о том, что нужно вставать, с трудом проникает сквозь дурман сна. Пробуждение заняло у меня много времени. Когда я будил своего соседа, он продолжал лежать в положении откинувшись назад с совершенно безжизненным лицом. Я подошел к другому, выполнявшему обязанности часового, у него были глубокие морщины на лице и лихорадочно блестящие глаза. Еще один начал

писать письмо своей девушке и заснул за этим занятием. Я осторожно вытащил лист; он не смог написать и трех строчек.

13 июля 1941 года. Двинулись в 16.30 как раз перед грозой. Мы ужасно потели. Гроза налетела грохочущей пеленой. Это облегчение, но духота не исчезла. Четыре часа мы шагали в невероятном темпе без остановок. Даже после этого нас обманывали каждый раз, когда мы останавливались отдохнуть; мы двигались дальше почти сразу же. С наступлением ночи нам дали отдохнуть всего три четверти часа.

Ночь. С холма, где мы стояли, нам были видны огни, рассыпавшиеся далеко на горизонте. Сначала я подумал, что это заря. Желтая пыль зависла вокруг как туман, лениво расходясь в стороны или окутывая придорожный кустарник.

Когда на горизонте красным шаром поднялось солнце, у нас возникла проблема с тягловой силой. При слабом свете фургон нашего пункта воздушного радионаблюдения – гигант на огромных колесах, служивший когда-то полевой фуражной дачей французов, – сошел с бревенчатого настила дороги. Лошадь запуталась в постромках, а две другие, которых вели по настилу впереди, чтобы проторить дорогу, завязли в болоте и запутались в проводах полевой связи. Чертовщина какая-то. С помощью свежих лошадей и еще одной пары им в помощь мы вызволили застрявший фургон и поспешили за своей частью. Мы нашли своих скорее, чем ожидали, – в нескольких километрах впереди, в лесу у озера. Весь лес был заполнен войсками и штабелями боеприпасов, занявших все свободное место до последнего квадратного метра. Мы разогрели обед и разбили палатку, а когда заползли внутрь, пошел дождь. В маленькую дырку в

брезентовом верхе капли дождя просачивались, попадая мне на лицо, но погода была все еще душной, так что это мне даже нравилось. Кроме того, я очень устал.

Утром спустился к озеру. Вода была теплой. У меня было время, чтобы простирать нижнее белье, которое уже приобрело серо-землистый цвет.

16 июля. Продолжили движение в 14.00. Мы шагали до дрожи в коленях до самого пункта Л. Он был уже совсем близко, а нам ужасно хотелось пить. В деревне одна из наших лошадей потеряла подкову. Разразилась гроза, и я вместе с другими задержался, чтобы найти кузнеца в одной из следовавших сзади батарей. Наш собственный кузнец остался далеко позади, чтобы починить полевую кухню, у которой сломалась задняя ось.

Мы нашли кузнеца. Кое-кто из ребят дал нам хлеба, чаю, сигарет и сигаретной бумаги, и мы поехали в сгущавшиеся сумерки и в новую грозу. Лошади продолжали шароухаться из стороны в сторону, не различая пути. Наконец через час мы вышли к тяжелым силуэтам орудий на краю дороги, отставших от части. Под дождем темные фигуры притулились у машин или лежали под ними странно выглядевшими грудями. Я нашел всех своих спутников лежавшими под деревьями. Они крепко спали, а лошади склонили головы на шею друг дружке. Между пятью и шестью утра мы вышли в назначенный для отдыха район на лугу чуть выше одной из деревень. Подъем был в полдень, в четыре часа – в путь. Четыре часа марша в мокрых ботинках. К вечеру стало прохладно. Дорога поднималась и опускалась при однообразном ландшафте, а издали доносился шум стрельбы. У дороги виднелись воронки от бомб. К 2.20 мы свернули на участок, поросший травой.

Холодно и сыро при противном пронизывающем ветре. Мы набрали мокрого сена и соорудили палатку. У кого-то нашлась свеча. Теперь, когда мы влезли внутрь, неожиданно стало вполне уютно: четыре человека, удобно устроившихся в укрытии вокруг дружелюбного теплого света. Кто-то сказал: «Мы не забудем этот вечер», и все были согласны.

20 июля 1941 года. Сегодня ровно четыре недели. С тех пор, как мы пересекли границу Германии, преодолели 800 километров; после Кульма – 1250. На восемнадцатую ночь точное расстояние от пересечения дорог в Штанкене, где нас собрали для того, чтобы мы двинулись в направлении Граева и Осовца, равнялось 750 километрам.

Я сижу на скамейке у домика паромщика. Мы ждали остальных из нашей части, чтобы начать трудную переправу через Западную Двину, которую наша маленькая группа преодолевала верхом на лошадях в течение более часа. Рассчитанный на груз в восемь тонн, аварийный мост с односторонним движением не мог пропустить весь поток переправляющихся. У подножия крутого берега толпы военнопленных помогают строить второй мост. Босые люди, из числа гражданских, вымученно копошатся над обломками старого моста, перекрывшего маленькую реку. На переправу может быть затрачено немало часов; руки ста пятидесяти пленных, для того чтобы толкать, – в нашем распоряжении.

Город Витебск весь в руинах. Светофоры повисли на трамвайных проводах, как летучие мыши. С ограды все еще улыбается лицо на киноафише. Население, большей частью женщины, деловито бродит между руин в поисках обуглившихся

досок для костра или брошенной утвари. Некоторые улицы на окраинах остались неповрежденными, и то и дело как по волшебству встречается уцелевшая маленькая лачуга. Некоторые девушки одеты довольно красиво, хотя иногда на них фуфайки, в руках авоськи, а ходят босыми и с узлом за спиной. Там были крестьяне из сельской местности. У них овчинные тулупы или ватные куртки, а на головах у женщин платки. На окраинах живут рабочие: бездельничающие молодые люди и женщины с наглыми физиономиями. Иногда поражаешься при виде человека с красивой формой головы, а потом уже замечаешь, как бедно он одет.

Приказ продолжить наш марш был отменен в последний момент. Мы остановились и ослабили упряжь. Затем, когда собирались уже задать лошадям четверть нормы овса, пришел новый приказ. Мы должны были выступить немедленно, двигаясь ускоренным маршем! Переправа для нас была очищена. Мы двинулись назад, сначала на юг, в главном направлении на Смоленск. Марш оказался мирным, правда, по жаре и в пыли, но всего только на восемнадцать километров. Но после легкого дня перед этим напряжение и усталость заставили меня забыть о красотах ландшафта. Мы прикомандированы к пехотной дивизии, которая выдвигалась еще дальше на восток; и действительно, мы шагали днем и ночью и продолжаем шагать.

Перед нами расстилались поля тихо колышущейся кукурузы, гектары ароматного клевера, а в деревнях – вереницы потрепанных непогодой крытых соломой хат, белая возвышающаяся церковь, которая использовалась и для других целей, а сегодня в ней вполне могла разместиться полевая пекарня. Можно

увидеть выстроившихся в очередь к нашей пекарне за хлебом местных жителей под руководством улыбающегося солдата. Можно увидеть вопросительные взгляды пленных, которые под строгим взглядом конвоя снимают пилотки. Все это можно увидеть, но только в полудремотном состоянии.

В 2.00 я разбудил передовую группу, спустя полчаса – весь отряд. В половине пятого мы тронулись в путь. Сейчас половина шестого вечера 26 июля. Я лежу потный и в пыли на обочине дороги у подножия холма. Отсюда нам предстоит пройти протяженный открытый участок дороги. Вдали слышен гул. После Суража активизировала действия авиация, целые эскадрильи наших пикирующих бомбардировщиков, эскортируемые истребителями, совершали налеты на противника. Вчера три русских бомбардировщика кружились над нашим озером, после того как сбросили в нескольких километрах отсюда свой бомбовый груз. Прежде чем они скрылись из виду, мы видели, как наши истребители со свистом пронесли за ними, садясь им на хвост, и пулеметы застрочили в жарком полуденном воздухе.

Несколько дней назад нам попадалось все больше и больше беженцев, затем на дорогах стало менее оживленно, и мы миновали лагеря для перемещенных лиц, в которых было от тысячи до тысячи двухсот пленных. Здесь не что иное, как линия фронта. В деревнях огромное число домов покинуто. Оставшиеся крестьяне таскают воду для наших лошадей. Мы берем лук и маленькие желтые репки с их огородов и молоко из бидонов. Большинство из них охотно делятся всем этим.

Мы продолжили движение по дороге, соблюдая интервалы. Далеко впереди, на краю леса, поднимаются грибообразные клубы дыма от взрывов снарядов. Мы

свернули, прежде чем дошли до этого места, на вполне сносную песчаную дорогу, которой, казалось, не будет конца. Наступила ночь. На севере небо все еще оставалось светлым; на востоке и на юге оно освещалось двумя горящими деревьями.

Над нашими головами бомбардировщики выискивали цели и сбрасывали бомбы вдоль главной дороги позади нас. Мои всадники тряслись и покачивались в седлах на своих лошадях. В половине четвертого мы стали поторапливаться; в четыре наш фургон зашпешил на командный пункт. Сейчас семь часов, и я лежу тут, несколько позади него с двумя развернутыми секциями радиостанции наготове.

Спокойная обстановка в послеполуденные часы. Мы проснулись и поели, опять легли спать, а затем были подняты по тревоге. Тревога оказалась ложной, и мы продолжали спать. Внизу через луг под конвоем переправлялись в тыл взятые в плен русские. При вечернем свете все кажется таким дружелюбным.

День выдался прекрасным. Наконец у нас появилось немного времени для своих личных дел. Война идет с перерывами. Никаких решительных действий. Противотанковая пушка или танк открывает огонь – мы отвечаем своими минометами. Пушка издает неприятные вздыхающие звуки. Затем после нескольких выстрелов – тишина.

Наши батареи интенсивным огнем обстреливают наблюдательный пункт противника, и русские «угощают» нас несколькими снарядами. Мы жуем свой хлеб и наклоняемся, когда начинает играть «музыка». Можно заранее определить, откуда она доносится. Наверху на холме адъютант сообщает: «Танки атакуют

тремя колоннами по фронту, господин гауптман!» – «Передай артиллеристам!» – отвечает капитан и спокойно заканчивает бритье.

Примерно три четверти часа спустя танки идут на нас массой; они так близко, что заходят в тыл нашего холма. Обстановка становится довольно напряженной. Два наблюдательных пункта сворачиваются и уходят, командный пункт отряда и штаб-квартира батальона остаются. Тем временем наша пехота снова выдвинулась к горящей деревне. Я лежу в воронке на холме. В ситуациях, подобных этой, всегда испытываешь удовлетворение оттого, что видишь то, что отделяет зерно от плевел. Большинство испытывает страх. Лишь немногие остаются веселыми. И это те, на кого можно положиться.

30 июля 1941 года. Прошлой ночью мы видели световой сигнал, который подавали наши, примерно в двадцати километрах отсюда. Кольцо вокруг Смоленска сжимается. Обстановка становится спокойней.

В основном из-за медленного продвижения германской пехоты по труднопроходимой местности значительное число советских войск фактически избежало окружения. С их помощью была возведена линия обороны на Десне, которая тем самым подвергла наступающих немцев первой настоящей проверке.

Отступая, русские поджигают за собой свои деревни; пожары полыхали всю ночь. До полудня сегодняшнего дня мы имели возможность увидеть фонтаны вздымаемой вверх грязи при разрывах тяжелых снарядов. Армейский корпус вступает в бои, двигаясь с юга на север. Враг оказывает отчаянное сопротивление; в лесу вновь свистят пролетающие снаряды. Ближе к вечеру мы были готовы сменить позицию, двигаясь на восток. Котел окружения, того и гляди, будет

разбит. Когда стемнело, мы спустились от холма и прокатились двенадцать километров на восток по автостраде. Это была широкая, в хорошем состоянии дорога, на которой там и сям попадались развороченные танки и грузовики. Мы направляемся прямо к середине «котла», к новому фронту, который уже виднеется на горизонте.

Шагали всю ночь. Огонь двух пылающих деревень мягким светом отражается на синевато-серой облачной гряде, все время разбиваемой грозными вспышками взрывов. Всю ночь напролет не умолкал низкий раскатистый грохот. Затем к утру облачная гряда приобрела бледный розовато-лиловый оттенок. Цвета отличались странной красотой. Постепенно сонливость ушла из тела, и мы снова были готовы действовать. Достали стальные каски и шинели. Через два часа мы должны были быть готовы к бою; атака намечена на 6.00.

19.00. Конец суматохи дня. Через маленький сектор обзора невозможно получить общую картину, но кажется, что русские моментально отрезали нам дорогу, по которой осуществлялось снабжение, и оказывали значительное давление на нашем фланге. Во всяком случае, мы быстро отходили по дороге, которая до этого была такой спокойной. Совсем близко мы увидели впереди ведущие огонь наши батареи, которые обстреливали склон холма и деревню снарядами бризантного, ударного и замедленного действия. В то же время со всех сторон со свистом пролетали гильзы пехотинцев. Поставив свои машины в ложбине, мы пошли на опушку небольшого леса, в котором было полно штабных офицеров. Даже там не следовало высовываться без нужды.

В такие моменты я не любопытен. Все равно ничего не увидишь, и в любом

случае для меня не имело значения, насколько далеко они вклинились в наш фланг. Я знал, что, когда они подойдут на достаточное расстояние, у нас еще будет возможность «перекинуться парой слов» друг с другом. А до этого времени я собирал землянику и лежал на спине, надвинув на лицо стальной шлем, – положение, в котором можно прекрасно поспать, максимально прикрывшись. Мы были в нескольких метрах от генерала и нашего командующего дивизией. Поразительно, в каких ситуациях могут оказываться высшие офицеры при таком размытом фронте, как этот.

Тем временем наша пехота прочесывает лес впереди нас, наши танки атакуют русские танки, разведывательные самолеты летают над позициями, а артиллерия подготавливает путь для пехоты. Трех русским самолетам удалось сбросить бомбы на наши позиции полчаса назад, но наши истребители сели им на хвост, и они не могли уйти очень далеко.

Рассказывать о событиях 4 августа будет не так просто, особенно когда мы на марше.

Меня позвал часовой и сказал, что мне нужно работать с отделением радиосвязи 7-й роты. Сержант и еще трое с ним пошли разыскивать роту. Они были в соседней деревне, и мы двинулись вместе с ними. Единственная разница между нами состояла в том, что пехотинцы носили легкую походную форму, в то время как у нас был комплект оборудования. Снаряжение было горячим и плотно прилегало. Мы не часто вступали в боевой контакт с противником, но с трудом проходили от шести до восьми километров через луга, пробираясь через низкорослые кустарники. Идеальная местность для игры в прятки.

Пересекли «почтовую дорогу». Еще через два километра нас обстреляли из рощи, в которой, по сообщениям, никого не должно было быть. Начались активные действия. Газометы, противотанковые и штурмовые орудия вступили в бой. Появились четыре русских танка, три из которых были быстро подбиты. Один из них зашел к нам с левого фланга от деревни Лешенко и некоторое время доставлял беспокойство. Мы с командиром роты находились в маленькой ложине и попали под огонь снайпера, так что и носа не могли высунуть из своего укрытия. Доносились крики: «Танк противника впереди!» Слева слышалось русское «Ура!».

Он звучит чудно, этот боевой клич, и появляется неловкая суетливость, если вы не знаете, что происходит в пятистах метрах от вас. Вы обращаетесь в слух, вслушиваетесь в усиление и затихание шума, распознавая разницу между звуком пулеметных очередей наших и противника. У русских пулеметов глухой кашляющий звук, в то время как наши производят щелчки высокого тона.

Атака отбита, и мы попытались связаться с нашим командным пунктом. До сих пор связь была отличной; теперь она вдруг прервалась. Мы сидели слишком низко в своей ложине. До тех пор, пока не сможем подняться выше, нам придется оставить эту попытку. Ночь спустилась, а стрельба с перерывами все еще продолжалась. Мы не могли вернуться назад, потому что ситуация на дороге, ведущей в тыл, была неясной. Мы оставались на месте и смотрели на горящую деревню Лешенко.

Огонь, открытый нашими же войсками, был беспорядочным и привел к тому, что еще больше русских поднялось со своих позиций, когда оставаться на них

становилось «жарко». Это жестокий способ, но невозможно предпринять что-либо еще. Как-то само собой с этого момента сражение стало явно более ожесточенным и безжалостным и с нашей стороны; и только тот, кто тут побывал, поймет почему. Ночью произошли еще два события, цена которых была для нас – двое убитых и один тяжело раненный. Теперь я знаю значение слова «бесстрашие».

Утром, когда мы проснулись, нас встретила приятная тишина. Ни единого выстрела. Приспел кофе, а оператор коммутатора связи как раз говорил ребятам на наблюдательном пункте: «Пока не видно ни одного самолета, и артиллерия оставила нас в покое», когда послышался свист и взрыв – первый снаряд упал примерно в двухстах метрах справа. Лейтенант выругался, как будто не подозревающий ни о чем оператор привлек к нам внимание русских, – а мы засмеялись. После этого стало тихо, почти ни единого выстрела, за исключением того, что произошло в середине дня, когда я вышел на дорогу показать машинам с фуражом дорогу на командный пункт. Именно тогда наш старый друг танк громом огласил окрестности. Вырвалось уродливое красное пламя с черным дымом, и раздались хлопки выстрелов.

Это странно. Как только мы втягиваемся в новый бой и слышим гром пушек, мы становимся счастливыми и беззаботными. Каждый раз, когда это происходит, наши ребята начинают петь, становятся веселыми и у них появляется хорошее настроение. Воздух наполняется новым запахом свободы. Те, кто любит опасность, – хорошие парни, даже если они не хотят это признавать.

Время от времени снаряд вылетает с одной из батарей. Он издает звук

подобно мячу, подброшенному очень высоко в воздух. Слышно, как он летит дальше. Затем, через некоторое время после того, как замолкает свист, слышен отдаленный глухой звук его разрыва. У русских снарядов совершенно иной звук, похожий на грохот сильно хлопнувшей двери.

Этим утром была слышна интенсивная пальба где-то вдали, а так со вчерашнего дня было очень тихо. Наверное, русские понимали, насколько слабы их атаки; наверное, они следят за нашими путями снабжения, чтобы внезапно атаковать с тыла. Мы можем подождать. Мы можем спокойно наблюдать за этим, так же как мы наблюдаем за тем, как они роют траншеи, предназначенные для защиты подступов к пункту Белый. Это странная война.

Прошлой ночью я поднимался вверх в качестве помощника с Арно Кирхнером. Целый час требуется для того, чтобы с командного пункта добраться до наблюдательного. Между деревьями повис легкий туман, а трава и кустарник были отяжелевшими от дождя. Мы пробирались на ощупь по тропе мимо лощин и откосов к Монастырскому.

Там была дорога. Повсюду призрачная тишина. Фронт совершенно спокоен, за исключением вздымающихся вверх отдельных мерцающих вспышек, одиноко светивших белым как мел светом в поглощавшей все звуки мгле.

В деревне были видны полосы света из погребов и землянок; где-то украдкой светился огонек сигареты – молчаливый часовой, дрожащий от холода. Было поздно, ближе к полуночи. Лужи в воронках от снарядов отражали звезды. «Не случилось ли все это уже раньше? – подумал я. – Россия, Фландрия, солдаты на переднем крае?..» Иногда какая-нибудь картина озадачивает вас подобным

образом. Думаешь: должно быть, подобное уже было в прежнюю войну. Теперь то же самое – время стерлось.

Мы спешили и лишь перебросились друг с другом несколькими замечаниями, указывая на воронки. Спицы и колеса в канаве, останки здешней повозки. «Прямое попадание», – сухо сказал Арно. Что еще можно сказать? Это чертова дорога, ведущая прямо к врагу, в Белый.

«Будь осторожен, мы, должно быть, вблизи перекрестка; затем еще пятьдесят метров». Мы пробирались через провода и траншеи коммуникаций.

Наконец появился наш солдат с радиостанцией и телефонной трубкой на расстоянии десяти метров от нее. Ребята стояли вокруг, дрожа от холода, по грудь в мокром окопе, каждый с плащ-палаткой через плечо. Я передал по телефону распоряжение сворачиваться; мы сменили радиопередатчик, и я попытался установить контакт.

Проскользнул в мокрый окоп, рыхлые и пропитанные водой стенки которого были покрыты гнилой соломой, и нашел узкое место, которое было сухим. Чтобы протиснуться в него, требовалась некоторая сноровка, при этом сначала протискиваются ноги. На полпути вниз потолок обрушен; боковые стенки недостаточно толсты, чтобы противостоять вибрации. Окоп был очень тесным. Из предосторожности я засунул свою стальную каску и противогаз под две самые толстые перекладины, но, поскольку на дне окоп был уже, чем в верхней части, опасность быть погребенным заживо не слишком велика. Это правда, что потолок обвалился, когда кто-то проходил по окопу, но я натянул на голову одеяло и, еще раз прислушавшись к тому, что происходило снаружи, спокойно заснул.

Глава 2.

Меч над тишиной

В то время как танковые силы группы армий «Юг» окружили и взяли в плен 600 000 русских у Киева, группа «Север» бомбардировала Ленинград¹. Сентябрь застал группу армий «Центр» готовившейся к возобновлению наступления на Москву. Основное наступление началось 2 октября и увенчалось захватом еще 600 000 русских под Вязьмой. Дорога на Москву теперь, казалось, была открыта.

Наше подразделение было составной частью 9-й армии, которая прикрывала левый фланг 4-й танковой армии. Последняя продвинулась на семьдесят километров к северо-востоку, приблизительно в направлении на столицу, а потом вдруг нанесла удар в северном направлении на Калинин.

Утром начался дождь, и он все еще шел, когда мы двинулись в час дня. Мелкий морозящий дождь из низких облаков, серый и мглистый ландшафт, как Вестервальд иногда бывает осенью. Мы еле тащились через мокрый луг и по заболоченным дорогам с нашими двумя машинами. Где-то мы вновь наткнулись на батарею, и длинная колонна с трудом двигалась вперед. Машины буксовали и скользили, вязли и застревали. Лафет орудия провалился в ров и к следующему утру все еще был там.

Когда стемнело, мы обнаружили нечто вроде землянки, в которой располагался временный командный пункт. Там мы ползали, пытаясь устроиться.

---

¹ Речь идет о начале блокады Ленинграда. (Примеч. ред.)

К тому времени, как с этим покончили, наши шинели были твердыми от мокрого песка и глины. Мы нашли землянку с лазом такого размера, как вход в крольчатник. Я ощупью пролез внутрь и нащупал нишу, накрытую соломой. Моя рука коснулась чьего-то ремня. Я подумал: это мне прекрасно подойдет. Затем сложил оборудование в различных других нишах, а когда немного позднее вернулся обратно, в землянке уже был свет.

Свет в узком окне выглядел уютно на фоне дождя. Внутри я нашел двух связистов из 12-й батареи, которые устроились здесь днем раньше. В нашей собственной команде было трое, а спальных мест тут всего четыре. В этом укрытии было не повернуться, все заняли наша мокрая одежда и оборудование. Но какое это имело значение? Крыша, коптящая свеча, сигарета, а когда вас достаточно много, вы быстро согреваетесь.

Кто-то вылил воду из своих ботинок, кто-то приготовился стоять в карауле. Антеман и я легли спать вповалку: один головой на запад, другой – на восток. Мы не могли повернуться; для этого мы прижались друг к другу слишком замысловато.

Вчера мы весь день занимались устранением поломок, которые возникли в нашем оборудовании и вооружении в результате этого последнего марша.

Но зато у нас выдался спокойный вечер. Мы стояли перед своей землянкой, как крестьянин у ворот своего двора, пока дождь не загнал нас внутрь. Здесь, в нашем углу, все еще спокойно, но фланг, немного южнее, время от времени подвергается некоторому обстрелу из тяжелых орудий. Русские используют для

этого дальнобойные пушки. Засунув руки в карманы, вы обзрываете все это, совсем как крестьянин смотрит на свою картошку и говорит тоном знатока: «Поспевает совсем неплохо».

Во всем этом нет ничего героического. Не следует употреблять это слово в несвойственном ему значении. Мы не герои. Еще вопрос, храбры ли мы? Мы делаем то, что нам велят. Может быть, бывают моменты, когда колеблешься. Но все равно идешь и идешь «непоколебимо». Это значит, что ты не подаешь виду. Храбрость ли это? Я бы так не сказал.

Это не более того, что вы могли бы ожидать; вы просто не должны проявлять страх или, что еще важнее, не должны быть охвачены им. В конце концов, не существует ситуации, с которой не смог бы справиться ясный, спокойный разум.

Опасность велика лишь настолько, насколько это позволяет ей паше воображение. А поскольку мысль об опасности и ее последствиях делает вас лишь неуверенными в себе, для самосохранения принципиально важно не позволять воображению одержать верх.

Целыми днями подряд, а нередко и неделями ни единая пуля или осколок снаряда не пролетает настолько близко от нас, чтобы мы слышали их свист. В такое время мы мирно жарим картошку, и даже в дождь (который как раз барабанит сейчас по нашей крыше) огонь не гаснет. Но даже когда свист раздается довольно близко, расстояние между летящими пулями и снарядами и нами еще достаточно велико. Как я говорил, нужно только оставаться спокойным и быть начеку.

Отец понимал это очень хорошо. Я всегда счастлив, когда читаю его письма,

и они согревают мое сердце от ощущения, что он понимает все это в силу своего собственного боевого опыта.

Это ведь совсем не так уж скверно, а, отец?

Конечно, нам приходится противостоять различным видам оружия, по и у нас самих самое различное вооружение. Танк может быть неуклюжим, действуя против вас, если у вас есть противотанковое ружье. Но в самом худшем случае вы всегда можете нырнуть в укрытие и позволить ему пройти мимо. И даже такой монстр отнюдь не неуязвим для одного человека – при условии, что нападаете на него сзади. Вот такой поступок, совершенный по доброй воле, я бы и назвал храбрым.

В целом война не изменилась. Артиллерия и пехота все еще преобладают на поле сражения. Возрастающая боевая мощь пехоты – ее автоматическое оружие, минометы и все остальное – не так уж плоха, как полагают. Но приходится признать самый существенный факт – перед вами жизнь другого человека. Это война. Это торговля. И это не так трудно.

И опять же, так как оружие автоматическое, большинство солдат не осознают все значение этого: вы убиваете людей на расстоянии, и убиваете тех, кого не знаете и никогда не видели. Ситуация, в которой солдату противостоит солдат, в которой вы можете себе сказать: «Этот – мой!» – и открываете огонь, может быть, более обычна для этой кампании, чем для предыдущей. Но она возникает не так часто.

22 сентября 1941 года. Между восемью и девятью вечера. Мы сидим в землянке. Так жарко, что я разделся до пояса. Пламя нашего огня так высоко и

ярко, что дает слишком сильный жар. Это наш единственный источник света.

Мы все сидим на скамье, на коленях у нас блокноты, с нежностью думаем о доме – Гейнц о своей жене, ожидающей ребенка, я – о вас, дорогие родители и друзья. Мы хотим, чтобы вы знали, что у нас все прекрасно на самом деле и, говоря совершенно искренне, в какие-то моменты мы счастливы совершенно, потому что знаем, что при сложившихся обстоятельствах лучше не может быть.

Все это сделано нашими руками – скамейка, кровати, очаг; и дрова, которые мы заготовили из обломков обрушившейся крыши и принесли сюда, чтобы подбрасывать в огонь. Мы принесли воды, накопили картошки, накрошили лука и повесили над огнем котелки. Есть сигареты, полевая кухня варит кофе, а лейтенант дал нам это оставшееся время на перерыв. Мы собрались все вместе в одной дружной компании и устроили маленький праздник.

Гейнц сидит у огня, я слушаю музыку по радио. Он также скинул свою последнюю одежду. Он потеет, как поджариваемый на сковороде, и мы усмехаемся друг другу, отрываясь от письма, или смотрим на огонь, или тянемся за своими кружками. Какое нам дело до того, идет ли дождь или раздаются взрывы снаружи, если стреляют из 150-миллиметровых или 200-миллиметровых орудий?! Нам тепло, уютно, безопасно настолько, насколько это возможно; и вряд ли кто-нибудь вытащит нас отсюда. На Восточном фронте все спокойно. Операции идут по плану. Пусть себе идут, старина, мы за ними не последуем, во всяком случае, не сегодня...

Когда я поднялся утром, повсюду был иней. Я обнаружил толстый кусок льда в мешках для воды. Зима уже не за горами.

Последний день сентября. Настроение тоскливое. Еще тягостнее становится при звуках игры на струнном инструменте. Танцуют языки яркого пламени. Мы развесили наши наушники где попало – на торчащих корнях, винтовочных прицелах. Скрипки звучат повсюду.

Трубы дымят во всех землянках. Это прямо целая деревня, наполнившая дымом маленькую долину. С каждой стороны землянки сделан наклонный срез. Вы входите в нее на уровне поверхности земли, а между двумя рядами землянок есть расстояние на ширину узкой улочки. Там можно поставить одну транспортную единицу, и, как правило, это наш фуражный фургон – лошадка и повозка. Когда он прибывает, все вылезает из своих щелей, «деревня» приходит в движение. В течение дня не то чтобы всегда спокойно, потому что ребята рубят дрова и таскают воду или возвращаются из походов за провизией на картофельное поле. Не бывает тишины и по вечерам, когда они устраивают перекуры и беседы, или разносят последние известия из землянки в землянку, или теснятся вокруг того, кто пришел с последними новостями.

Каковы бы ни были новости, мы собираемся вместе, как кусочки мозаики. Кто-то видел танки, желтые, предназначавшиеся для действий в Африке. Теперь они повернули сюда. Кто-то еще видел штурмовые орудия. И кто-то из газометчиков пришел по ошибке. Все виды специального оружия – в большом множестве – орудия всех калибров; все они сосредоточились в этом секторе. Оно накапливается с суровой неизбежностью, как грозные тучи. Это – меч над тишиной – вздох для нанесения удара, который может оказаться мощнее, чем любой из тех, что нам приходилось видеть до сих пор.

Мы не знаем, когда он будет наноситься. Мы только чувствуем, что покров над тишиной становится все тоньше, атмосфера накаляется, приближается час, когда понадобится лишь слово для того, чтобы извергнуть ад, когда вся эта сконцентрированная сила вырвется вперед, когда перед нами вновь появится огневой вал – и мне опять придется следовать за пулеметами. В любом случае, именно здесь нам придется «разбить орех», и это будет настоящий «орех».

22.00. Новости на каждой волне. Я выключил радио, чтобы посмотреть на минутку на огонь, наблюдая вечно завораживающую игру пламени. Двое моих товарищей заснули под музыку. Очень тихо, только теплится огонь, а я взял уголек, чтобы зажечь одну из своих сигарет «Галльские», доставленных сегодня из Парижа. Ребята попросили у меня одну. «Наконец-то сигарета, в которой есть табак», – заметил один из них. А другой сказал: «Они напоминают о Франции».

Франция... Как давно это было и как прекрасно. Как же отличаются эти две страны, эти две войны! А между ними лежит промежуточная страна, к которой мы надеемся однажды вернуться. Достаточно ли с меня? Нет. Чему быть, того не миновать. Нам нужно приналечь со всей нашей энергией.

Может быть, потом у нас будет несколько недель отдыха. Нам нужен не такой вид отдыха, как сейчас. Все в порядке до тех пор, пока ты просто солдат, привыкший к минимальным потребностям, таким, как еда и сон. Но есть и другая часть нас, те, кто просыпается по ночам и делает нас беспомощными – всех нас, не только меня.

6.00. Я выпрыгиваю из землянки. Тут танки! Гиганты медленно ползут на врага. И самолеты. Одна эскадрилья за другой, сбрасывая бомбы по пути. Группа

армий «Центр» начала наступление.

6.10. Первый залп реактивных минометов. Черт подери, на это стоит посмотреть; ракеты оставляют за собой черный хвост, грязное облако, которое медленно уходит. Второй залп! Черно-красный огонь, затем снаряд вырывается из конического снопа дыма. Его ясно видно, как только сгорает ракета: этот снаряд летит прямо как стрела в утреннем воздухе. Ни один из нас его прежде не видел. Разведывательные самолеты возвращаются, пролетая низко над позициями. Истребители кружат над головой.

6.45. Пулеметный огонь впереди. Это настал черед пехоты.

8.20. Танки проползают мимо, совсем близко от артиллерийских позиций. Прошла уже, наверное, сотня, а они все идут и идут.

Там, где пятнадцать минут назад было поле, теперь – дорога. В пятистах метрах справа от нас штурмовые орудия и моторизованная пехота двигаются безостановочно. Дивизии, которые располагались у нас в тылу, теперь идут через нас. Вторая батарея легких орудий изменяет позицию и пересекает путь танков. Танки останавливаются, затем продолжают движение. На первый взгляд – хаос, но они действуют с точностью до минуты, как часовой механизм. Сегодня они собираются взломать днепровский рубеж, завтра это будет Москва. Бронированные разведывательные автомобили примыкают к колоннам. Русские теперь лишь изредка открывают огонь. Такая же картина слева от нас: стрелки на мотоциклах и танки. Идет штурм. Он гораздо мощнее, чем тот, что был при штурме пограничных оборонительных рубежей. Пройдет некоторое время, прежде чем мы увидим подобную картину вновь.

9.05. Основные силы прошли; движение еще продолжается только справа от нас. Несколько снарядов попадают в высотку впереди. К нам энергично направляется какой-то большой парень, затрачивая много времени на то, чтобы спуститься, как все они. Я кричу одному из наших водителей, но он только глупо открыл рот в изумлении. Через мгновение позади него раздается взрыв. Он не знает, что произошло, и делает такое лицо, что мы не можем удержаться от смеха.

9.45. Теперь я думаю, мы видели, как прошли последние. Становится спокойнее. Прошло 1200 танков, не считая штурмовых орудий, по фронту в два километра. Любой фильм про войну меркнет по сравнению с этим. «Вот это действительно зрелище!» – говорили ребята.

Вскоре с выдвинутого вперед наблюдательного пункта десятой батареи сообщили, что прорвана вторая линия оборонительных сооружений. Вот уже двадцать минут как нас здесь больше не обстреливают. По нам стреляли в последний раз... Мы стоим, греясь в ярких лучах утреннего солнца. Радиосвязь работает отлично. Самая подходящая погода для наступления.

10.00. Наша первая задача выполнена. Я лежу, укрывшись от ветра, на пустых ящиках из-под боеприпасов в ожидании выбора нового наблюдательного пункта, с тем чтобы мы могли сменить позицию. Все собрались в одной компании, чтобы поболтать и покурить. Сержант медицинской службы Лерх возвращается с переднего края; связист нашего передового наблюдательного пункта получил огнестрельное ранение в бедро. Лерх рассказывает нам, что там полно мин, наши саперы вытаскивают их сотнями. Глубокие траншеи и колючая проволока. Пленных немного.

12.30. Первая смена позиции. Итак, вот она линия обороны, которую мы обстреливали интенсивным огнем. Ужасно искореженная система траншей, полоса изрытой земли, воронка на воронке. Развешаны белые ленты с надписями, предупреждающими о минах, – и эти предупреждения нешуточные, что видно по горкам приготовленных для установки мин. Колонны двигаются вперед сквозь грибообразные взрывы снарядов, которые время от времени вырываются вдруг из русских дальнобойных орудий. Или, может, эти грибообразные взрывы – от мин, которые подрывают наши: трудно отличить друг от друга эти два вида взрывов. Над войсками на марше боевым строем летят бомбардировщики; затем юркие серебристые истребители – вперед на Восток!

16.00. Опять старая история: смена позиции превратилась в марш. Я пишу об этом на отдыхе на обочине дороги, жуя кусок хлеба. На горизонте тот же знакомый дым. И снова, как и прежде, мы не знаем, где или когда прекратится марш. Но как бы то ни было, это не имеет значения. Пешим порядком или верхом на лошади мы двигаемся с частыми остановками – вперед на восток!

Мы шагали так, пока не стемнело и над холмами не поднялась желтая луна. Провели довольно холодную ночь в сарае. С первыми лучами солнца снова тронулись в путь. Блестели стянутые льдом лужи; пар поднимался от людей и лошадей, белый и сверкающий в лучах восходящего солнца. Удивительные оттенки! Как латунные шары, трассирующие снаряды высвечивали одиночный бомбардировщик, и бирюзовое небо окрасилось на горизонте красным огнем.

Тем временем нам сообщили, что мы вступаем в бой. Нам нужно было перейти на новую позицию за холмом. Пикирующие над позициями

бомбардировщики резко падали и уходили вверх. Приводили раненых пленных, танки ползли вперед, и батальон вступал в бой. Артиллерийское подразделение связи отвечало за огневую поддержку. В ушах у меня звенит от грохота артиллерии, а микрофон гарнитуры прищемил щетину бороды. Я пишу это сидя в ложбинке. Удар! В укрытие! Наша антенна привлекла огонь некоторых танков. Как раз когда я только собирался спустить аппаратуру пониже, с пункта управления огнем поступил сигнал: «Цель номер один взята. Батальон задерживают танки противника, а пехота удерживает опушку леса. Минометы к бою!»

Мы открыли огонь. Цели были как на ладони – пехота, противотанковые пушки и оружейный тягач. Некоторые наши танки тоже застряли. Появились эскадрильи пикирующих бомбардировщиков и ринулись в атаку. Штурм возобновился. Зенитчики и танкисты встретились на нашем пункте. Зенитная артиллерия собиралась выдвинуться и подключиться к ведению огня по танкам противника.

Мы вернулись голодные и замерзшие, и нас разместили в сарае для замачивания льна среди чудесных серебристо-серых кип. Я разложил на полу несколько снопов льна и упал на них, не убирая оружия. Спал как бог.

...Проходили дни, и ничего не происходило. Я снова привел себя и свое белье в порядок. Немного писал и читал. Какое удовольствие иметь под рукой хорошую книгу. Я прочитал «Бездельника» Эйхендорфа, рассказ Штифтера и несколько отрывков из Шиллера и Гете.

Это еще один из мостов, наведенных войной между отцовским поколением и

моим, – один из совсем небольших. Величайшими являются испытания, переживаемые во время самой войны. Насколько лучше мы понимаем теперь друг друга, отец. Исчезла пропасть, разделявшая нас иногда в годы моего взросления. Это – встреча единомышленников, и она делает меня очень счастливым. Ты говорил об этом в одном из своих писем, и я могу только согласиться с тем, что ты говоришь. Ничто не связывает нас более тесно, чем то, что нам выпало вынести лишения, тяготы и опасности и фактически мы побывали буквально в тех же самых местах – в Августове, Лиде и на Березине. Я прошел по местам твоих сражений. Теперь я понимаю то, о чем ты мне рассказывал, потому что пережил то же самое и знаю, на что должны быть похожи четыре года в России. Жизненный опыт – лучший учитель.

Было время, когда я и люди моего поколения говорили «да», думая, что понимаем. Мы слышали и читали о войне и приходили в возбуждение, так же как более молодое поколение сегодня приходит в возбуждение, когда следит за новостями. Но теперь мы знаем, что война совершенно не похожа ни на одно из описаний, каким бы хорошим оно ни было, и что самые существенные вещи не расскажешь тому, кто не знает этого сам. Между нами, отец, нам нужно только затронуть одну струну, чтобы получить все созвучие, нанести только один мазок одной краской, чтобы получить всю картину. Наше общение состоит лишь из реплик; общение между товарищами. Итак, вот кем мы стали – товарищами.

Глава 3.

Путь на Калинин

Хорошо идти по замерзшим дорогам этой страны с холмами, увенчанными деревнями. Но пятьдесят пять километров – это очень много. Мы потратили на них время от восьми утра до двух часов пополудни следующих суток. А потом не нашли свободных помещений для постоя. Несколько домов в месте нашего отдыха были распределены уже давно. Но ребята втиснулись в переполненные комнаты, решив находиться в тепле, даже если придется стоять. Сам я забрался в конюшню и ухитрился проспать до семи. В восемь мы снова были в пути.

Шагать этим по-зимнему холодным утром было одно удовольствие. Чистая, просторная страна с большими домами. Люди смотрят на нас с благоговением. Есть молоко, яйца и много сена. Вереницы гусей расхаживают по жухлой траве. Мы – их погибель, потому что наш рацион не улучшается и пекарня давно потеряла с нами связь. Этим утром мы шли за повозками, очищая от кожуры картошку и ощипывая кур и гусей. Полевая кухня готовит сегодня на ужин кур с рисом, а теперь, для полного счастья, мы поймали гусей и нарыли картошки, чтобы приготовить на своей печке. Помещения для постоя поразительно чисты, вполне сравнимы с немецкими крестьянскими домами. За обедом я взял тарелку и ложку и ел без малейших колебаний. В дальнейшем взгляда было достаточно – и семья мыла нашу посуду. Повсюду – изображения ликов святых. Люди дружелюбны и открыты. Для нас это удивительно.

13-го мы собирались пройти только девять километров. Утренняя прогулка по небольшим лесистым долинам, местам, скорее похожим на Шпессарт² зимой.

---

² Шпессарт – живописные предгорья на юго-западе Германии.

Но удовольствие возвращения в свои временные жилища было недолгим. Мы едва успели расседлать лошадей, как пришел приказ двигаться дальше. Это был длинный мучительный марш по замерзшим и скользким дорогам. Он продолжался почти целую ночь. Потом мы потеряли дорогу; стояли усталые и замерзшие на ветру, пока не разожгли костры и не сгрудились вокруг них. К пяти часам лейтенант пошел поискать в соседней деревне помещения для постоя, с тем чтобы мы могли несколько часов отдохнуть.

Зима не остановилась на своем вступлении. У некоторых лошадей все еще были летние подковы, так что они все время скользили и падали. Даже Тэа, последняя лошадь из первоначальной упряжки нашей повозки с радиостанцией, заупрямилась. После многих неурядиц и капризов мне кое-как удалось завести ее в стойло здешней конюшней. 10-я батарея увязла в болоте и в конце концов повернула назад. Дела, похоже, идут не так уж блестяще. Мне не очень то нравится и то, как выглядит 11-я батарея.

Для нас это означает день отдыха. Мы собрались в небольшой пекарне. Девятеро из нас еле передвигают ноги. Мои ботинки утром были все еще настолько мокрыми, что я смог влезть в них только босыми ногами. В доме, где мы остановились, полно вшей. Наш маленький венец был настолько опрометчив, что спал прошлой ночью на печке; теперь тоже подхватил их – и сколько! Носки, которые были положены туда для просушки, были белыми от яиц вшей. Мы подхватили и блох – абсолютно выдающиеся экземпляры.

Русский старик в засаленной одежде, которому мы показали этих

представителей фауны, широко улыбнулся беззубым ртом и почесал в голове с выражением сочувствия: «У меня тоже – «никс гут», не есть хорошо!» Теперь какое-то время я все еще бодрствую, когда другие уже спят, даже если не нахожусь на посту. Я не могу так много спать, и иногда мне надо побыть наедине с самим собой.

Призрачный бледный свет от электрической лампочки падает на темные разводы на полу, на оборудование, одежду и оружие, заполнившие комнату. Когда смотришь на них таким образом, они являют собой жалкое зрелище, серое в сером, гнетущее, как тяжелый сон. Что за страна, что за война, где нет радости в успехе, нет гордости, нет удовлетворения; только сплошь и рядом чувство сдержанной ярости...

Идет дождь со снегом. Мы следуем маршем то по дороге на Москву, то в направлении Калинина. Нет нужды упоминать обо всех домах, где мы останавливались на постой, усталые и промокшие. Хотя общее впечатление изменилось. Стали попадаться более густонаселенные места. Обстановка в деревнях более походит на городскую, с кирпичными двухэтажными домами и маленькими заводиками. Большинство из них имеют невзрачный деревенский вид. И только дома постройки до Первой мировой войны радуют глаз своим замысловатым деревянным орнаментом на окнах, деревянной вязью конька крыши. Со всеми этими броскими цветами: ярко-зеленым и розовым, сине-голубым и алым. Довольно часты на окнах занавески и цветы в горшках. Я видел дома, обставленные мебелью с большим вкусом, блестящие чистотой, с выскобленными полами, с коврами ручной работы, с белыми голландскими

печками с медной утварью, чистыми постелями и с людьми, одетыми скромно, но опрятно. Не все дома были такими, как этот, но многие.

Люди в целом отзывчивы и дружелюбны. Они нам улыбаются. Мать велела своему маленькому ребенку помахать нам ручкой из окна. Люди выглядывают из всех окон, как только мы проходим мимо. Окна часто из зеленоватого стекла, что является данью готическим цветам – полумрак Гойи. В сумерках этих скучных зимних дней зеленый или красный оттенки могут иметь поразительный эффект.

24 октября 1941 года. С прошлой ночи мы находимся в Калинин. Это был тяжелый переход, но мы его совершили. Мы здесь первая пехотная дивизия и прибыли, опережая две легкие группы бригады. Мы шли вверх по дороге, тянущейся к этому плацдарму, как длинная рука, без значительного прикрытия с каждого из флангов. Плацдарм должен быть удержан из стратегических и пропагандистских соображений. Дорога несет на себе отпечаток войны: разбитое и брошенное оборудование, разрушенные и сожженные дома, громадные воронки от бомб, останки несчастных людей и животных.

Город – размером с Франкфурт, не считая окраин. Это беспорядочное нагромождение, без плана или отличительных черт. В нем есть трамваи, светофоры, современные кварталы, здания больниц и госучреждений – все вперемешку с жалкими деревянными лачугами и избами. Новые дома были расположены на песчаной пустоши, без всякой ограды, если не считать деревянной изгороди. Вслед за ними поднимались заводские корпуса во всей своей неприглядности, со складами и с железнодорожными подъездными путями.

Однако мы целый час катили по асфальтовым дорогам, читая по пути причудливые названия вроде «Кулинария» над ресторанами. Мы наблюдали, как оставшееся население в спешке занималось мародерством.

Русские пока еще укрепились на окраинах; дня два назад их танки все еще заправлялись в городе. У них есть подлая шутка, состоящая в том, чтобы гонять по улицам и просто сбивать наши машины. Из-за этого у нас были досадные потери. Когда мы вступали в город, то столкнулись с тем, что они установили свои орудия на главной дороге и заставили нас здорово побегать. Это был совершенный цирк. Все-таки сегодня после полудня восемь из шестнадцати самолетов, бомбивших переполненный аэродром, были сбиты. Они летели низко и рухнули, вспыхнув как спички. Раз уж мы выпустили танки, теперь они скоро очистят нам пространство для движения.

Странная жизнь на этом острове в чужой стране. Мы пришли и готовы ко всему, независимо от того, насколько это будет необычным, и ничто нас больше не удивит. За последнюю четверть часа царило оживление в секторе справа от нас. Позиции третьей батареи вышли из строя. Линейный патруль прекращает действовать. Снаружи царит жестокий холод.

Это серьезная война, серьезная и отрезвляющая. Наверное, она отличается от того, какой вы ее представляете; она не настолько ужасна – потому что для нас в вещах, которые считаются ужасными, осталось уже не так много ужасного. Иногда мы говорим: «Будем надеяться, что это скоро кончится». Но мы не можем быть уверенными в том, что это кончится завтра или послезавтра. И пожимаем плечами и делаем свое дело.

Я стоял один в доме, зажег спичку, и с потолка стали падать клопы. По стенам и полу ползали полчища паразитов. У очага было совсем темно от них: жуткий живой ковер. Когда я тихо стоял, то слышал их непрерывные шорох и шуршание. Ничего, это уже не приводит меня в замешательство. Я просто удивляюсь и качаю головой.

2 ноября 1941 года. 16.00. Русские атаквали всю ночь. Сегодня спокойней. Деревья окутал мокрый туман, а вороны отряхивают свои перья. Сообщают, что русские планируют большое наступление. Затишье перед бурей. Вчера весь день я был внизу в штаб-квартире и чинил свои ботинки. К вечеру вернулся на свою позицию с Францем Вольфом. Мы шагали, руки в карманах, воротнички расстегнуты и с трубками в зубах. Пока мы вот так, не спеша тащились, наши поясные ремни и все металлическое покрылось льдом, а наши воротнички и пилотки стали твердыми от мороза.

Должно быть, было около половины четвертого, когда русские подвергли наши позиции ковровой бомбардировке из своих проклятых орудий. Этот «ковер» накрыл холм перед нами серией яростно вспыхивающих снопов огня, бегущих справа налево с интервалами между ударами в одну секунду. Серия страшных взрывов. Небо сделалось красным, и Франц сказал: «Проклятие, это опять была наша деревня».

Поскольку у меня не оставалось никаких дел, я воспользовался случаем, чтобы посетить отделение радиосвязи на наблюдательном пункте номер 3. Это означало идти в огонь. Когда мы пришли на вершину холма, стали гадать: охвачен ли огнем маленький дом или нет? Мы огляделись на вершине, и Франц

сказал: «Здесь они всегда могут подстрелить тебя слева и справа».

Едва он успел договорить, как мы оба уже распластались на земле. Мы смеялись, убрав головы, потому что незадолго до этого Франц объявил, что больше не будет этого делать, поскольку это выглядит глупо. «Это сильнее тебя; это инстинкт, – сказал он, затем добавил: – А вон там они стреляют прямо по деревенской улице».

Нам не пришлось долго ждать пулеметного огня, и после нескольких быстрых продвижений ползком мы повернули направо. Тем временем стало ясно, что пострадал не маленький домик, а соседний сарай. «Там была корова Цинка. Придется сказать ему об этом».

Мы прошли через травяное поле, местами выбитое многочисленными воронками взрывов, и повернули на деревенскую улицу. Справа целым остался только дом Вольфа. Это было маленькое аккуратное строение, канцелярия комиссара, с чистым потолком и белеными стропилами, столом и белой голландской печью. И конечно, никаких паразитов – здесь никто не жил.

Цинк лежал на ковре перед радиоаппаратурой – экзотическое зрелище при тусклом свете масляной лампы. Ему и в самом деле было что нам рассказать. Сарай загорелся после первого же залпа в половине первого дня. Цинк доил корову. «Взрывом меня отбросило в сено. Через некоторое время я поднялся. Посмотрел на корову, а корова посмотрела на меня. Затем начался пожар, я отвязал корову и отвел ее в безопасное место. После этого я не вылезал весь день. Одного раза достаточно!»

Вечерами мы говорили о серьезных вещах; о своем положении, делились

впечатлениями о пережитом; об изменении характера, о своей работе до войны и о том, чем будем заниматься потом; о том, что будет с нами, с Россией и Германией. Затем были шутки, потому что ребята из мотопехоты называли нас «голодная дивизия» – мы всегда в затруднительном положении, без эшелона снабжения, как «беспризорные дети»... Нам не достаются новые армейские ботинки или рубашки, когда старые изнашиваются: мы носим русские брюки и русские рубашки, а когда приходит в негодность наша обувь, мы носим русские башмаки и портянки или еще делаем из этих портянок наушники от мороза.

Но у нас наши винтовки и предельный минимум боеприпасов. «Нет, вы только посмотрите, кто здесь!» – говорят ребята из мотопехоты. Но у нас есть ответ. «У нашего генерала железные нервы», – говорим мы. Хочешь не хочешь, эта страна нас кормит.

С пяти часов утра опять идет снег. Ветер задувает мелкие сухие снежинки во все щели. Пехотинцы защищаются от холода чем только могут – меховыми перчатками, шерстяными шапочками, наушниками из русских портянок и ватными штанами. Мы изредка высовываем нос наружу и бежим обратно к печке. Бедные солдаты из стрелковых рот, сидящие в землянках и окопах. У них нет подходящей позиции для ведения боевых действий. Они у нас не подготовлены для этого, и у нас не отрыты подходящие землянки, хотя мы и застряли здесь на какое-то время. Мы не предполагали задерживаться, нам нужно двигаться вперед.

Снег падает обильно и тихо; теперь уже не метет так сильно. Он поглощает звуки и слепит. Отдельные выстрелы, раздающиеся из нереальной серой мглы, звучат глухо. Даже не знаешь, почему они стреляют. Брошенные лошади –

жеребцы и старые мерины – плетутся рысью по снегу, свесив головы, появляясь из мглы и исчезая в одиночестве.

Когда мы шли через покрытую ночной пеленой равнину, ветер задувал снежные кристаллики за шею, и мы почти не разговаривали. Один раз Франц сказал: «Это забытая Богом страна». Затем на перекрестке дорог мы распрощались. Когда пожимали друг другу руки, задержались на мгновение... и сутулая фигура Франца быстро исчезла в темноте.

Бывают моменты, когда какая-то картина запечатлевается в вашем сознании. Это был такой момент. Бросив последний взгляд на друга, с которым расстался, я почувствовал себя оторванным от события, в котором принимал участие. Мы никогда не знаем, куда идем, даже если чаще всего смеемся над такими мыслями.

У меня снова есть шинель. Мы потеряли Антемана. Одним хорошим товарищем стало меньше. Шинель старая, пережившая две кампании. С засаленным воротником и потерявшими форму карманами. Как раз для России, для того, кто хочет засунуть руки глубоко в карманы, при этом дымя трубкой во рту. Очень подходящая поза для того, кто хочет создать вокруг себя своего рода вакуум, потому что каждый из нас стал почти безразличным ко всему. Я лично чувствую себя прекрасно в таком состоянии. Я нахожу удовольствие в закаливании себя перед всеми этими невзгодами, мобилизующими мои силы и трезвость ума против этой собачьей жизни, так что в конце я, может быть, выиграю от этого.

Нас теперь двадцать восемь мужчин в этой комнате плюс четыре женщины и ребенок. Хозяева спят иногда в кухне по соседству, иногда здесь, на печи. Мое

собственное спальное место у двери, в проходе. Поскольку у нас есть батарейный радиоприемник, к нам в гости приходят даже вечером. Это создает целую проблему с проходом; с трудом удается повернуться. Когда большинство ложится спать, я сажусь писать, а иногда мы играем партию в шахматы, в то время как другие снимают рубашки в ночной охоте на вшей. Именно тогда пехотинцы заводят беседу, настоящие солдаты пехоты, такие, как пулеметчики или парни из стрелковой роты.

Трудно описывать такого рода вечернюю беседу. Так много в самой атмосфере этой беседы; в том, как люди сидят, положив локти на колени или откинувшись назад с согнутыми руками. Конечно, иногда мы переживаем депрессию, но говорить об этом не стоит, потому что самое лучшее в нас проявляется в юморе. Например, мы достаем карту и говорим: «Теперь, как только мы попадем в Казань...» или «Кто-нибудь знает, где Азия?»

Сегодня кто-то сказал: «Мы будем дома на Рождество...» – «Он не сказал, какого года», – бросил другой ухмыляясь. «Вообрази, попадаешь домой и первое, что узнаешь, – тебя забирают в ополчение... Встаешь в пять утра в воскресенье, и кто-нибудь там стоит и кричит: «Пулеметный огонь слева!» или «В двухстах метрах за деревней русская пехота! Ваши действия?»

«Ты отвечаешь им, что идешь в деревню поймать пару кур для жарки, – говорит Франц. – Что еще?»

А Цинк добавляет: «Если кто-нибудь захочет поговорить со мной, я спрошу его, был ли он в России».

Несмотря на то что Калинин был взят, наступление на главном направлении

на Москву было остановлено, «завязло» в грязи и лесах примерно всего в двухстах километрах от столицы. Вслед за новой попыткой достичь Москвы 2 декабря, в результате которой немецкие войска фактически дошли до предместий³, русские предприняли первое большое контрнаступление. В течение нескольких дней 9-я и 4-я танковые армии были отброшены далеко назад, и Калинин пришлось оставить.

1 января 1942 года. С Новым годом всех вас! Мы вышли из горящей деревни в ночь, и везде, где мы проходили, в небо вздымались языки пламени, за которыми следовали черные клубы дыма.

Сейчас все ребята спят. Я вышел наружу, чтобы просто поздравить своих часовых с Новым годом. «Может быть, еще в этом году мы будем дома», – сказал я.

Утром первого числа было все еще более сорока градусов ниже нуля. Мы обмотали наши ботинки тряпками и то и дело посматривали на носы друг друга. Когда копчик носа белеет, пора с ним что-то делать. Франц и я скакали с передовой группой. Франц никак не мог попасть в стремя из-за тряпок, намотанных вокруг его ботинок. Он достал перчатки, чтобы развязать проволоку, которой были перевязаны тряпки. Два его пальца были обморожены. Некоторые из нас обморозили ступни, кое-кто до обморожения третьей степени. Русские отчаянно напирают. Они пытаются любой ценой захватить деревню целой и невредимой, но мы не оставляем им ни одной.

9 января мы поехали верхом поискать помещение для бойцов нашего

---

³ До Дмитрова и Химок.

эшелона снабжения. Было уже темно. Узкая дорожная колея была различима лишь благодаря втоптанному в снег валежнику. Мы проскакали рысью около четырех километров. Лошади то и дело по брюхо проваливались в снег, выпрыгивая и с трудом пробираясь вперед. Это было похоже на скачки на верблюдах; мы качались и балансировали, пытаясь отрывать свое тело то от холки, то от крупа лошади, помогая ей в силу своих возможностей двигаться вперед. Это была странная кавалькада: трое чучел среди кустов и холмов. Позади небо вновь стало красным. Время от времени раздавалась орудийная и винтовочная пальба; а так было очень тихо.

Дул ледяной ветер. С прошлой ночи он заметает за городом снег в полосы и рвет в клочья. Снегом замело мост, снежные дюны покрыли все тропы, а на дорогах надуло глубокие сугробы. Сейчас мы поджидаем наших. Они должны подойти, преодолев тридцать километров пути. Смогут ли они это сделать?

20.00. Теперь они уже не смогут этого сделать. Уже несколько часов как наступила темнота. В половине пятого мы уже поужинали. Посмотрели на часы и покачали головой: еще так рано, а ночь уже наступила некоторое время назад. В воздухе сплошной снег, кристаллики льда как топкие иголки, которые ветер задувает во все щели. Свет на другой стороне деревенской улицы горит слабо, и, если вы рискнете выйти наружу, ветер будет трепать вашу одежду. Лучше сидеть у огня.

Спасибо Господу за картошку. Мы не были готовы к долгому пребыванию в этих местах, и что бы стало с нами без нее? Как бы могла вся армия пережить

русскую зиму без этого скромного овоща? Вечером, как всегда, мы очистили картошку от кожуры, с благоговением размяли ее и посолили крупной русской солью.

Сейчас утро. Мы кончили завтракать, и опять это была картошка, благодаря которой мы почувствовали удовлетворение от еды. В этом доме нам предложили картошку, чай и каравай хлеба, замешенный из ржаной и ячменной муки с добавлением лука. Пожалуй, в нем было несколько коричневых тараканов; по крайней мере, я срезал одного из них, не сказав ни слова. Святой в углу кротко смотрит из своей золотой рамки, как будто хочет сказать, что бесстрастный дух не обращает внимания на такие пустяки. Что хорошего в том, чтобы замечать их? Это может только помешать мне насладиться великолепием творения, которое появилось вновь этим утром во всей своей красе.

Первый луч солнца был уходящей в небо линией зеленого и красного огня. Затем на северо-востоке появился странный свет: центр его выглядел как расплавленный металл и был обрамлен двумя дугами такого ослепительного сияния, что глазам было больно смотреть. Все вокруг окунулось в волшебную золотисто-белую дымку, деревья и кустарники были охвачены лучезарным сиянием, а вдали верхушки крыш и вершины холмов на фоне нежно-серого горизонта сияли белым светом. На заре звуки разливались странно завораживающе и неуловимо, как будто все это было волшебной игрой сказки.

Мы скакали обратно при ярком свете солнца; в последний раз я ехал верхом с Францем Вольфом и своими старыми товарищами. Меня перевели на батарею. Связист – мертв: да здравствует артиллерист!

Иваны пробудились. Мы толкнули их чрезвычайно сильно, теперь они отразили удар и перешли в наступление.

Прошлой ночью мы вспугнули в секторе батальона три разведывательные группы. Последняя состояла из двадцати человек. Лишь один из них упал за проволокой на нашей стороне. Что касается остальных, утром на полосе осталось много небольших холмиков, наметенных над телами убитых вдоль нейтральной полосы. Один из них все еще тлел. Наверное, у него была бутылка с зажигательной смесью и одна из наших трассирующих пуль попала в нее.

В течение ночи русские приходили с огнеметом. Иван теперь использует довольно много сильных взрывчатых материалов. На холоде грохот взрывов чрезвычайно громок. Осколки издают пронзительный, резкий свист, но эффект не очень велик. Мы слишком хорошо защищены. Снаряды наших тяжелых минометов наносят ивану гораздо больший урон. Они отскакивают от земли и взрываются в воздухе. Тем самым достигается гораздо большая убойная сила от эффекта рикошета артиллерийского снаряда, против которого не защитит ни один окоп. Когда сбрасывают свой груз наши «Штуки»⁴, земля дрожит на километр вокруг.

В одной из рот устанавливают траншейный миномет, при помощи которого предполагают забрасывать окопы ивана дисковыми минами с расстояния в тридцать – сорок метров. Конструкция миномета напоминает катапульту римлян. Она очень примитивна. Такое оружие – порождение окопной войны. Когда фронт вновь начинает продвигаться, об этих штуках быстро забывают. Но эта игра в

---

⁴ Речь идет о бомбардировщиках «Юнкерс-87».

«римские игрушки» говорит о боевом духе подразделения.

Позавчера я впервые стрелял из орудия. Десять выстрелов. Это было удивительное ощущение. Забываешь обо всем – об опасности, о холоде. Это – дуэль. Фактически мы не были в опасности; все шло как на полигоне. Наш первый снаряд ударил возле землянки с солдатами, за которой мы наблюдали целый день. Мы выстрелили по двум другим землянкам. У третьей вверх взметнулся фонтан земли, как при взрыве мины. Это был наш прощальный выстрел. После этого мы отошли к С., где расквартировались некоторое время назад. Отсюда мы должны отойти на заранее подготовленные позиции.

Вчера я ходил проведать старую братию. Франц наконец удостоился Железного креста первого класса. В послужном списке говорится: «За преследование танка врага от пункта С. до следующей деревни и попытку подбить его из противотанкового ружья». Мы смеялись до того, что слезы катились по щекам. За это, среди всех прочих заслуг! В то время как он уже получил строгий выговор!

Все равно я был рад. Я пришел туда, как раз когда отделение выходило на построение. «Мы скучаем по тебе», – говорил потом Франц.

Мы немного стесняемся сентиментальности, но в этом что-то есть. «Старая братия»... это целый мир. Не так ли, отец?

Глава 4.

Бой вокруг наблюдательного пункта «Красный»

Поражение под Москвой сопровождалось такой же неудачей на юге, где, достигнув Ростова, «ворот Кавказа», в конце ноября, танковая армия фон Клейста была вынуждена отступить к реке Миус. В центральном секторе контрнаступление русских продолжалось три месяца и вылилось в одно из самых жестоких сражений войны. В то время как русским оказывали поддержку большое количество сибирских отрядов лыжников, у немцев не было никакого зимнего обмундирования. Однако им удалось установить и удерживать линию обороны на рубежах под Ржевом, Вязьмой и Брянском. Это делалось согласно распоряжениям Гитлера, который взял на себя командование армией в декабре. Бой вокруг наблюдательного поста «Красный» и другие боевые действия в последующих главах, вероятно, велись под Ржевом, на самом северном из трех бастионов, в ста пятидесяти милях к западу от Москвы.

Сегодня ничего особенного не происходило, за исключением того, что горели деревни перед нами, и солнце, окутанное облаками дыма, выглядело как красный шар. Беженцы – старики, женщины и дети – с трудом пробирались по снегу. Они тащили за собой сапки и вели с собой коров и собак. Длинные овечьи тулупы женщин сидели на них как деревянные, выделялись узлы и цветные одеяла, а старики с их заиндевевшими бородами были похожи на Дедов Морозов. К вечеру огонь стал кроваво-красным, теперь дома светятся из темноты, как глаза дьявола.

Сегодня ночью пехота отойдет на заранее подготовленные позиции. Пулеметные гнезда и долговременные огневые сооружения образуют

непробиваемую линию обороны, с проволочными заграждениями, стоящими в снегу, как игрушки. «Танец» может начинаться. Белый танец смерти.

Видимость ухудшается. Пронзительный ветер поднимает в воздух тучи снега. Наступающих русских мы видим как сквозь вуаль. Мы внимательно следим за ними; мы знаем, что на нас наступает.

25 января 1942 года. 4.00. Ночи холодные. Лежащий снег кажется голубым под серебряной луной, а там, где тень, он цвета индиго. На сто метров впереди пулеметные позиции на крутом склоне оврага при свете луны похожи на горный хребет.

Время от времени проходит часовой – скрипит снег; временами открывают огонь – выстрелы эхом отдаются и долго еще слышны потом в долине небольшой речки. Каждые три часа я поднимаюсь на наблюдательный пункт и в течение часа всматриваюсь в даль, а когда мы открываем огонь, я стою дольше. Сплю урывками; из сорока восьми часов я спал только восемь. Не все ночи такие спокойные, как эта.

Сектор слева от нас – слабое место. Позавчера противник подбил там пулемет и в рукопашном бою отбил окоп. Вчера в том же секторе они прорвали нашу линию обороны. Это произошло к вечеру. Вскоре несколько домов в деревне были в огне. Неприятель ринулся вперед под прикрытием дыма. Я стоял снаружи, слушая их боевой клич. Они ревели, как нападающие быки. В то же время русские пытались прорваться через овраг и атаковать деревню с нашего правого фланга. Они были отброшены.

Я долго слышал, как кричал раненый.

Почти всю ночь они вели огонь из легкой артиллерии. Некоторые орудия стреляли трассирующими осколочными снарядами; они летели медленно и разрывались высоко над головой, низвергая вниз свистящие осколки. Но мы неожиданно сами открыли огонь, и наши снаряды издавали более впечатляющие звуки. Они начинаются на высокой ноте, а заканчиваются глубоким глухим гулом, как у органа. Когда они летят по воздуху один за другим, то создают мощный звуковой аккорд. Наверху впереди, помогая корректировать огонь, вы видите сильное зарево, мощные взрывы. Громадные клубы дыма и снег закрывают все пространство цели. Это подобно гигантскому кулаку, опустившемуся вниз.

Не могу отрицать, что испытываю гордость в такие моменты. Можно гордиться выполняемой обязанностью наводчика этих тяжелых орудий; даже при том, что мое собственное участие в этом весьма невелико, это «наши» снаряды и «наша» батарея, которая ведет огонь. Как только деревянные обломки и земля взлетают от взрыва высоко вверх на вражеских позициях и атака противника захлебывается он нашего огня, пехота празднует; солдаты чертовски счастливы и благодарны нам. Мы, со своей стороны, горды, что все идет так хорошо. Голод, холод, усталость – мы забываем обо всем этом, когда ведем огонь.

Мы знали, что надвигалось. Мы видели со всей ясностью, как развивались события. Я сделал последний бросок навстречу ветру и под артиллерийским огнем пробился на наш фланговый наблюдательный пост в километре от линии фронта. Противник уже начал вести огонь из танков и противотанковых орудий.

Прелюдия. Как хорошо мы ее знали.

Я нашел ребят на передовой пулеметной позиции и поздоровался с каждым за руку. Пфайл поделился со мной кусочком тоста, а я отдал ему одну из своих последних сигарет. Затем я отправился обратно через лес, чтобы проложить лыжню, вдоль которой должен быть протянут новый провод к наблюдательному пункту. Я двигался по магнитному азимуту, все время в спешке, и даже на лыжах ноги глубоко проваливались в снег. Но было уже слишком поздно. Несколько часов спустя провод связи вдоль линии огня был порван снарядами в двадцати местах, фронт между наблюдательным пунктом и нами был прорван, и в том же самом лесу взмывали вверх сигнальные ракеты противника.

Утром не было никакого признака наших наблюдателей. Позднее двое из них вернулись. Один остался лежать на месте – прямое попадание. Мы не спали в ту ночь, наша землянка стала центром, куда поступали донесения шести соединений. Прибегали и убегали люди. Большинство из них не сообщали хороших вестей: «Лейтенант фон Г. убит в рукопашном бою; мы не видели русских, пока они не оказались в пяти метрах от нас...», «Блиндажи захватывают один за другим...».

Все время приходилось просить новые сани для раненых. Они прибывают из-за леса, вдоль протянутого нами провода, который все время обрывают. Позиции нашего передового дозора всю ночь были отрезаны.

28-го русские совершили свой первый прорыв с нашего правого фланга. Они выбили с позиций соседнюю с нами роту и заняли пункт П., расположенный на господствующей высоте и вклинивающийся в наш фланг. Мы открыли стрельбу из противотанковых орудий и подожгли несколько домов; были спешно согнаны и пекари, и мясники, и санитары, чтобы ликвидировать прорыв. Но наш санный

путь через П. отрезан. Оставалась лишь тропа через лес.

Все контратаки провалились. Ночь за ночью мы вели массированный огонь, чтобы выбить оттуда противника. Ночь за ночью пехота ходила в атаку после пребывания на открытом воздухе после 27-го числа. Ей было прекрасно известно обо всей тщетности этих усилий. В третий раз стояла задача взять П. Любой ценой! «Окопы на линии фронта будут заняты вновь. Всякий оставивший свой пост будет предан военному трибуналу и расстрелян».

Настроение в нашей землянке самое безрадостное.

Командир пехотной роты лейтенант фон Гинденбург происходит из старинного рода. От усталости у него образовались круги под глазами. В моменты, когда он думает, что за ним никто не наблюдает, его охватывает огромная усталость и на него находит полное оцепенение. Но как только он берет в руки телефонную трубку, его спокойный низкий голос звучит ясно и твердо. Он говорит с командирами взводов с такой убедительной теплотой и уверенностью, что они уходят успокоенными. Его собственное мужество самодостаточно, оно так же неотделимо от него, как его армейский мундир.

Скоро будет ноль часов. Я медленно готовлюсь к этому. Тем временем лейтенант фон Гинденбург пошел спать. Его работа закончена. Он крепко спит до тех пор, пока не придут первые посыльные.

Вскоре после этого я был уже на наблюдательном пункте, ожидая массированного артиллерийского огня, который должен предшествовать атаке. Ночь была темно-голубой, в виде небосвода без звезд над освещенной панорамой. Огонь в П. отражался на снегу нежно-красным светом.

Мы наблюдали за артобстрелом. Он обрушился одним ударом, рикошетирующие осколки, как фантастические фигуры, прыгали над крышами.

В ту ночь саперный взвод – офицер и сорок два солдата – атаковал противника. Одиннадцать человек были убиты, девять тяжело и семь легко ранены. Офицер вернулся с пепельно-серым лицом и пятнадцатью солдатами.

На следующее утро пройти к нашему наблюдательному пункту было почти невозможно. Русские обстреливали нас из занятых ими окопов, так же как и из пункта П. Одна из противотанковых пушек настолько точно пристрелялась к нам, что после разрыва мое лицо всякий раз обдавало душем из снега и земли, когда я всматривался через смотровую щель, чтобы определить направление, на вспыхивающее пламенем дуло. Нам пришлось эвакуировать наблюдательный пункт и отойти назад в окоп. Как только мы забрались в землянку, разворотило наше оконце, и нам пришлось заколачивать дыру.

Случилось неизбежное. Наши позиции были обстреляны из леса, в семидесяти метрах с тыла от нашей землянки. Русские дозоры зашли нам в тыл и оборвали провод связи. Наши их видели. Позднее наши собственные дозорные обнаружили, что русские протоптали в лесу широкую тропу за главной линией передовых позиций, от которых связь с тылом осуществлялась по четырем телефонным линиям.

31-го в полдень в землянку прибыл командир батареи. Он вместе с лейтенантом Маком предпринял еще одну попытку занять наблюдательный пункт. Это не удалось сделать. Сразу же открывало огонь противотанковое орудие. Они были на волосок от смерти и потом пять минут не могли прийти в

себя. То была тяжелая ночь. Говорили, что в пункте П. триста человек готовы атаковать наши позиции. Если бы это удалось, они бы нас накрыли. Но мы сосредоточили огонь всего полка на этом участке, и обстрел был мощным. После этого слышались крики раненых...

* * *

Сегодня нас выручали. На подходе отряды подкрепления обстреляли, и они вынуждены были отступить. Сани с аппаратурой и другим имуществом попали в руки врага. Сделали еще одну попытку и на этот раз прорвались. В 12.30 мы отбыли, десять человек с двумя санями и несколькими ранеными. Впереди нас ехал русский дезертир (один из тех, кто последние два дня голодный блуждал по лесу).

За пятьсот метров от наблюдательного пункта мы наскочили на неприятельский дозор из пятнадцати человек. Мы сразу зашли им во фланг. Я видел, как первый из них бросился под ель слева от тропы. Но я переиграл его. Когда я подошел ближе, то увидел, что в пяти метрах в небольшой ложбинке трое из них пытались скрыться. Мой магазин быстро опустел. Я набросился на них, и двоих, в том числе командира дозора, мне удалось захватить. Третий убежал. Я передал двоих пленным товарищу, перезарядил оружие и последовал за беглецом. Думаю, что, скорее всего, мне удалось его подстрелить. Тем временем командир дозора попытался с пистолетом напасть на моих спутников. Мой товарищ

застрелил бы его, но винтовка дала осечку. У русского курок пистолета не был взведен, и мой товарищ выбил его из рук солдата прикладом. Затем они пошли друг на друга. Я подоспел вовремя, чтобы вмешаться.

Остальная часть нашего отряда уже ушла дальше. Они обстреляли основную группу русского дозора справа от тропы. Я тогда думал, что мы всегда будем действовать со всей массой войск, но тут вдруг мы оказались одни. Мои товарищи тоже пропали, а я остался с пехотинцем с обмороженной ногой.

У нас потерь не было. Что касается всех криков и стрельбы, для русских паша атака была столь неожиданной, что им так и не удалось организовать системную оборону. Раненый лейтенант, ответственный за нашу команду, был доволен своими артиллеристами.

Теперь хорошенько выспаться!..

3 февраля 1942 года. Мне присвоено звание сержанта за «храбрость перед лицом врага».

Наша батарея сделала более тысячи выстрелов со своей нынешней позиции. Она отбивала все атаки противника в нашем секторе. Неприятель совершенно не смог бы действовать эффективно, не засеки он наши огневые позиции, – а русские никогда не бывают настолько неэффективны. Вчера они послали разведывательный самолет, и третий их залп попал в цель. Орудие номер 3 перевернулось, восемьдесят снарядов взорвались, результатом попадания в окоп стали девять жертв. Один из парней лежал в трех метрах от боеприпасов, но у него не были опалены даже брови, лишь с головы до ног он был обсыпан порохом.

Сержант Х., прекрасный, милый парень из нашего отряда, был ранен на нашем контрольном пункте на третью ночь. Рано утром его и еще пятерых пострадавших эвакуировали на трех санях. На санном пути кавалькада встретила вражеский дозор. Были пострадавшие среди сопровождения, а позднее обнаружили, что получившие ранения – мертвы. Офицер саперов, о котором я упоминал выше, прибыл сюда в ту же ночь, получив сквозное ранение в руку. Он с боем пробивался вместе с нашим командиром батареи. Из своих оставшихся пятнадцати человек он нашел только двоих. На линии фронта больше не берут пленных.

История с наблюдательным пунктом «Красный» завершилась тем, что мы отбили свой главный огневой рубеж. Русским, отрезанным в лесу на юго-западе, теперь определенно остается лишь ждать гибели. Однако наблюдательный пункт «Красный» пережил еще одну тяжелую ночь. Вечером 1 февраля он был атакован из находящегося сзади леса отрядом от восьмидесяти до ста человек. Лейтенант фон Гинденбург был у пулемета, а солдаты и офицеры вели огонь из-за деревянного частокола. В то же время лейтенант Кролл оттянул назад огонь нашей батареи так, что он велся по месту всего в тридцати метрах от землянки наблюдательного пункта. После этого еще две атаки следующей ночью едва ли стоят упоминания. Мощная атака, предпринятая противником, захлебнулась.

Днем мы уничтожили несколько более мелких групп. Теперь пехота движется назад, опять к своим прежним окопам. После девяти дней и ночей прозябания вокруг крошечных костров под укрытиями из еловых веток, тихого сна и ооченения в снегу они не способны даже отвечать, как будто были под

наркозом. Наблюдательный пункт должен быть покинут.

Слава памяти о тебе, наблюдательный пункт «Красный»! Все вокруг разгромлено, тяжелые дощатые стены разбиты в щепы; расщепленные пни, поломанное оборудование, мертвые лошади и множество несчастных окоченевших трупов. Черен снег перед твоим красным порогом. Ты стал символом – НП «Красный»!

Пять дивизий было брошено против одной нашей, мы достигли предела человеческой стойкости. И все-таки передо мной были живые примеры мужества и отваги. Был штабной сержант, который во все эти дни стоял как скала на ничейной земле: он ни разу не покинул своего поста, у него ни разу не отказывал пулемет, но он кричал своим людям, чтобы те держались. Был рыжебородый сержант, который не проронил ни звука, когда перевязывали его раны, он смеялся и весело обращался к двум поддерживающим его товарищам: «Я скоро вернусь обратно, господа!» И был высокий командир роты, который медленно высовывался над бруствером, тщательно прицеливался и открывал огонь, говоря: «Залпом – пли», так, будто он находился на стрельбище. Такие люди все еще есть, и они, может быть, стоят целой роты.

Глава 5.

Зима в центральном секторе

Сегодня снова отправился на передовой рубеж. «Красная» теперь только половина НП. Поле боя выглядит неприглядно. Лента дороги к нашему бывшему

посту оптического наблюдения вьется через поле воронок. Сам пост пережил сегодня прямое попадание. В нашей собственной землянке также видны следы разгрома.

Многие окружающие деревья расщеплены: все выглядит ободранным. Нигде не видать чистого снега, это пустошь. Ступеньки, ведущие в землянку, покорежены и покрыты льдом. В основном соскальзываешь по ним ногами вперед и ударяешься в дверь. Но даже если паша «нора» полна грязи и вшей, даже если кирпичи вываливаются из печки, а окошки уже не пропускают свет, это – убежище. Прямое попадание не повредило его, а только немного обсыпалась земля с потолка. Снаружи будет – тарарам! Но внутри мы чувствуем себя прекрасно и в безопасности.

Мы теперь старые друзья, пехота и мы. Мы знаем друг друга по имени, и, главное, мы прекрасно ладим. Мы живем одной жизнью: одно едим и пьем, переживаем один и тот же холод, вшей и артобстрелы. Мы все вместе во всем этом: мы целимся в одного врага.

Я сижу у самого окна, и писать трудно. Сейчас за полночь, два часа. Большинство из нас спят. Но поскольку на нарах не могут уместиться все, всегда кто-нибудь сидит. Как бы то ни было, мы не можем себе позволить, чтобы спали все. Ночь и день ненамного отличаются друг от друга. Ешь, спишь в любое подходящее для этого время (и не знаешь, как долго) и сразу же приступаешь к своим прямым обязанностям. Вот и все, что есть наши обязанности – с моментами жестоких удовольствий.

Вчера привезли несколько одеял, из тех, что были собраны на родине, дома.

«Как трогательно, – говорили мы, – как они пахнут нафталиновыми шариками, как чисты!» Видишь гостиную с диваном или детской кроваткой или комнату молодой девушки, из которой они взяты. Мы подержали их на секунду в руках, улыбаясь. Как же далеко, казалось, все это было, как будто на другой планете.

Но не беспокойся, не так уж все плохо. Мы снова найдем дорогу домой.

Солнце светило день за днем так же, как всегда, и у входа в наше жилье, защищенное от ветра, оно растопило немного снега, оставив сырое пятно. Это уже предвкушение весны.

Дары были такими щедрыми, что мы оказались в состоянии передать довольно много шерстяной и меховой одежды для наших друзей в пехоте. Если пройдут наши лошади, мы это сделаем. Лошади – одна из самых больших наших проблем. Правда состоит в том, что двигатель внутреннего сгорания – чистый убыток в этой зимней войне. Все приходится перевозить на санях. Откуда берутся все эти сани – загадка. Но как выживают эти лошади – еще большая загадка. Сено находится в трех днях пути. Местные лошадки живут на воде, соломе и... битье. В это трудно поверить. Скирда соломы – фантастическая вещь: ее реквизируют, охраняют, ночью из скирды выдергивают клочки; это доходит до дивизии, а то даже корпуса. Но шесть тысяч лошадей приканчивают этот запас в несколько дней.

Мы живем на странной звезде; нас задевает, когда кто-нибудь прибывает из резерва. Сегодня прибыл маленький человек, весь в снегу, только что из дома. Вот он – в своей новенькой форме, чистенький и без вшей, держащийся с достоинством и полный невинных идей. Мы, старые окопные крысы, сидим

вокруг него, наслаждаясь компанией новичка. Забавно видеть такого человека; по-своему трогательно. По сравнению с ним мы – грубая, сквернословящая масса дикарей. Но насколько мы здоровее, достаточно сильны, чтобы противостоять чему бы то ни было. Вероятно, самое худшее позади, но если он направлен на НП, он, может быть, еще что-нибудь увидит.

А что касается пополнения пехоты, которое прибыло сегодня...

...Табель, который возит фураж, смотрел вытаращенными глазами на них, впервые увидевших вспышки, поднимающиеся над безмолвным снежным пейзажем. Габель – отчаянный парень. Он каждую ночь гоняет своих лошадей на НП, стоя во весь рост в санях с ручными гранатами в карманах. Он дает новичкам прекрасное описание места действий в своей обычной сухой манере.

Их ждут кое-какие сюрпризы, но у них будут и хорошие учителя. Так что все пойдет как надо.

Я все еще довольно слаб, но уже два дня у меня нет температуры. Я щурюсь на солнце, как кот на свет. Солнце великолепно. Когда оно поднимается в утреннем тумане, снег так блистательно ярок, а свет, заполняющий воздух, настолько ослепителен, что приходится отворачиваться.

В этой стране все доведено до крайности. Можно ли будет когда-нибудь к этому привыкнуть? Снова и снова мы стараемся свыкнуться с этой мыслью. Вечер за вечером ведем оживленные дискуссии, пытаюсь давать работу нашему уму и не давая освобождаться от иллюзий.

Мы продолжаем надеяться на то, что однажды нас отпустят. Мы говорим так друг другу и пытаемся убедить сами себя. Но мы ломимся в открытую дверь,

потому что хотим одного и того же. Мы лишь принимаем желаемое за действительное, когда говорим: «Что, мы предпринимаем еще одно наступление? С этими лошадьми? С таким оборудованием? С этой пехотой? Разве вы не видите, что дивизии конец? Русские умрут от смеха, когда мы появимся!»

«Дивизия вытянулась по фронту на двадцать километров, – сказал кто-то на днях шутя. – Это как выступление театральной труппы маленького городка. Они ходят по сцене с торжественными лицами и снуют взад-вперед». Потом есть еще одна шутка: «Когда полковник однажды хотел проинспектировать лошадей, кто-то предложил добавить к ним слева двух коров, чтобы показалось, что их больше».

21 февраля 1942 года. Наш НП покрылся толстым слоем снега. Мы должны расчистить его в течение дня, потому что вручают штаб-сержанту Шаперу Железный крест первого класса. Ярко светит солнце. Крупинки снега слетают с деревьев, как стеклянная пыль. Мохнатая лошадка в своем огненно-красном зимнем одеянии трусит впереди легких саней. Мы комфортно разлеглись, щурясь от ослепительного великолепия, и наслаждаемся поездкой...

Говорят, русские установили противотанковую пушку выше, в пункте П. Я покрутил колесико оптической трубы и всматривался изо всех сил, но ничего не смог обнаружить. У меня было искушение. Я один на НП и могу немного попрактиковаться в оружейной стрельбе самостоятельно.

Во второй половине дня я пошел на передовую позицию пехоты, где, как говорили, произвели наблюдение. На мне – новая зимняя форма: белые как снег штаны и куртка. Я брел по санному следу по лесу и через залитую солнцем

полосу открытого участка земли к «сапогу». «Сапог» – это узкий вырез в грунте, который тянется в сторону противника и заканчивается в низине между нами и П. Он соединяется с землянкой, соседней с нашей, оцетинился амбразурами и защищен проволокой, спиралью Бруно.

Справа на краю выступа находилось пулеметное гнездо, к которому я и шел. Я доложил штаб-сержанту Улу, который удерживал со своими людьми «сапог». По правде говоря, его подчиненные не слишком хороши в деле, но такой человек, как Ул, сам стоит ста.

Некоторое время я сидел в своей землянке. Как же он их вымуштровал! Можно судить о чрезвычайной уверенности в себе отважного старого солдата по каждому произносимому им слову. Ул не проявляет мягкости, подобно многим другим, он не общителен в том смысле, который был бы показателем слабости, но подчиненные его уважают. В нише его землянки оружие сложено аккуратно, винтовки в один ряд, ручные гранаты разложены так, что готовы к применению. На одной полке – книги и бумаги, а на другой – аккуратный ряд котелков для еды. Можете посмеяться над этим, но я теперь знаю, что подобного рода вещи – больше чем просто показуха, они признак хорошей армейской службы. Спросите любого солдата, хотел бы он иметь такого начальника, как этот, или какого-нибудь другого. Он вам ответит без колебаний: всегда был бы рад получить такого начальника, как штаб-сержант!

Обыкновенный солдат знает достаточно хорошо, что в решительный момент его жизнь зависит от мужества и опыта его командира. Он знает это по опыту.

Меня провели через «сапог», и я поднялся на передовой пост. Была только

стена снега, закрывавшая видимость. На расстоянии в четыреста метров можно было видеть пулеметные гнезда и снайперские укрытия противника. Но я не увидел противотанковой пушки. Жаль.

Позднее я обнаружил, что мне трудно сосредоточиться. Я очень устал – устал и вымотан. Ощущаю полное опустошение. Мне не хочется писать. Написание письма домой требует ужасного напряжения. Разница между тем, о чем пишу и что чувствую, слишком велика. Музыка по радио уже больше не интересует меня; она не доставляет мне удовольствия и не приносит облегчения. Когда читаю о вещах, которые когда-то чрезвычайно интересовали меня, таких как последние французские политические эссе, мои мысли рассеиваются. Есть ли в этом какой-либо смысл? Если вернусь с этой войны, то вернусь больным: больным во всех отношениях, а излечить меня сможет только любовь. 427-й полк вернулся из боя подо Ржевом с 280 военнослужащими. Это с натяжкой составит всего один батальон.

10 марта 1942 года. Последние несколько дней мы подбирали трупы русских, погибших в боях в конце января – начале февраля. Это делалось не из соображений пиетета, а гигиены. Груда образовалась внушительная. Только в одном нашем «сапоге» набралось более шестидесяти убитых. Это жертвы огня нашей батареи. Я бродил среди груды тел, чтобы проверить свою реакцию на подобное зрелище. У меня не было ощущения жути или отвращения, у меня абсолютно не проявилось никаких особо сильных эмоций. Изувеченные тела брошены в кучи, задубели на морозе в самых немыслимых позах. Конец. Для них все кончено, они будут сожжены. Но прежде их освободят от одежды свои же,

русские, – старики и дети. Это ужасно. При наблюдении за этим процессом проглядывает аспект русского менталитета, который просто недоступен пониманию. Они курят и шутят; они улыбаются. Трудно поверить в то, что кто-нибудь из европейцев может быть настолько бесчувствен.

Сани с телами тянут десяти-двенадцатилетние дети. У некоторых тел отсутствуют головы, другие изрублены осколками. Они лежат скрюченные, один на другом, обнаженные, зеленые и коричневые от мороза. Только теперь начинаешь постепенно осознавать, что довелось вынести этим людям и на что они были способны.

Серое небо низко нависло над сельскими просторами; ветер завывал среди деревьев, захватывая снег и тонкими струями гоняя его над холмами. Но в лесу спокойно, и кажется, что маленькие еловые синицы и коноплянки принадлежат другому миру. Иван сбросил листовки, в которых делал особый комплимент нашей дивизии. Он называет нас «кровожадными псами» и «поджигателями Калинина» и заверяет, что никто из нас больше никогда не увидит родного дома.

Нам это доставляет определенное жестокое удовольствие. Пусть приходят. Сегодня вечером нам всем объявили боевую тревогу, но пока до сих пор, как всегда, спокойно. Пожалуй, пулеметчики несколько более нервозны... Наш друг из пехоты лежит, уронив голову на стол. Я в полном одиночестве.

На смену дням с лучезарным голубым небом приходят серые, пасмурные. Но одно всегда неизменно: тишина в нашем секторе. Вчера на заре одно из наших противотанковых орудий нанесло пару молниеносных ударов по двум пулеметным гнездам русских. Все было кончено, прежде чем они успели узнать,

откуда стреляют. Но помимо этого ничего не происходит. Время от времени я без пальто и перчаток бегу к оптической трубе лишь для того, чтобы убедиться, что на стороне иванов нет признаков жизни. Они, должно быть, сосредоточили силы на другом секторе. На некотором отдалении слева этим утром была слышна довольно сильная канонада.

Мы сидим у огня, выбирая хлебные крошки из остатков чая. Немного снега положили в котелок, чтобы его растопить, а на печке подсушивается кусок хлеба. Сидим молча, опустив руки между колен.

Мы часто тут молчим, потому что все, что можно было сказать, уже сказано. Огромные пространства этой страны действуют так, что уходишь в себя и временами, когда ничего особенного не происходит, мысли начинают блуждать. Мы проделали большой путь после тех недель, когда с жадностью впитывали все происходящее. Теперь наш взгляд на вещи более зрелый и мы видим все в более широком ракурсе.

Одно кажется справедливым почти в отношении всех: на Востоке солдаты приобретают способность к более глубокому проникновению в чистоту прочных уз привязанности. Они стали глубоко осознавать, насколько сильно привязаны к своим женам и детям, до того, что их тоска ощущается как преданность, а за грубыми словами скрывается чувство, перерастающее в нечто священное. Они постепенно вновь становятся благочестивыми.

Снаружи – метель, и наш «дом» больше, чем прежде, стал походить на остров. Я вернулся с НП. Одной ночи нахождения там, наверху, вполне достаточно. Облегчая тяготы жизни, полевая почта приносила мне

удовлетворение письмами и посылками с сигаретами, бисквитами, конфетами, орехами и парой муфт для согревания рук. Я был так тронут, когда надел их. Я думал обо всей той любви и заботе, обо всех маленьких личных жертвах, стоящих за этими дарами. Я прекрасно представляю, что это значит. Я благодарен.

Маленький антракт: командир батареи, показывая новому офицеру хозяйство: «Между прочим, там внизу на артиллерийских позициях несколько сержантов, которые хоть и не стопроцентные солдаты, но довольно славные ребята. Некоторые артиллеристы тоже; бойцы Восточного фронта, но очень полезны. Не разочаровывайте их; старайтесь им не досаждать, это не пойдет вам на пользу. Я сам сначала пытался это делать, но пришел к заключению, что лучше оставлять все как есть. Сейчас не такое время».

Этот эпизод – хорошая иллюстрация. Шеф совершенно прав.

Возвращаясь к письмам из дома. Очень трогательно чувствовать заботу и любовь, которые переносятся на нас: это делает нас счастливыми, и все же это до боли наглядно показывает, какое все мы испытываем давление в своей жизни. Как много пылких мыслей и желаний изливается каждый час на этот фронт; они воздвигли настоящий мост через огромное расстояние. Сила всей этой любви, преданность матерей делают все громкие фразы ничтожными и бледными.

Что значат слова в сравнении со всем этим страданием? Как бы то ни было, но оно может помочь быть честным. И хотя мне нельзя говорить все, я никогда не оставляю в стороне ничего важного, помимо цифр и названий мест, о которых, как солдат, я не должен упоминать. Признаю, что цифры нешуточные; и во всяком случае, вы пишете в своих письмах, что все поезда с ранеными и

обмороженными говорят сами за себя. Верно, что наша судьба какое-то время висела на волоске. Когда наша пехота была на открытом воздухе, случаев обморожения бывало больше всего, и день ото дня нас становилось все меньше. Но положение никогда не было отчаянным. Приступ парализующего отчаяния длился всего долю секунды, затем к нам возвращалось мужество, а с ним и уверенность в том, что мы «проскочим».

Мы также увидели, что русские тоже вовсе не супермены, и мы многое узнали. За наш опыт нам приходилось платить, это верно. Тем, кто выжил из «старой бригады», теперь нечего особенно бояться, что с ними что-то случится. Опасность существует только для новичков из пополнения. Самое большое число жертв – среди них. У них нет опыта, они не различают таких признаков, как побеление кончика носа; они не знают, как уберечь себя от неприятностей. Нередко через несколько дней их приходится отправлять обратно, и, когда я вижу их на передовой, безобидных и неосмотрительных в своей детской невинности, мне хочется плакать.

Так что вам не стоит слишком обо мне беспокоиться. Спору нет, если зацепит пуля... Но можно избежать пули, если знать как. И поверьте, у меня уже нюх на летящий металл. Опасности другого рода, по крайней мере, меня не заботят или, во всяком случае, те из них, что связаны с холодом. А эта опасность день ото дня уменьшается. Возвращаются мужество и стойкость. Постепенно к нам возвращаются инициативность и уверенность.

Я провел еще одну ночь на новом наблюдательном пункте. Была довольно сильная метель, в результате чего на нашем подъездном пути и на траншее

коммуникации образовались заносы. Я три раза очищал траншею лопаткой, но к утру нас вновь заметало снегом. В другом отношении от него было довольно уютно. Мы протянули трубу дымохода в траншею; после этого возникла фантастическая тяга в печи, труба раскалилась докрасна, и котелки со снегом начинали шипеть сразу, как только их ставили на горячую плиту. Этим сказано все; тепло – это все.

Днем мы чистили дорогу. Это довольно тяжелая работа, солнце светило ярко, и я скоро работал в одной рубашке с короткими рукавами. Но сегодня ночью снова была метель, снег покалывает вас, как тонкие иглы, а завтра мы, наверное, обнаружим, что вся наша работа была напрасной. Есть люди, которые приходят в бешенство от такого рода вещей. Но я уже решил для себя не обращать больше на это внимания. Мои мускулы натружены, меня обдувало ветром и обжигало солнцем. И мне это нравится. Счастлив? Да, а почему бы и нет?

Вчера была метель, которая пришла с северо-востока и побила все рекорды предыдущих. Видимость была четыреста метров. На НП ни зги не видать.

В ранние утренние часы противник опять пытался атаковать Р. Пункт Р. расположен на высоте за рекой Десна, которая образует между нами настоящую границу. Но как видно отсюда, по всему нашему главному огневому рубежу мы удерживаем занятую позицию. Мы установили четыре батареи вокруг нее полукругом, собрав тут весь полк. Как только неприятель атакует, раздается грохот всех орудий. Непредсказуемая погода заставила выдвинуть вперед еще одного наблюдателя, чтобы смотреть за правым флангом Р.

Встречный ветер был так силен, что, несмотря на специальные расчеты расстояния помимо карты, одна батарея стреляла с недолетом в сто метров; но такие условия – исключение. Я был с Будде, который хоть по-настоящему и не был солдатом, но был подходящим для такой работы человеком. Три с половиной часа мы шли на лыжах под углом к ветру, по колено в рыхлом снегу, ослепляемые кристалликами снега. Наши повязанные поверх шапок шарфы затвердели от мороза, и на каком-то этапе я беспокоился по поводу кончиков своих пальцев. Но мы туда дошли, даже при том, что приходилось пересекать отрезок открытой местности в конце.

В роте были рады получить дополнительную помощь. Мы пошли с передовым наблюдателем легкой батареи, который уже был там некоторое время. В соседнем доме находился наблюдательный пост минометной батареи, с жилыми помещениями, прекрасно оборудованными в конюшне. Была обустроена даже общая комната, подальше от дыры в потолке, через которую залетал мокрый снег. Эти два дома были последними из обитаемых, хотя у обоих и были сбиты выстрелами трубы. Видимость отсюда настолько плоха, что мы без колебаний развели огонь. Стало очень уютно.

Пока есть огонь, жить можно. У нас был телефонный провод, соединяющий между собой позиции минометов, роту, батальон и наш НП. Оттуда линия шла через наш собственный коммутатор к артиллерийским позициям и группе расчетов. Работы было немного. Я стоял на поврежденном чердаке, откуда мог наблюдать орудия, пристреливающиеся к цели. О цели можно было только догадываться, но опять же, несмотря на утренний неудачный опыт, снаряды

падали с недолетом метров в триста. Ветер даже еще больше усилился. Потом уже, когда я причесывался, в моей руке оказалось полно снега.

Ночь была спокойной. Русские пытались атаковать Р., но застряли в снегу уже через двести метров. Как правило, они отказываются от таких попыток, потому что в ответ по ним сразу же открывается фланкирующий огонь. Два снаряда вылетели из нашей «конюшни», один попал в нее.

Пехотинцы вылезли из своих помещений, опасаясь, что обломки поврежденной постройки могут воспламениться. Они вошли в наше помещение в два часа ночи. Будде проснулся и слышал, как они говорили: «Посмотрите, как дрыхнут эти жирные ублюдки!» Он рассказал мне об этом, когда мы возвращались домой. Нас отозвали в девять часов утра.

Мы устлали вход в землянку ветками с тем, чтобы ее обитатели больше не входили в нее в снегу. Но теперь она превращается в ледяной грот, из-за тающего вокруг печной трубы снега и теплого воздуха, поднимающегося кверху. Траншея коммуникации заполнена снегом уже давно. Если сойти с едва видимой тропы, то провалишься в снег по пояс. Тогда приходится рывком переворачиваться на спину или живот и перекатываться, чтобы освободить ноги, и так продолжать перекатываться и ползти. Таким способом добираться до снежной тропы, откуда ныряешь прямо в землянку, как лиса в свою нору.

Эти снежные норы – что-то фантастическое. Снизу виден только вход с вьющимся вокруг снегом, сверкающим на солнце. Свет прорывается внутрь, как ревущий водопад на изломе, становясь день ото дня все ярче.

Я взял бинокль и перегнулся через снежную стену. Ветер дул мне прямо в

лицо, и когда я стоял там, то думал: пройдет немного времени до того момента, когда меня совершенно занесет снегом. Им слегка запорошило мои перчатки, снег забился во все складки моего маскхалата, набился в капюшон. Интересно наблюдать, как совершают обход двое дозорных, а ветер бьет их по ногам полами шинелей, смотреть, как снег вьется и заносит землянки русских. Несколько заблудившихся Иванов то появлялись, то исчезали в безумном танце, согнувшись в поиске чего-то, бегая взад-вперед. Очевидно, им приходилось гораздо тяжелее, чем мне, так как я в любое время мог ускользнуть в укрытие, смотреть, как снег тает на моих ботинках, а от моих белых штанов начинает идти пар, а также наслаждаться запахом хлебной ковриги, приятно щекотавшим ноздри.

Когда я разбудил своих товарищей, была половина шестого. Печка еще раз отдала все свое тепло, но потом ее нужно было погасить, потому что в ясный день дым виден на много километров. Выдался ясный день, с пронзительно голубым небом, сверкающим и сияющим ослепительным великолепием. На фоне бледного неба выделялась нежная радуга, образованная кристалликами льда, поднятыми ветром в более высокие слои атмосферы. Солнце было таким теплым, что я вытянулся под ним, чтобы позагорать.

Мы вырыли новую траншею в лесу, шести футов глубиной. Когда мои товарищи перебрасывали снег, он вспыхивал золотом и, сверкая, падал, относимый ветром. Я беспокоился, как бы русские это не заметили. Видимость была превосходной. Осмотрел местность в бинокль и разглядел все наши системы полевых укреплений, которые не заметил до этого.

Потом мы по очереди копали, работали, подставляя солнцу лица, вплоть до

вечера. Теперь лицо у меня горит, и кожа на щеках задубела. С каким наслаждением я умывался вечером теплой водой и смазывал кремом лицо и руки.

Как приятно было получить почту. Ее было много, и доставка ее не занимала много времени. На конвертах был почтовый штамп от 27 февраля. Чудесно, что наконец появилось настоящее чувство близости.

Тем временем землянка стала даже еще более красивой. В рамках из тополя – миниатюры из книги «Кодекс Манессе»⁵ высвечивались красными и золотыми тонами подобно русским иконам. Тут есть и ящик для полевой почты, а книжную полку и полку для газет привезут завтра. Постепенно всему отводится свое место, и мы чувствуем себя как дома. Это приятный коллектив, маленький круг своего рода избранных людей, как это часто бывает на НП. По вечерам мы говорим об искусстве и литературе, об истории, языках и философии, а иногда декламируем забытые стихи, вспоминаем о прошлом и мечтаем о будущем. Все мы люди разного возраста; двоим из нас около тридцати, а еще двоим примерно по двадцать. Лейтенант среднего среди нас возраста – ему двадцать четыре. Разные поколения, подумаете вы. Но нет, это удивительно. Мы разделяем одни и те же идеалы, грезим об одном и том же и желаем одного и того же. У нас одни и те же сомнения и одинаковые амбиции.

Но может быть, это не удивительно, потому что истинные ценности вот тут, и они уравновешенны. Высокопарные фразы звучат здесь неискренне, человек становится самим собой. Вырастет ли из всего этого некая внутренняя сила, значительное средоточие сил, обращение к внутренним сферам? Может ли

---

⁵ «Manessc Codex» – манускрипт XIII века, иллюстрированный в Гейдельберге.

существование этих сил быть признано и могут ли они еще раз подтвердить мерило и ценность нашей жизни? Это такой вопрос, решение которого лежит в будущем. Сейчас перед нами стоят другие проблемы, которые нужно разрешить, не останавливаясь для того, чтобы оценить их тяжесть.

Сегодня у меня стрельбы. Это должно быть небольшой тренировкой в артиллерийской стрельбе, строго в соответствии с правилами; при таких условиях позиции противника казались мне совершенно неинтересной мишенью. Я все время ворчал про себя, бросая намеки на то, что цель 316 была бы лучшим выбором, что она мне приглянулась и что я с удовольствием стрелял бы по ней гораздо больше. Но командиры сказали «нет», это слишком трудно. За позициями русских был лес, и стрельба снарядами, которые могут пройти вдали от цели, была недостаточно продуктивна...

...Я ощущал большую горечь. Но затем появились наблюдатели с донесением: «Противник окапывается у пункта 316. Они суетятся в маскхалатах, и у них уже есть новые свежестроенные траншеи». Доклады поступали один за другим. Судьба была на стороне моего плана. Так что, в конце концов, я стрелял по пункту 316. Ура! Вот я и заставил их прятаться, это было так здорово, как на каникулах.

Со вчерашнего дня появились признаки оттепели, и, хотя большое таяние снегов ожидается только через две недели, у нас появляется все больше проблем, связанных с подготовкой к периоду распутицы. Например, зимой перед нашей деревней пало около пятидесяти лошадей.

Хотя гражданское население приложило много стараний к тому, чтобы избавиться от падали, скелеты все еще виднелись из-под снега. Самый практичный способ – сжечь останки. На это уходит много дров, и, конечно, не удастся устроить такой жар, как в крематории. Однако это проверенный и эффективный метод. Когда сойдет снег, покажутся также и трупы нескольких убитых русских.

Нет, наше дело не отличается изысканностью. Но такое уж оно есть. Было признано, что мы хорошо поработали в последние несколько недель. Командир батареи и лейтенант фон Гинденбург были отмечены в официальных донесениях. Фон Гинденбурга произвели в капитаны. Один из батальонных командиров удостоен Золотого креста Германии, а командир полка полковник Данхаузер – Рыцарского креста.

Снаружи вокруг буйствует метель, крутя снежные вихри. Это как окутывающий все тонкий дым, так что видны лишь верхушки деревьев, и деревни «плавают», как маленькие острова. Русские совершенно правы в том, что оттепель наступит через две недели. Но какое мне дело. Когда метель хватает меня за шею, я поднимаю воротник, а когда поднимаю вверх глаза, то вижу сквозь всю эту бурю крошечную полоску голубизны, которая говорит мне, что силы зимы сломлены, что она так злится сегодня, так как весна уже наступает ей на пятки.

В 18.15 пришло донесение, что штаб-сержант Шапер убит. Ему прострелило голову. Конец. *Le chevalier sans peur et sans reproche*. (Рыцарь без страха и упрека.)

29 марта я занял место, которое так неожиданно стало вакантным на НП «Красный», где мне знакомы каждый дюйм и каждая щель. Мне досталось

оборудование человека, который был моим учителем, и я взял на себя его обязанности.

Когда смотрю на оборудование и аккуратные и добросовестные записи Шапера, мне не хочется говорить о своих чувствах. Это война, и мы солдаты. Скажу только несколько слов об этом человеке, чья бдительность обеспечивала безопасность пехоты, чье имя было известно далеко

за пределами батареи и которого я знал с того дня, как присоединился к части во Франции.

Он был спокойным, скромным и неприметным, открытым и непретенциозным, так что его заслуги легко могли быть проигнорированы. Мы в шутку называли его «лев Беллавино и Литипо», но делали это искренне и с восхищением. Он смеялся и протестовал: «Ребятки, не глупите!» Но фактически он был на линии фронта в каждой трудной ситуации, всегда на самых опасных участках, везде там, где что-то происходило. Он мог произвести выстрел так, как немногие могли это сделать, с редкостным талантом владения всей теорией. Он знал свое дело изнутри. Честен и безупречен; таким был Герберт Шапер, который погиб в абсолютно спокойный день, став жертвой шальной пули. Водитель, увозивший его с передовой, был весь в слезах.

Люди говорят – как часто я слышу это в последние несколько дней: «Это – судьба» или «Это было предопределено». Но верно ли сказать так? Не есть ли это просто горькая попытка скрыть чувства по поводу происшедшего, потому что мы слишком боимся прямо смотреть в лицо нелепости происходящего? А может, просто нашему слабому рассудку нужна опора? Увы, мы не расстанемся с ней так

легко.

То, что происходит, не имеет смысла и не согласуется ни с каким человеческим законом. Война бьет вслепую, и если у нее и есть закон, то этот закон состоит в том, чтобы убивать лучших. «Те, кто себя бережет, уберегутся», – говорит Борэ. Он прав. Те, кто себя не бережет, – открыты. Они осмотрительны в своих поступках настолько хорошо, насколько это возможно. Их воля к жизни есть попытка победить этот закон, и чем яснее они понимают закон, тем более быстрыми и сильными становятся.

Потому что здесь вы не можете самоустраниться; никто не покоряется своей судьбе. Мы не агнцы божий; мы защищаем себя. Даже если рука войны иногда хватает так крепко, что нам остается лишь воскликнуть: «Спаси нас, Боже!» Судьба, которая поддерживает нас на плаву, – это судьба, заключенная в нашей собственной силе с ее скрытыми ресурсами. Мы верим не в Бога, а в хладнокровную тщательность, с которой выполняем поставленные перед нами задачи.

Мы открыты до тех пор, пока ход событий вне нашего контроля. Это неизбежно. Мы приспособляемся, пытаюсь оставаться активными и быть настороже. Так можно уменьшить опасность. Но ее нельзя устранить. Пуля, свист которой слышишь, уже пролетела мимо, и неизвестно, куда она летит. Это такого рода ситуация, с которой приходится мириться, но мы не самоустранились от нее. В этом существенная разница.

* * *

Вчера русским наконец это удалось. По крайней мере, они добрались до нашего проволочного заграждения, всего в двадцати пяти метрах от снежной стены. «Я попал туда в самый подходящий момент, – сказал Табель, возница фуражных саней, – как раз вовремя, чтобы «перекрестить» свой шмайссер. Я выпрыгнул вслед за сержантом и дал им познакомиться со своим автоматом. Они ушли через дыру в проволочном заграждении, а когда я посмотрел, то увидел, что не осталось ни одного убитого».

Этой ночью орудийные расчеты вызывались одиннадцать раз. Телефон трезвонил всю ночь. Голос командира батареи был немного хриплым, да и я был не в восторге. Со своей артиллерийской позиции я был свидетелем всей этой суматохи вокруг своего старого НП, но даже тут, то и дело вытаскиваемый из постели, чувствуешь себя не в своей тарелке. Вчера во второй половине дня русские вели огонь по полосе между артиллерийскими позициями и деревней. Будто великие медиумы, мы наблюдали за всем, как с трибуны. Мы стояли в сторонке, руки в карманах, взирая на все глазами истинных знатоков. Было очень забавно наблюдать, как люди бегут по дороге, – занимательная игра для зрителей, но не так забавно для участников. Однако они сами потом будут над этим смеяться. Опасность преодолевает растущую жажду жизни, и некоторые из нас фактически ищут ее. Игра со смертью обладает большой привлекательностью. Запах битвы вызывает желание быть там.

Если знаешь какой-либо отдельный сектор так же хорошо, как я знаю НП

«Красный», то чувствуешь, что это то самое место, где тебе следует быть. Это «твой» сектор, на который они наступают. Как только приходит очередное донесение, я знаю, что «это» находится здесь, а то находится «там». Я могу зрительно представить территорию, складки местности, «долговременное огневое сооружение», снежный вал и снежную землянку, из которой обстреливают моих товарищей. Короче говоря, я принадлежу этому миру. Когда выхожу наружу и слышу, что огонь усиливается, чувствую себя лично причастным.

Опускается ночь, кто-то играет на губной гармошке: народные песни, песни родины. Мы чувствовали, что сильно изменились. Опасность заставляет людей тосковать по дому.

Мы вышли из помещения, чтобы послушать великие песни войны, которые «поют» снаряды, когда с восемью зарядами они вылетают из ствола сверкающей вспышкой и издают все нарастающий гул в диапазоне мощного звучания. Мы смотрели, как падают на поле редкие русские снаряды. Мы сегодня лишь один раз прервали нашу игру в шахматы, когда осколками разбило нам окна. Мы заползли в землянку на некоторое время, полагая, что, пожалуй, так будет разумнее.

...Но после этого нам не пришлось ни разу повторять это представление.

Пожалуйста, не пишите о ваших надеждах на то, что нас отпустят, и не называйте работу, которую мы делаем, «сверхчеловеческой».

Об освобождении не может быть и речи: мы остаемся тут до конца и примирились с этим. Кроме того, люди не достигают сверхчеловеческого. Мы достигли кое-чего, да; но мы ненавидим публичное Восхваление. Это приводит в замешательство и оставляет неприятный осадок. Преклонение перед героями –

сомнительная вещь. Преувеличение вызывает у нас боль в желудке. Не следует превозносить кого-либо до небес до тех пор, пока он не умер. Потом, если он будет убит, следует написать: «Он погиб за Германию». И ничего более. Отдал ли он свою жизнь добровольно и что он при этом чувствовал, это его забота. В общем, это нечто совсем иное.

Есть кое-что, о чем мы говорим снова и снова. Это старо как мир, об этом думают и говорят тысячи раз, и все же это становится для нас все более и более важным. Я не говорю тут лично о себе, это вопрос не личный. Это вопрос, который в том или ином виде занимает всех находящихся здесь: «Что случится, когда я умру? Хорошо ли было бы, если бы я продолжал жить в своем ребенке?» Некоторые люди говорят: «Нет, у тебя нет права оставлять вдову с маленьким ребенком...» Но мне кажется, что у них не очень сильный аргумент.

Чем больше человек открыт здесь для одиночества, вынужденного целомудрия и мысли о том, что тело есть эфемерная оболочка, тем сильнее возникает побуждение увидеть свое кровное перерождение. Это заявка природы на свои права, это как будто они все еще должны отдать ей дань.

Это не реакция на годы воздержания, которая приводит к росту рождаемости и браков после кровавой войны, но это побуждение к тому, чтобы продолжать жить в своих детях. Эти люди чувствуют, что их жизнь не завершена. Все их прекрасные аргументы блекнут перед лицом первичных сил, всесилием природы и голосом крови, которая стремится к продолжению жизни, и отказом уйти в небытие до тех пор, пока она (кровь) не передана другому поколению.

Война далеко не окончена. «Я хочу иметь ребенка, – говорят солдаты, –

скоро, в свой следующий отпуск».

Глава 6.

Странная жизнь фронта

17 апреля 1942 года (в этот день Гельмут Пабст сделал свое последнее завещание). Я вышел во второй половине дня набрать ольховых сережек и веток ивы с набухшими почками. Но потом пучок так и остался нетронутым на столе: был убит сержант Годовски. И снова я поймал себя на том, что опять за последние дни должен кого-то заменять. Это случилось позавчера. Однако в конечном счете я так и не поднимался на пост; мы переместили наблюдательный пункт на несколько сот метров вправо, и теперь я сижу на шатающемся помосте на ветках ели. Это на краю «сапога», рядом с хорошим блиндажом. Путь вверх хорошо замаскирован, он идет через овражек, где солнце уже основательно припекает. Талая вода бурным шумным потоком устремляется в Дершу, и зяблики и синицы оживились так, как будто уже лето.

Вчера я видел первую бабочку. В полдень сидел с ребятами из пехоты на стволе поваленного дерева в овраге, вытянувшись на солнце. Но по утрам земля еще сильно промерзает, так что легко шагать по остаткам заснеженных полей. По крайней мере когда этим утром я вышел на улицу в пять часов, то даже не промочил йог. Это так же приятно, как солнце и бабочка, не говоря уже о муравьях, которых теперь находишь в штанах вместо вшей...

Теперь они все ушли, мои старые друзья из шестой роты. Сержант Виссиг,

неутомимый сержант из штаба роты; Вайсске, военный санитар; Фрелих, телефонист; сержант Рот, приятель, с которым я часто грелся на солнце; Хайнце, молодой штаб-сержант; и, наконец, неугомонный Август. Как много чудесных (и как много ужасных) часов мы провели вместе!

Что за прощальная вечеринка! У нас был большой неучтенный запас боеприпасов, легкие и тяжелые минометы и некоторое количество «лишних» пулеметов. Так что в ночь на 19-е мы дали прощальный салют, который был большой забавой. Русские уже были отогнаны в течение дня нашей артиллерией: 42 залпа по Л., 49 по Д., 60 по Ш. и 40 по району вокруг Н.

Был такой грохот с перекатами по фронту, что наверху на нашем помосте на ветвях дерева мы перескакивали с одной ноги на другую. К самому вечеру Август исполнил «салют-сюрприз» по из своего миномета, маленький личный фейерверк из пятидесяти выстрелов. После этого мой собственный миномет вносил свой вклад в «шоу» каждые полчаса. Когда пробило полночь, начали строчить пулеметы, и весь фронт пришел в движение. Зазвонили телефоны: «Что там происходит? Иван атакует?» – «Да, нет – отвечали мы, – прощальный салют...» Мы, в свою очередь, разразились смехом.

Пополнение прибыло вечером – саперы. Первым, кто пришел ко мне, был не кто иной, как Янсен, старый знакомый из Дауласа. Со своим отделением он вступил во владение землянкой у моего наблюдательного поста на дереве. Следующим, кого я встретил в штабной роте, был Ферди Кейп из Франкфурта, с которым я делюсь тысячами воспоминаний о днях, проведенных в молодежном движении. Ферди и я направились с нашими людьми в одну землянку. Около

полуночи приличный ком земли упал ему на живот, и утром мы стали укреплять стенки. Август дал мне русский пистолет-пулемет в качестве прощального подарка. Это была чудовищная штука, семьдесят два заряда в магазине, сделана по американскому образцу^б. Мы набрали боеприпасов для него в лесу, где все, что нам было нужно, валялось просто так.

Еще одна рота прибыла в мой сектор, численностью в шестьдесят восемь человек. В последние несколько дней я только и делал, что показывал пехотные позиции, объяснял особенности местности командующему и командирам рот, указывал нашу систему заграждений и радиус обстрела новых минометов. Мы достали самоходное орудие, которое при шести зарядах и попутном ветре может достать до Ш. Иваны становятся более наглыми из-за недостатка опыта у нашего пополнения, но скоро мы опять его обуздаем.

Наш русский Василь хорошо ладит с батареей. Мы подобрали его вместе с тринадцатью его товарищами в Калинин. Они остались в лагере для военнопленных, не желая больше находиться в Красной армии. Мы взяли их всех с собой, и они в течение всей зимы помогали нам доставать лошадей. Но Василь был особенно активен и привязан к нам. За это ему было выдано специальное рекомендательное письмо от батареи, и с фуражным транспортом он был направлен по дороге в Берлин. Раньше он был трактористом; теперь будет помогать делать танки. Но Василь говорит, что на самом деле он не хочет ехать в Германию, а хочет остаться при батарее.

Когда в половине пятого этим утром я брел на наблюдательный пункт, лес

---

^б Автомат ПППШ конструкции Шпагина.

опять стал белым, и деревья окутала пелена падающего снега. Но к десяти от болота под лучами солнца уже поднимался пар, и когда я проходил под сучьями, с которых капала вода, то был весь забрызган блестящими каплями воды.

Ночи становятся беспокойными. Участились артобстрелы. Минометы, полевые и противотанковые орудия обдают нас грязью, обсыпают древесными щепками и создают шум. В промежутках ночь «скрашивают» пулеметная стрельба и очереди молниеносных трассирующих снарядов. Прелюдия Первая.

Вчера мы уже слышали, как они распевали в своих землянках в П. Завывал граммофон, ветер доносил обрывки пропагандистских речей. Товарищ Сталин выдал водку, да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует Красная армия!

Наши же стоят на посту трезвыми.

В 23.00 я пошел спать. В 3.00 я снова пошел на НП. Меня все время будил телефон. Ночь была ясной, светила луна. Пулеметные очереди раздавались по лесу, а ручные гранаты взрывались с резким грохотом. Изморозь на траве хрустела под ногами. В лужах и выбоинах на заболоченной тропе сверкал лед.

* * *

Враг атаковал сектор слева, пытаясь отрезать наш плацдарм за маленькой речкой. Телефон прожужжал два раза. Наблюдатель. Линия стала оживать; торопливые разговоры, донесения и запросы. Управление огнем. Позади нас

скорострельные орудия открыли огонь снарядами, вычерчивающими крутую дугу в ночи и завершающими свой полет резкими разрывами. Затем спустя какое-то время стало тихо.

Я вышел наружу. Далеко справа грохотала артиллерийская канонада. Некоторые дома в Г. горели. На полосе травы перед нашей системой заграждения несколько кустов едва различались при лунном свете. Часовой у пулемета стоял молча и неподвижно, как будто часть ландшафта.

Но тишина была обманчива. Неожиданно опять ухнул коварный миномет и завыли его стремительные снаряды. Человек у пулемета отвел назад рукоятку затвора и выпускал очередь за очередью. В то же самое время тяжелая артиллерия пристреливалась к нашим артиллерийским позициям. Одна из наших батарей ответила. Слева на краю леса гранатами уничтожали вражеский дозор. Если они полагают, что идут в наступление, пусть только сунутся, думал я. Но они не собирались этого делать. Об этом можно было судить по паузам между звучанием этой «музыки». Не было никакого ее нарастания, обычно предшествующего атаке, усиления плотности огня, чтобы противник ушел в укрытие и чтобы ослабить его моральный дух.

Мы залегли и были настороже, но знали, что он не пойдет. Мы лежали там, наблюдая, как небо на востоке стало красным на фоне светло-бирюзового цвета ночи, изменяющегося в нежный бело-голубой, пока наконец солнце не взойшло громадным огненным шаром над холмами. Теперь только медь трассирующих пуль и снарядов время от времени носится взад-вперед по небу, как в игре.

Я записал события в ночь с 1 на 2 мая. Мы все еще в состоянии повышенной

боеготовности. Я сижу в землянке и пишу всю ночь. Сбоку у меня в дыру в облицовке стенки вставлен кусок дерева, на котором прилеплена свеча. Тут же висят две репродукции: «Сад Эдема» работы рейнского мастера и «Полет в Египет» Ганса Бальдунга. Некоторые люди могут быть удивлены тем, что мой голос всегда звучит так бодро и энергично, когда я отвечаю на телефонные звонки – а это случается довольно часто. «Сейчас направляются вперед в овраг для постановки мин; смотрите, не стреляйте!» – «Вражеский дозор передвигается слева. Мы идем за ними; доложим, как только вернемся». И так продолжается все время. Однако в 6.15 утра я, конечно, отвечал ворчливо. Я проспал всего только четверть часа, когда последовал звонок: «Танки продвигаются с восточной стороны П. Вы их засекли?» Пошли вы к черту со своими танками, подумал я про себя в сердцах. А в трубку сказал: «Так точно» – и снова улегся спать; я даже не проверил сообщение, потому что мне было совершенно ясно, что это орудийный тягач. И даже если бы это был танк, что с того? До тех пор пока он не достигнет оврага, я ничего не смогу с этим поделать, а если ему удалось бы пройти к нашей позиции, все равно было бы слишком поздно. Ну его к черту, этот «танк».

Танк! Подумать только! Что бы это ему понадобилось делать одному в лесу? Если танк хочет поиграть с нами, пусть попробует. Для подобного рода случаев у нас всегда наготове снаряды, не говоря уже о специальных минах. Пусть только подойдут! Если вы готовы к опасности, она теряет свою остроту. Так же и с любой другой опасностью. Вот почему, как я думаю, самое безопасное место – в действующих на передовой войсках. Линия фронта – территория, принадлежащая солдату. Там нет партизан; ни один случайный штатский не осмелится

приблизиться к ней, он будет подстрелен, как только его заметят. Все остальное ясно. Я знаю, что меня ожидает. Я могу действовать соответственно. Бывают уловки, но неизвестных уловок нет. Это делает линию фронта самой чистой из всех зон. Так же и в других отношениях.

Ночи стоят холодные. Земля снова промерзла. Снежные метели метут сквозь меняющийся свет. Но если стреляешь из пистолета в березу, брызнет сок; его капли падают с ветвей, когда снаряд выбивает щепки из верхушек деревьев. Я считаю березу важным деревом.

Когда читаю письма из дома, кажется, будто люди там считают, что думать об этом лете и о второй зиме невыносимо. Это не невыносимо. Чья-то душа потеряет немного больше своей силы для воспарения. Мы станем более серьезными и более жесткими, отдаленными от всего светлого. Но на сером фоне существования наши сны стали такими яркими, какими не были никогда прежде, потерянная юность является нам в сияющей красоте, затмевая все.

Соседняя с нашей батарея выдвинулась и была отведена куда-то еще. Мы повернули стволы наших орудий. НП и наш наблюдательный пункт левого фланга теперь справа, но мой старый наблюдательный пункт напротив П. остается все там же. Старый НП «Красный» держится, оказывая упорное сопротивление; такое впечатление, будто он – центр всего. Я сменил одного из наблюдателей десятой батареи.

Мы отправились в два часа ночи, когда на востоке уже появилась полоска света. Было еще достаточно много снега, чтобы на его фоне отображались силуэты людей и лошадей. Мы молча трусили легкой рысью по дороге,

запорошенной новым снегом, скакали через лес и холмы к фронту. Нам повстречались люди одного из наших отрядов на маленькой подводе; они схватились было за оружие, но сняли пальцы с курков с облегчением, когда мы поравнялись с ними.

Были еще сумерки, когда мы остановились у первых конюшен Н. Я отослал назад лошадей, засвистели первые пули, и мы продолжали идти пешком. Прошли через траншеи коммуникаций, через провода и обломки командного пункта роты.

Н. расположен довольно низко, по берегу реки Дерша. Он хорошо просматривается со всех сторон. Противоположный берег, где виднеются остатки сгоревших домов пункта И., – несколько выше. Слева находится П., который мне так хорошо известен; теперь я имею ясное представление о том, как он выглядит сзади и с любой другой стороны. Не многое осталось от Н., но хороший вид открывается с чердака одного из двух оставшихся домов, а паша землянка прекрасно замаскирована в руинах другого.

Фронт продолжает свое странное существование. Слышны гром, и грохот, и хлопки, снаряды со свистом пролетают в воздухе, рикошета и взрываясь. Вспышки вздымаются к небу, белые и красные, и на мгновение доски и деревянные настилы стали четко видны в ослепительно белом мерцающем свете, давая возможность сделать несколько быстрых шагов и прыжок. Затем ночь стала еще темней, и опять пробираешься через мокрые скользкие траншеи. Траншеи тянутся влево и вправо так далеко, как только можно себе представить, и в ночи иногда ощущаешь всю протяженность огромного фронта.

Землянка семи футов в ширину и десяти с половиной в длину. Штаб-сержант

фон Ховен из Алленштейна; Штраус, гордый двадцатиоднолетний отец из Хегау; Пфайль, высокий, с детским лицом учащийся из Марбурга; Лицон, жадный силезец; Онишке, унтер-офицер из Кенигсберга; и я сам, юрист из Франкфурта.

Мы разбились на две тройки – передовые наблюдатели гаубичной батареи и нескольких тяжелых пехотных орудий. Пока одна тройка лежит на своих койках, в распоряжении других все помещение. Вы можете подумать, в таких обстоятельствах могут возникать ссоры или даже произойти приличный скандал? Однако, наоборот, в землянке поддерживается порядок благодаря общей доброй воле, дружелюбной терпимости и неиссякаемому доброму юмору, и все это вносит проблеск жизнерадостности в самую неприятную ситуацию. Если кто-нибудь хочет помыться в крошечном закутке между плитой и дверью, придвигаем стол в пространство между койками и один человек все равно может сидеть за столом. Другие остаются на койках. Когда трое из нас едят, остальные сидят на дощатых кроватях и смотрят на них.

Мы называем землянку «подводная лодка», потому что она такая же аккуратная. И жизнь в ней проходит не как-нибудь: в ней все идет хорошо – потому что всегда услышишь шутку и постоянно звучит смех. Это действует, потому что восточные пруссы, гессенцы, силезцы и алеманы – хорошие ребята. Все они – члены одной семьи, и все проявляют силу воли для того, чтобы облегчить жизнь.

Мы живем одной жизнью, не столько в смысле ее опасности (о чем мы едва ли говорим всерьез), но в более общечеловеческих вещах. Эти последние проявили себя вечером, когда Штраус показывал фотографию своего ребенка, а

Онишке – фото жены. Другие знают, что такого рода вещи святы и неприкосновенны. Не имеет значения, насколько грубоватым может быть человек, тут он становится спокойным и серьезным. Наверное, это потому, что в голове у каждого образ любимой женщины и родного дома, который он покинул так давно и куда страстно желал бы вернуться в один невероятный день, который наступит не скоро...

Как только забрезжил рассвет, мы нанесли удар по пулеметной огневой точке, простреливавшей продольным огнем всю долину. В то время как снаряды тяжелого пехотного орудия и трех тяжелых минометов интенсивным огнем обстреливали эту точку, трассирующие пули нашего пулемета попадали прямо в амбразуры других неприятельских позиций. При втором разрыве снаряда за ним последовала вспышка; при третьем качнулась фигура человека. Все это продолжалось всего несколько минут, – прекрасный образец взаимодействия. Потом все угомонилось на некоторое время. Стало так тихо, что было слышно, как комья земли падают в реку.

С пяти часов и до девяти я спал. Затем трое из нас перешли в новую землянку, которую освободила команда передового наблюдения одиннадцатой батареи. Мы ее подмели, обжили и теперь от нечего делать слонялись по окопу. Во второй половине дня я сделал небольшую пристрелку. Сейчас 22.00 и опустилась ночь. Двое моих солдат пошли за фуражом. Я буду рад, когда они вернуться: примерно в это время противник открывает огонь прямой наводкой.

Ночью я ходил с Лицоном за водой. Колодец только один. Днем невозможно к нему приблизиться, и даже ночью иван уделяет ему особое внимание. При

первой попытке достать воды мое ведро утонуло. Было небольшое подергивание и всплеск, и пропал важный атрибут утвари. При второй попытке веревка запуталась на воротах. Это уже плохо; нам нужно было с этим что-то делать, иначе этой ночью мы останемся без воды. Лицон стучал, наполовину опустившись в сруб, ругаясь, как барочник. Он похоронил нашу детскую баню, воду и все остальное. Каждый раз, едва вверху появляется вспышка, мы замираем. Но наконец все же дело сделано. Когда мы опять оказались в окопе, Лицон глубоко вздохнул. Посмотрели на часы: мы отсутствовали полтора часа.

Вечер тихий, ветер с дождем в сочетании с зеленью сельской местности. Русские дети прибили деревяшку между двух деревьев и привязали к ней веревку. Получились качели. Они качались весь день. Их крики и смех заполнили деревенскую улицу. Дети босоноги, одеты в лохмотья, все в грязи; но они счастливы и здоровы. Вплоть до вечера кто-нибудь из наших парней может включиться в игру и помочь Ване или Тане раскачаться еще выше. Наши солдаты сидят на пороге, играя на губных гармошках и напевая в ночи: «В землянках, на скалах...» Позднее в темноте тут и там видны только огоньки сигарет.

Мартин, этнолог, ставший теперь пехотным лейтенантом, рассказал мне в письме, что ему большое удовольствие доставляет управлять семью деревнями, пытаясь возродить сельское хозяйство. Он говорит, что ему нравилось бы это еще больше, если бы он не был уверен в том, что его опять пошлют на другую работу.

Это верно, что мы ненавидим эту страну и сражаемся с ней; она принесла нам страдания и тоску по дому. Но она также и прекрасна – полна прелести и неведомых сокровищ.

НП расположен у железнодорожной линии. Землянка встроена сбоку от насыпи, потрепанной непогодой, тяжелой, как альпийская шапка, и громадной, как танцевальный зал. Это странное строение. Я взобрался на насыпь и прошел вверх до наблюдательного пункта по деревянному настилу. Тут болото, дикая местность во всем ее великолепии, и омут с теплой коричневой жижой, где мириады комаров, размножающихся при солнечном свете. Там есть несколько блестящих ольховых деревьев, которые мы бросили в болото, чтобы соорудить небольшую гать. Потом там есть огромный муравейник и пара воронок от снарядов, мимо которых проходишь, перед тем как войти на платформу на дереве, которая с жалобным скрипом качается на ветру. Маленькая пилотка торчит, прячась среди верхушек трех елок; вы отдаетесь этому раскачиванию и слушаете кукушку. У елей уже появились крошечные кроваво-красные шишки, которые пробиваются среди зелени.

Глава 7.

Конец первого года

В начале лета 1942 года главные силы немцев были сосредоточены, на фронте южной армейской группировки, где продвижение в новом направлении на Майкоп и Кавказ диктовалось потребностью Гитлера в нефти. Вслед за неудачным контрнаступлением русских на Харьков Немцы развернули наступление 28 июня, когда 4-я танковая армия (теперь уже переброшенная) прорвалась между Доном и Донцом, а за ней последовала 6-я армия фон Паулюса,

которой была поставлена задача захватить Сталинград и обезопасить левый фланг. Все это способствовало тому, что обстановка в центральном секторе оставалась относительно спокойной.

Ничего существенного не происходит. На юге наступление продолжается. Здесь у нас все еще есть возможность для передышки. Медленно, шаг за шагом, мы сбрасываем с себя свое оцепенение, как тесный костюм. Теперь мы осознаем, какими слепыми и бесчувственными сделала нас зима.

Это более того, что можно было бы допустить. Я прошел через брешь в задней части помещения на НП, позволяя молодым веткам хлестать меня по рукам, и остановился на некоторое время в прогалине. Гряда облаков протянулась с севера по бледному вечернему небу. Как огромно небо над Россией!

День за днем свистят пули пулеметных очередей над нашим укрытием. Ночью их свист отдается в лесу резким эхом. Ничего не происходит: потом кто-нибудь встает и выходит из землянки, а несколько секунд спустя он уже мертв. Ночь была спокойной, прозвучала лишь одиночная очередь, но она попала в него. Скажешь: «Черт побери, он был хорошим парнем», а на следующий день увидишь венок, сделанный ребятами, с пучками красных еловых шишек, как открывшиеся раны. Вновь видишь его лицо, точно таким же, как когда он вышел из землянки. Потом оно становится темным.

На короткое время в наш сектор заглянул сержант Браун, а сегодня он нас покидает. Браун отвечал за отделение пулеметчиков возле моего наблюдательного пункта. Он бодрствовал, пока я спал. Наши донесения дополняли друг друга. Вечером я передавал ему музыку, которую перехватывал где-нибудь на позициях,

и никто из нас не выпивал свой шнапс в одиночестве. Он был асом, сумевшим поджечь блиндажи в П. и сжегшим последние сараи. С железным спокойствием он стрелял очередями трассирующих пуль, прислонившись к дереву, прицельная дальность 600. Очередь за очередью по одной и той же точке, до тех пор пока она не начинала дымиться. Вчера Браун сказал: «Что, добровольцы на выход в дозор? Я – нас. Я уже достаточно находился». Но сегодня он ругался, потому что не пошел туда. Ночью они обнаружили, что огневые позиции русских пусты. Они прошли через землянки, и с ними заговорил русский часовой в проходе, который не понял, кто идет.

Есть другие люди, которые с винтовками на ремне, расстегнутыми кителями и пилотками набекрень пробираются через сельскую местность. Есть что-то во взгляде их глаз, что отличает их от всех прочих. Их сразу узнаешь. Это те, кто ведет войну. Они несокрушимы. Они маячат повсюду, ввязываются во все предприятия. Опасность их привлекает, им нравится играть со смертью. Такие люди редко попадаются. Они слишком быстры, слишком умелы, слишком решительны. Они овладевают игрой и ведут ее продолжительное время. Потом они слишком часто ломают правила игры или же встречают достойного соперника. Один фельдфебель подбил двадцать восемь танков в ближнем бою; затем он поднялся на башню к командиру двадцать девятого всего лишь с пистолетом в руке. Он опоздал на секунду. Они выстрелили одновременно, и оба были убиты.

С такими людьми трудно ладить в тылу, но на фронте, если они попадают в руки к хорошему офицеру, они могут превратить роту в первоклассную боевую

единицу, потому что их боевой дух и смелые решения передаются всем остальным. Мужество и смелость заразительны, точно так же как и трусость.

Вечером пошли длинные донесения об активности противника. Они дополнили картину. Атаку ожидали. Она началась в 3.00. Противник открыл огонь всеми имеющимися у него средствами, ослепляя наши пункты наблюдения, обстреливая артиллерийские позиции, сосредоточивая огонь на нашем плацдарме в Р. Почти сразу же замерли проводные линии связи; сообщение об атаке пришло по радио. Прием был слабым. Мы открыли заградительный огонь вслепую, ориентируясь на шум боя, усиливавшийся вокруг Р.

На рассвете мы вышли наружу и наблюдали черный дым от разрывов снарядов на краю леса, наползающий к нашим огневым позициям. На артиллерийских позициях один человек получил ранение. Около ста двадцати снарядов среднего калибра упали около НП. Мы открыли заградительный огонь всей своей мощностью, сделав от восьмисот до тысячи выстрелов, но на самом деле говорили, что их было почти две тысячи, и половина из них – по Р. Наши собственные потери были невелики, а позднее на НП сообщили, что штурм Р. был сорван огнем нашей батареи.

Эшелон снабжения прибыл в 4.00. В 14.00 в дождь и снег мы грузились на поезд. К железнодорожной станции вела бревенчатая дорога, там была временная погрузочная платформа. Громоздкие русские вагоны сильно повреждены. Паровоз был гигантским. Дождь хлестал по грязным лужам, ветер гудел в телеграфных проводах. Орудийные команды поднялись с грязью на руках и груди. Но без спешки и без задержки машина за машиной закатывались вверх по

наклонной платформе – орудия и передки орудий, фургоны связи, повозки канцелярии, кузница, полевые кухни и легкий транспорт.

Я все еще помню, как мы качали головами, когда получили первый местный фургон, когда еще были в Кульме. Это был тип автомобиля с решетчатой надставкой борта кузова, такой, какие крестьяне используют для перевозки сена. Мы покрасили машину в серый цвет, чтобы сделать ее хоть немного похожей на военную, но всегда стыдились ее, и нам приходилось тащиться в самом конце колонны – эдакой цыганской кибиткой.

Ну а сегодня? Сегодня все движимое имущество огромной армии погружено почти исключительно на такие повозки. Высокие фургоны, на которых когда-то французы возили фураж, уже давно забыты. Те фургоны, что есть у нас теперь, уже даже меньшего размера; это жалкие, потрепанные, маленькие рессорные двуколки. Но они проходят через любую непролазную грязь, и, если вязнут по самые оси, пара лошадей может легко их вытащить. С дружным «раз, два – взяли» артиллеристы могут поднять груженую повозку и поставить ее на место.

Следующими по наклонной платформе пошли лошади, по пять пар на открытую товарную платформу. Все прошло гладко, на нашей батарее – старая опытная команда. И мы покатали на запад...

В Р. мы увидели поезда, груженные новыми пушками и сельскохозяйственными машинами, орудиями войны и мира. После всех разрушений здесь уже чувствовалась рука хозяина. Даже на самых маленьких станциях было некое подобие сада с травой, деревьями и дорожками, и даже там, где было снесено полдома, пехотинцы устраивали свои собственные маленькие

садики и лужайки перед домом.

Мы двигались по коридору в пределах досягаемости вражеских батарей. Однажды мы увидели два черных грибовидных столба взрывов в двухстах метрах от путей, но из-за шума поезда мы едва слышали звуки разрывов. Где-то на рассвете услышали гул пикирующего самолета, но он совершал рейд где-то в стороне.

Некоторое время спустя фельдфебель Вайзе сел в поезд. Повстречав сержанта Конрада, он спросил его: «Что-нибудь происходит?» – «Абсолютно ничего, – отвечал Конрад, – за исключением того, что прошлой ночью мы отбили еще одну атаку, тысячу выстрелов среднего калибра. Вот, пожалуй, и все».

Полчаса спустя фельдфебелю случилось быть во временной штаб-квартире дивизии и услышать там следующее: «Фантастическая история! Русские прорвались с танками и моторизованной пехотой. По нашему сектору выпущено две тысячи снарядов. Но 11-я и 12-я батареи добились хороших результатов». Вот как в геометрической прогрессии может быть раздута какая-нибудь новость соответственно расстоянию в милях от линии фронта.

Мы проследовали до конца коридора, так сказать, к ногтю пальца, к которому, тянется другой палец в стремлении замкнуть кольцо. Между ними промежуток примерно в восемьдесят километров. Но противник не сможет им особенно воспользоваться, местность не благоприятствует тому. Она голая и однообразная. Насколько хватает взгляда – ничего, кроме степи с низкорослыми деревьями и смешанных лесов. Жалкие маленькие деревушки на холмах выглядят даже еще более унылыми в дождь, такими же черными, как и болота, на которых

ОНИ СТОЯТ.

Даже на холме, если копнуть лопатой, в мокрой, черной болотистой почве сразу же появляется вода. Транспорт глубоко вязнет в болоте, и нам приходится впрягать в каждую повозку по четверо лошадей. Говорят, русским приходится носить свои боеприпасы за тридцать километров. У нас хоть есть железная дорога, вместо того чтобы тащить все на своем горбу.

Странная война, которая тут ведется, с опорными пунктами и вооруженными конвоями, с мелкими внезапными налетами и без выраженной линии фронта, с выброской десанта и с атаками самолетов с бреющего полета. В целом она довольно ущербна, при том что ни одна из сторон не устроила впечатляющего «действия». Кажется, что русские не могут, а мы не хотим.

Трясогузка примостилась в люльке пушки батареи тяжелых орудий, которую мы выгружаем.

В два часа я вернулся к пустому поезду, следующему на Смоленск и Минск, согласно командировочному предписанию. Я устроился в соломе, которая пахла лошадьми. Из Вязьмы я путешествовал в немецком вагоне с тамбуром. В Смоленск прибыл через двадцать четыре часа. В девять часов я нашел Хеннинга. Это было непросто. Сначала я прошел через задний двор мастерской; затем через сад. В конце его я увидел кого-то, стоящего прикрыв глаза рукой. Это была грандиозная встреча.

11 июля в одиннадцать часов я отправился в Минск. Добрался до летного поля на «мерседесе» киностудии. Я не мог подъехать к самолету, но меня подбросил аэродромный автомобиль. Позднее я пересел на грузовик и к шести

часам вечера был доставлен в лагерь организации Тодта между Оршей и Борисовом. Чистая комната, колодец с чистой ледяной водой, а еще через двадцать минут я как раз попал на спектакль русской труппы, которая называла себя «До свидания».

Конец нашего первого года. Он не особенно для нас примечателен. Мы упоминаем о нем как бы вскользь, с полуулыбкой. Нет причин для веселья, нет причин и для печали. День как любой другой. Он не стоит того, чтобы о нем говорить.

Мы – часть этой войны. Это естественный феномен. Он родился и вырос, а когда иссякнет, то умрет. Вначале это мы пронесли его с собой; теперь же нас самих несет война. Мы положили ей начало, но в конце концов она вошла в нас и сделала нас своими марионетками. Она сожгла многое в нас, и она будет продолжать изымать это из нас до тех пор, пока не заставит переродиться. Борьба с этим бесполезно; нельзя оглядываться назад, это лишь опечалит и оставит горечь в сердце. Остается одно – предоставить душу этой силе и примирить ее с ней. Она еще сильнее. Но это пройдет, как дождь.

30 июня 1942 года. Восемь дней я кочую по стране от безнадежных участков до более благополучных и от благополучных до тех, где и в самом деле все хорошо – настолько, насколько такие места могут существовать в военное время. Вряд ли найдется транспорт на грунтовой или железной дороге, которым бы я не воспользовался.

Вначале это было так, будто жизнь замерла. Товарные поезда ползли через сельскую местность, а потом военному эшелону потребовалось семь часов, чтобы

преодолеть шестьдесят километров. Пейзаж за окном всегда был одним и тем же.

Как же я устал от этих грязных дорог! Уже больше невыносимо их видеть – дождь, грязь по щиколотку, деревни, похожие одна на другую. Не хочется даже знать их названия. А потом эти маленькие ужасные города, где единственная мощеная дорога ведет к станции и никуда больше. Если даже хотелось бы с этим что-то сделать, это имело бы смысл лишь в мирное время.

Лучше стало по пути на Смоленск. Я постелил соломы на полу открытого товарного вагона. Светило солнце, и я комфортно спал на своей подстилке. Это было в тот вечер, когда я нашел Хеннинга. Я посмотрел чудесные иконы в свое последнее посещение в церкви. Кроме этого, особо не на что было смотреть в превращенном в руины городе, в котором когда-то находился один из крупнейших университетов, а также тридцать четыре средних школы и техникума. В церкви теперь, после перерыва в пять лет, опять идут службы.

Помимо этого, что еще можно сказать о Смоленске? Некоторые эпизоды остаются в сознании, если обращаешь на них более пристальное внимание: эмигранты, беженцы, женщины и дети с узлами за спиной. Их были сотни, двигавшихся нестройными колоннами, а над их головами громкоговоритель вдруг прорывался торжественной оглушительной музыкой. Тут выплывало лицо с правильными чертами, там чисто выбритые головы выглядывали из белоснежных рубашек, опоясанных узкими ремнями и заправленных в рейтузы. Иногда по дороге проходила, не оглядываясь ни вправо, ни влево, скромно одетая красивая девушка. Такие картины – исключения, но они заставляют думать.

Когда я ехал на машине к аэродрому, нам повстречалась колонна пленных,

вчерашние солдаты в состоянии апатии, с затравленным взглядом побежденных. По другой стороне улицы стояли и плакали женщины. Не так часто видишь слезы: как правило, они не являются частью русского характера. Хеннинг рассказал мне историю, иллюстрирующую этот факт.

У них была женщина, которая делала уборку, а ее брат помогал ей. Брат совершил кражу и был уличен. После ускоренного судопроизводства он был расстрелян. Женщине об этом не говорили, но она это знала. Когда однажды кто-то спросил ее о Василе, она сказала: «Василь украл». Она посчитала суровое наказание совершенно естественным и пожала плечами. Позднее ей сказали: «Ты будь осторожна, не кради», она спокойно ответила: «Ничего – война» (это война, так много людей умирает).

Я бродил по улицам, заглядываясь на девушек, на жизнь площадей и на многочисленные церкви. Иногда присаживался на лавочку в парке, где играли дети. Однажды я сел в дрожки, чтобы лучше осмотреть город. Было что-то нереальное в том, чтобы быть гостем, чужаком в уже чужом городе. Была столовая, где русский официант спросил на немецком: «Пиво, господин?» Каждый раз он ставил передо мной новую рюмку водки. Потом была часовня над проходом под аркой с черной Мадонной. По большим праздникам ее наряжают в жесткие блестящие золотые одежды, зажигают вокруг свечи, чтобы приветствовать снующие толпы внизу.

После утомительного путешествия я доехал до Минска в поезде с боеприпасами в половине третьего утра. В половине четвертого я перемахнул через забор и встретил своего старого товарища Юлиуса из роты «головорезов».

За завтраком он съедал полфунта масла, три четверти фунта кровяной колбасы и яичницу из семи яиц – я со всем этим вряд ли бы справился.

Во второй половине дня я отправился в Борисов, где десять часов сна помогли мне восстановить силы после утомительного путешествия и холода в голове. Я расположился в маленьком черном доме, где уже как-то останавливался раньше. Это было во время наступления. Я тогда остановился, чтобы умыться с дороги, и дом мне очень понравился.

Поначалу семья была не особенно обрадована моим вторичным визитом. Но через некоторое время на лицах хозяев появилась застенчивая улыбка, и у нас установилось доверие друг к другу. Семья состояла из тихой робкой женщины, морщинистой бабушки и маленькой Панеки, которой было четырнадцать лет. Это достаточно просто, если действовать осторожно, проявляя дружелюбие к людям и пытаясь отодвинуть в сторону войну. Как будто одно исключало другое.

В солдатском общежитии в С. я ожидал почтового курьера из Берлина. На улице шел проливной дождь. Это было облегчение после духоты последних дней. Прошлой ночью было так душно, что я потел всеми порами. Страна крайностей. Ни в чем не проявляется умеренность. Жара и холод, пыль и грязь. Все неистово и необузданно. Разве не следует ожидать, что и люди тут таковы?

Несколько русских полицаев сидели за моим столом, молодые украинцы из Галиции. Некоторые из них все еще носили свои коричневые френчи с медными пуговицами с эмблемой серпа и молота, на других была немецкая военная форма без эмблем и русские поясные ремни – такая вот нелепая мешанина. Но они хорошие ребята, храбрые, отчаянные и полные ненависти. Как раз то, что нам

нужно.

В городе было множество разрушенных зданий. Большевики сожгли все дома; оставались только их остовы. Одни были разрушены бомбежкой, по во многих случаях это были поджоги. Теперь здания уже снова приведены в порядок. Крыши, полы, стены, лестницы, окна, двери, балконы – все было обновлено. Основные мастерские и компании по снабжению должны иметь хорошие помещения на зиму.

12 июля 1942 года. Опять в старой компании. Как приятно мне было снова увидеть маленькую долину с рекой и старые добрые землянки на склоне холма. «Итак, вы прибыли, – отметил командир батареи. – Мы думали, уж не случилось ли что-нибудь с тобой». И я почувствовал себя вроде блудного сына. Наверное, это трудно понять, но уже на последнем отрезке пути у меня появилось ощущение, будто я возвращаюсь домой. На пути была большая воронка от мины, сгоревшие фургоны, воронки от снарядов справа и слева от железной дороги, подбитый самолет, наклонный путь – последнее место погрузки и, наконец, хибара коменданта погрузки в эшелон. Все это было настолько знакомо, так же привычно, как шум фронта по ночам, как свет из землянок в стороне от дороги. Теперь я опять успокоился.

Я слышал из донесений, что в нашем секторе что-то происходило, что нам пришлось спрямлять линию обороны, чтобы не оказаться в «котле», и это меня беспокоило. Но оказалось, что все в порядке, ничего не изменилось. Единственной новостью было то, что Будде получил ранение, произведен в сержанты, награжден Железным крестом 1-й степени и отправлен на побывку

ДОМОЙ.

Ребята собрались в моей землянке. Свет бледного вечернего неба струился через кисейные занавески на окне, а я читал. Мне пришло письмо от Йо, который на юге, и еще одно от Мартина – он на севере; я был глубоко тронут. Как же разбросало моих друзей – по всем театрам военных действий: в Норвегии, на Ленинградском фронте, в группе армий «Центр», в бассейне Донца, в Южной Франции, в Греции и Африке, на побережьях, на оккупированных островах, в пустынях, в степях и лесах, среди снежных гор и в стенах чужих городов – и все же они говорят одинаково; их сердца бьются в едином ритме.

Вот пишет Мартин... Я вижу, как он пьет и стучит кулаком по столу: «Если только можно было бы начать жить снова и продолжать выполнять свою работу. Я все еще не оставляю свои мечты, мы осуществим их в конце концов... Я нашел несколько красивых икон... Это на будущее!.. А сейчас я довольно пьян...»

А вот Йо, сидящий у своего дома и пишущий об этих странных временах: «На нитке паутины, свисающей с карниза, качается соломинка на ветру. Кот – Петр-младший – сидит на краю стула на солнышке. Сейчас воскресное утро (после семи часов). Слабый синеватый дымок от кухни поднимается и гуляет среди деревьев, и облака отбрасывают огромные тени на окружающий ландшафт. Это чудесно. Сочетание нежно-голубого с бело-желтым и розовым; вот гамма цветов, в которой я живу в данный момент. Наверное, это награда за ужасную первую половину мая, когда танки прорвались сюда. Мы дважды отбивали электростанцию, и долина была такой черной от дыма, что не видно было самого неба. Наше кладбище с крестами становится все больше и больше, а когда вся

шумиха и замешательство стихают, у меня опять появляется печальная обязанность выводить буквы на белых деревянных досках. Теперь они уже стали серыми под нависшими ирисами». Так пишет Йо.

Здесь у батареи мелкий дождь моросит под вечерним солнцем, воздух очень чист, и мягкий свет ложится на траву. Я только что глубоко вздохнул. На склоне нашей землянки цветы, так же как и на столе внутри нее. В землянке светло и уютно, как в маленькой гостиной.

Триста пятьдесят русских совершили прорыв и продвигаются где-то по сельской местности. К вечеру в тылу были слышны выстрелы. Удваиваются караулы. Но все это не сможет нарушить мир Господа Бога.

Со вчерашнего дня я нахожусь на НП. Направился на старый наблюдательный пункт, чтобы посмотреть, как изменилась местность. Я брел через луг, белый от тысячелистников и маргариток, и наткнулся на солнечный склон с земляникой. Я так долго там пробыл, что мои товарищи стали волноваться. А я никак не мог оторваться. Моя жадность до земляники была неимоверна. Вот они эти ягоды, красные, спелые и налитые; остается только подставить руку и набить полный рот. Я отбросил в сторону пилотку и поясной ремень и нагибался, чтобы их собирать. Скоро мои руки сделались красными от сока. Потом пошел в Л. Появилось много новых воронок от снарядов, а в землянку было прямое попадание.

Когда приблизился, услышал шум ожесточенного сражения. В следующий момент я увидел группу наших парней в своих стальных касках, крутящихся в бешеном танце, бросающих ручные гранаты. В целом все это представляло собой

фантастическое зрелище. Казалось, они используют все мыслимые средства, чтобы привести в смятение русских.

Как выяснилось, командир дивизии прибыл в Л., а именно он совещался в штаб-квартире роты о том, стоит ли рискнуть продвинуться еще вперед. Наши установили русский пулемет и из него вели огонь по русскому же расположению взвода. Русские были огорчены, что наш комдив не попал в ловушку. С большой осторожностью они закрепили провод-растяжку к mine, надеясь, что немецкий генерал заденет его и подорвется на mine. А теперь они подорвали ее сами и по ходу дела подожгли сарай.

Когда «большой человек» удалился, сразу стало спокойно. Мы смеялись, мол, смолкли «большие пушки».

Сейчас полночь, я сижу и пишу при свете свечи. Снаружи строчат пулеметы, а позади меня кто-то кричит во сие: «Еще десять выстрелов, огонь! Какова вертикальная наводка? – 7100...» Затем он повернулся со вздохом. Неподалеку, если выйти наружу, можно увидеть вспышки над новой линией фронта, замкнувшей в кольце большой район.

Глава 8.

«Мы здесь, товарищи»

В августе 1942 года русские развернули мощное наступление на центральный сектор, особенно на Ржев. Оно началось в неподходящий момент, так как несколько бронетанковых дивизий группы армий «Юг», достигнув

Майкопа и предгорий Кавказа, по иронии судьбы были вынуждены остановиться из-за нехватки горючего. В то же время пришлось лихорадочно укреплять оборону Атлантического побережья после высадки канадцев в Дьепе. В ходе последовавшего ожесточенного боя дивизия, в которой служил Пабст, была отозвана для оказания поддержки другой немецкой группировке, силы которой оказались скованы действиями русских.

Дождь. Он идет день и ночь. Дощатый настил перед нашим домом хлюпает, опускаясь под нашими ногами в лужи. Но тут есть одно преимущество: нас не вызывают в дозор. Также и мухи присмирели – мухи, которые переносят грязь на все и на всех и поднимаются тучами, как только снимаешь висящую на стене у печки одежду.

Вечер очень спокоен. Легкий туман опустился над низиной, а крыши домов, кажется, плывут в бледном свете. Где-то скрипит телега, лошади бьют копытами в стойлах, слышен звон цепей. Кругом тишь да гладь, как будто фронт на некоторое время переводит дух.

Сидишь здесь в блокгаузе, вдали от всех тревог, среди заболоченных лесов, между пулеметными огневыми точками, каждая из которых соединяется со следующей узким дощатым настилом. Часовые молчат; они стараются не рисковать – в лесах крутится слишком много разного сброда. Нам приходилось простреливать лес, делая своеобразный проход, необходимое пространство между противником и нами. Все это совсем другой мир. И я благодарен за это.

В такие времена, как теперь, фронт – самое лучшее место. Не то чтобы тут всегда множество дел. Иногда их очень мало и человеку приходится учиться

оставаться наедине с самим собой. Мне это нравится. На фронте вы невероятно свободны: свободны от мелких забот и хлопот, от неизбежных прилипчивых вещей, с которыми ничего нельзя поделать. Так же как военный приказ – короток и точен, и нет сомнений в выполнимости нашей задачи, – нет проблем с делами вне повседневных занятий. Помимо небольшого числа вещей, общих для всех нас, таких, как желание снова попасть однажды домой и мысли о тех, кого мы любим, – обо всем прочем мы забываем. У нас нет времени думать о другом, вовлекаться в другие дела.

Тут я могу бродить по лесу, испытывая лишь блаженство от зеленого полумрака после ослепительного солнца в ясный день. Я могу сидеть у монументального входа в свой блокгауз, наслаждаясь запахом смолы и теплом солнечного дня, который наполняет лес большими волнами аромата лугов.

Болезнь нашего времени может быть сведена к нескольким формулам. Мне приходит в голову, что думать об этом можно гораздо лучше здесь, вне шума повседневной жизни, когда от спокойных размышлений не отрывают мысли, связанные с желаниями. А тут мы свободны даже от желаний. Они стали слишком бессмысленны перед неопределенностью завтрашнего дня. Ничего не стоит между нами и величием хода событий.

К 2.00 ночи кто-то ворвался с криком «Подъем!». К трем часам главная походная застава уже двигалась по черным заболоченным дорогам, через болото с поднимающимися вверх испарениями и по местности с плоскими возвышенностями и темными деревнями. На меня всегда производит впечатление этот ландшафт с его необъятностью и огромным размахом реальных границ. Этим

утром не было ничего, кроме темной ленты дороги, зелени луга, почти столь же темной в холодном свете, еле заметно между холмами плыл туман, и деревни тоже «плыли» на его гребнях. Нет ни разнообразия, ни очарования. Один и тот же суровый тон преобладал во всем, так что одинокий всадник мог быть поглощен им и в то же время остаться видимым издали как отдельная вещь.

Орудийный лафет застрял в болоте, и некоторое время среди холмов не было ничего, кроме группы артиллеристов, команд, ведающих лошадьми, буксирных тросов и грузоподъемных устройств вокруг незадачливого станка для орудия и громкого, решительного «Раз, два – взяли!».

Батарея растянулась по дороге. С холмов можно было видеть машины, двигавшиеся своим путем вперед, вверх на подъем или идущие на поворот. Затем последовала обычная тренировка в посадке на поезд. Плечо к плечу, великолепно скоординированная. Затем покатали в восточном направлении. Во время многочисленных остановок мы беседовали или добродушно поругивались, смех раздавался от вагона к вагону.

Я немного поспал на копне сена под нашей повозкой.

Мы рады солнцу во время этой интерлюдии, когда можно поспать, когда все подготовлено и нас просто перебрасывают туда, где мы нужны. Мы поносили эту работу, переворот, новую перемену мест, потому что человеческой натуре свойственны лень и пребывание на одном месте. Но мы уже приняли это и забыли об этом. Скоро будем строить новые позиции, не в первый и не в последний раз, будем делать что требуется и скоро вновь почувствуем себя как дома. Это не

потребуется многого, поскольку мы, по существу, кочевники. Затем снова будем жить в настоящем, и все это останется лишь еще одним эпизодом прошлого.

Мы ехали в неизвестность ночи, наполненной ревом машин. Парашютные ракеты падали из-под облаков. Земля дрожала от тяжелых взрывов. Вспыхивали зажигательные бомбы. Огонь зенитной артиллерии, яркие вспышки ракет в темноте, выпускаемых из реактивных установок, артиллерийские дуэли. Все поле сражения обрамлено полукругом мерцающих сигнальных огней, постоянно меняющихся в своем молчаливом послании: «Мы здесь, товарищи, мы здесь!» – бесконечный крик широко раскинувшейся линии фронта.

Мы продолжали двигаться к ней. Грязь тускло поблескивала, как свинец в свете вспышек, гулким эхом отдавался по дороге стук копыт, показались руины мертвого города, где единственными живыми существами были сладковатый запах дыма и мы сами – хозяева этой земли, забравшиеся так далеко от другой, где живут наши женщины и дети.

Мы продолжали путь наутро. Я совершал такое же путешествие три раза; слышны были только скрип седел и бряцанье стремян. Наступал час полнейшего безразличия, когда становишься слеп и глух, неспособен о чем-либо думать, кроме сна. Затем наступал другой час – момент, когда можешь погрузиться в поток и прийти в себя, когда чувствуешь себя немного лучше, кроме того, что глаза все еще наполовину закрыты и чувствительны к свету и горло пересыхает от нестерпимой сухости.

Моя лошадка ржала до утра. Она всегда ржет. Ее можно видеть издалека.

Она маленькая и сильная. Ее голос хриплый и грубый, и, когда она его подает, ее уродливая морда напоминает мне о работах Леонардо да Винчи, таких отталкивающих и все же производящих столь сильное впечатление.

Не проходит и часа в течение дня, чтобы воздух не наполнялся ревом истребителей и пикирующих бомбардировщиков. «Юнкерс-87» вернулся, пролетая низко над головой. Находясь в приподнятом расположении духа, его летчик включил свою сирену пикирования. Наши лошади обезумели, но мы все равно оценили товарищеское приветствие. Всегда возникает чувство большой неосознанной радости, когда встречаются представители двух различных родов войск при проведении общей операции. Пилоты машут нам сверху, а мы смотрим, задрав вверх головы, и машем в ответ.

Мы движемся в новый район, и слышно, как хлюпает грязь пополам с водой под ногами. Комары облепили кругом лошадиные шеи, что выглядело как красные рубиновые ожерелья. Когда мы вернулись с нового НП, артиллерийский эшелон как раз закатывал последнее орудие. Крики водителей эхом разносились в пустом пространстве между двумя деревнями. На заднем плане продолжался ужас «геенны огненной». Чудовищные столбы дыма, темные, белые и фиолетовые, к которым все время добавлялись все новые, поднимались в небо – результат безжалостных артобстрелов, сотрясавших землю и заставлявших дребезжать стекла на окнах. Эскадрильи наших и вражеских самолетов подрезали друг друга в воздухе. наших было множество. Русский бомбардировщик разлетелся на части от сильного взрыва, и пылающие обломки дождем посыпались из облака дыма вниз.

22 августа 1942 года. 7.00. В течение полутора часов мы были под ураганным огнем: ракетные залпы, удары тяжелых минометов, танки. Пять раз атаковали истребители. Танки прорвались с левого фланга. Прямое попадание по НП. Телефон разлетелся вдребезги, но других потерь не было. Управление огнем переместилось в нашу персональную землянку. Несколько танков перед нашей позицией, все горящие. Наготове сосредоточенные заряды; в ближнем бою в пределах досягаемости будем использовать ручные гранаты и пистолет-пулемет. Главный удар наносится по соседнему сектору, в пятистах метрах левее.

7.30. Жестокий заградительный огонь. Попал в воронку, испачкав грязью всю спину. Минометы и «катюши» («Сталинские органы»).

8.00. Пехота, атакующая на северном краю леса. Огневой вал «Людвиг». Вражеская батарея меняет позицию на склоне к юго-востоку. Кончились боеприпасы. Огонь ведет Розенбергер-3.

8.20. Наша собственная батарея опять заработала; используем снаряды замедленного действия, все орудия открыли огонь по пехоте на краю леса!

8.25. Наконец-то пикирующие бомбардировщики. Стреляем из ракетниц, указывая цели.

8.30. Ура, они пикируют!

8.35. Вступают в бой истребители-бомбардировщики: бомбы и пулеметы. Видимость снизилась из-за взрывов. Там, на русских позициях, эвакуируют первых раненых.

9.00. Рота выдвигается в юго-восточный угол Б. Теперь тут две роты, конная артиллерия, грузовой транспорт. Приказ открыть огонь: главная линия наводки

235 плюс, вертикальная наводка 7200. Три попадания.

9.30. Пехота атакует через заградительный огонь «Людвиг» при поддержке танков.

10.20. Они почти победили нас. Но в течение прошедших двадцати минут на лес перед нами обрушился бомбовый град. Одна тяжелая была сброшена за двести метров от главной линии артиллерийских позиций. Земля содрогнулась. Лес накрыло клубами дыма от взрыва.

10.25. Атакуют «ратае». Наши истребители уничтожили четыре русские машины за три минуты.

10.30. И опять танки. Противотанковые орудия стреляют как бешеные.

10.35. Осторожно, истребители! Новая атака. Докладывают: «Подбит танк». Третья жертва нашей маленькой пушки сегодня.

10.37. Новое сосредоточение огня на Б. Пятнадцать фургонов на конной тяге и рота. Приказ открыть огонь: заряд номер 6. Ударные взрыватели, все орудия!

10.45. Слева наши пикирующие бомбардировщики. «Ратае» впереди перед нами. Позади – сильно горит (деревушка) Табраково, черный дым и красный огонь.

11.00. Четвертый танк подбит нашей 50-миллиметровой противотанковой пушкой. На счету 76-миллиметровой на пару больше. Всего тринадцать в секторе нашего батальона.

12.00. Сегодня линия связи до огневой позиции была в порядке ровно пять минут. Затем ее снова разорвало на куски. Теперь она плавится в огне в Табракове. Мы продолжаем корректировать огонь по радио: «Алло,

«Красная»-один! Передайте донесение».

12.20. Подожжен уже четырнадцатый танк; пятый – нашей маленькой противотанковой пушкой. Прямое попадание в большое орудие привело к тому, что оно было выведено из строя. Прорвались два тапка, но 88-миллиметровые орудия их достали перед Т. Дезертир. Русские только вчера прибыли из Москвы. Ставят под ружье всех от четырнадцати и до пятидесяти. Несколько дней назад мы взяли в плен одного, которому было всего тринадцать.

15.30. Бой стихает. Пикирующие бомбардировщики совершают свой шестой или седьмой налет. Танки отошли в лес. В результате нашей стрельбы очень эффективно, в щепки, дробились деревья, обломки которых устрашающе разлетались в разные стороны. Предполагалось, что в лесу перед нами находится около четырехсот человек. Наверное, им мало не показалось в этот момент.

17.00. Ракетная огневая завеса – прямо над нами. Пыль и зловоние. Мы еще сильнее прижались к земле. Окрики: «Пабст?» – «Майснер?» – «В порядке. Продолжайте вести огонь». Наш третий выстрел увенчался отличным попаданием по позиции вражеской артиллерии.

16.45. Связист вернулся с новостью, что наш скупой на слова генерал Риттау убит.

Вечером все стихло. Пулемет стреляет трассирующими пулями. Русские отводят свои уцелевшие танки. Другие мы подорвали. Мы стоим в штаб-квартире роты и говорим о генерале. Люди проклинали его, потому что он был очень требовательным. Теперь они говорят, что он был воплощением дивизии. А это – хорошая дивизия. Он был молчуном, и у него была железная выдержка. Говорят,

пища была плохой в дивизии. Когда ему подавали изысканное блюдо, он некоторое время молча смотрел на него, а потом спрашивал: «Это то, что дают моей пехоте?» Таков был наш генерал.

24 августа 1942 года. 4.15. Третий день сражения. Оно одновременно сразу начинается на земле и в воздухе.

4.45. В течение полутора часов ведется жестокий ураганный огонь в секторе на левом фланге. Вчера в 0.30 я вернулся на огневую позицию на двухдневную смену, но прошлой ночью мне снова пришлось подняться наверх. Убит лейтенант Д. Шпенглер. Прямое попадание по наблюдательному пункту.

В течение ночи мы строили блиндаж.

Не знаю, который теперь час; одни и другие мои часы вышли из строя в ходе боя. Знаю только, что обстрел продолжается с 4.45, и трудно поверить, что несколько квадратных метров земли способны выдержать такое количество кромсающего ее металла.

7.00. Короткая передышка. Не так много артобстрелов. Мы соорудили две землянки, одну в качестве наблюдательного поста, другую – для нашего радиооператора, на восемьдесят метров к тылу. Между ними разорвалось несколько снарядов. Они повредили наш кабель. Один из 120-миллиметровых снарядов упал в трех метрах от блиндажа радиосвязи и вдребезги разнес балку над входом к Кристинеру. Лейтенант Мак и я выглядели как негры. Мы ползали между капустными грядками, чтобы починить кабель. Телефонная связь была невозможна во всем этом грохоте. Они предприняли минометную атаку, как раз когда я преодолел полпути наверх. Ковровый ракетный обстрел накрыл меня,

когда я лежал в воронке от 120-миллиметрового снаряда.

Возведение нового наблюдательного пункта было завершено как раз к утру. Это жалкая пора и довольно сырая. Нам приходится ползать. После десяти минут у оптической трубы шея становится негнущейся. Но я рад, что мы можем наблюдать так далеко. Сегодня ночью исправим положение.

«Скорее бы наступил вечер», – только что сказал мне Кристинер по телефону. Так же думаю и я. На сегодняшний день наше маленькое противотанковое орудие подбило пять танков. Вчера на счету полка было пятьдесят восемь. Один прорвался сегодня там, где Франц Вольф сидел со связистами в секторе слева. Вчера мы пожали друг другу руки при встрече. На батальонном командном пункте мне рассказали об этом два дня спустя после того, как он успел передать донесение: «Танки! – стреляаа...ют!» – потом он побежал туда с телефонной гарнитурой и всем прочим, обмотанным вокруг него. Он не слышал танков, пока они не оказались от него в десяти метрах.

Они наступают здесь теперь с начала июля. Это невероятно. У них должны быть ужасные потери. Ожесточенная борьба идет за каждый клочок земли. День за днем мы разбиваем их районы сосредоточения. Им редко удается развернуть свою пехоту даже в пределах досягаемости наших пулеметов. Мы видим воронки от бомб, мы видим, как они оттаскивают раненых, их танки остановлены, их самолеты сбивают. Они бегают в страхе и беспомощности, когда наши снаряды ложатся у них под носом. Но потом они снова появляются, двигаясь в открытую, и устремляются в леса, где попадают под настильный огонь нашей артиллерии и пикирующих бомбардировщиков. Конечно, у нас тоже есть потери, но они

несравнимы с потерями противника.

18.00. Я определяю время по солнцу. Новая атака. Она опять слева. Танки катятся в атаку, и как! Их слышно совершенно отчетливо; почти можно видеть, как со скрежетом они ползут вперед, и угадать с точностью до секунды, когда они достигнут наших линий обороны и начнут свою тьявкую стрелбу. Но наша артиллерия уже в действии. Лес покрывают огненные разрывы снарядов и клубы дыма. Трещат пулеметы. Эффект от разлетающихся осколков, должно быть, ужасен. Тем временем далеко позади нас открыли огонь противотанковые орудия, но он продолжался всего между пятнадцатью и тридцатью минутами. Затем стихло.

Теперь мы слышим гул новой танковой атаки. Пока что ничего не происходит. Проходят секунды, одна за другой – и ни единого выстрела. Не открывать огонь, подпустить их поближе! В оптическую трубу виден горящий дом – дым от артиллерийских разрывов огня относит в сторону как туман. Никакого видимого движения на стороне противника.

Несколько позднее, в вечерних сумерках, опять разверзся ад: минометы, танки, пулеметы. Но из всей атакующей пехоты только пара перебежчиков достигла наших позиций. Затем опять стихло, и мы провели вторую ночь, занимаясь сооружением своего блиндажа. Теперь у него хорошая крыша, солидный защитный слой кирпичей и земляной буфер против рикошета. Мы также вырыли ход сообщения, чтобы проползать по нему между двумя землянками.

24 августа 1942 года. День начался рано атакой истребителей с бредущего

полета. Кроме того, открывали огонь ракетные установки, над которыми на позициях неприятеля в лесу ежечасно взметались белые огненные выбросы. Несколько танков и минометов слали нам вперемешку свои утренние посылки, но в целом спокойно и движения на стороне противника мало. Мы даже пару раз выходили наружу позагорать на солнце за землянкой: два захода по пять минут.

Странное зрелище открывается, когда останавливаешься на мгновение у входа в блиндаж. Ребята разбрелись по укрытиям, за разбитыми садовыми изгородями, в стогах сена, в заросших бурьяном полях, среди развалин сожженных домов. Иногда в поле зрения попадает кто-нибудь пробирающийся, согнувшись в три погибели, по дороге, на мгновение блеснет его стальная каска. Они всегда наготове, готовы быстро пырнуть в укрытие. Слышно щелканье затвора пулемета, иногда короткий вскрик. В целом в перерывах между обстрелами – тихо. Но чувствуется напряженность.

Сегодня ночью меня сменят.

В сумерках я возвращался назад. Последняя эскадрилья пронеслась над лесом с воем сирен. Обстрел стал более чувствительным, взрывы более беспорядочными. На небе – море хаотичных огней трассирующих пуль и снарядов, залпы «катюш» и красные, зеленые и белые вспышки как по волшебству возникали в нежном вечернем небе.

* * *

Потом нас просто завалили продуктами, так что я смог предложить Францу Вольфу шнапс. Мы вдруг оказались все вместе, и было приятно снова увидеть лица старых добрых товарищей. Есть всегда что-то чудесное в том, чтобы встретить друг друга живыми и здоровыми. Майснер был там в ожидании своего выхода на смену на пост. Кристинер просил: «Они еще тебя не подстрелили, дружище? Нет? Ну, так тебе повезло!» – «Они проделали дыру в моем кителе, – сказал Франц. – Я только что его залатал». – «Ну и что, посмотри на мою пистолетную кобуру», – ответил Майснер. Мы все согласились, что чувствуешь себя совершенно незащищенным, когда лежишь наверху.

«Но теперь-то ты со всеми нами, – заявил Кристинер. – Когда ты в компании, то не обращаешь внимания на то, что происходит. И не хотелось бы быть где-то еще. Когда я вернулся их отпуска, то нашел 11-ю, но когда они мне сказали, что батарея двигается вперед, все в порядке... Наверное, времена меняются».

Как раз сейчас батарея производит быстрый выстрел – второй за этот вечер. Черный дым от зарядов с пламегасителем означает, что выброс пламени виден не всегда. Глухо захлопываются замки, позвякивают патронники, потом опять слышишь голос сигнальщиков: «Алло, «Красный» два... у нас тут ничего нового». Четко и ясно, хотя и почти монотонно. Чувствуешь, как все слаженно работают – наблюдатели наверху, сигнальщики, артиллеристы.

Со вчерашнего дня я опять на позиции передового дозора. Прошедшей ночью не сомкнул глаз. То артобстрел со стороны противника, то открывает огонь наша артиллерия. Мы еще больше укрепили свою землянку. Сегодня спокойнее. Пыль и дым все еще медленно затягиваются через вход, но до тех пор, пока не

смещается балка или огромный кусок земли не падает в солдатский котелок, мы не особенно обращаем внимание.

День склоняется к вечеру. Моя стальная каска становится тяжелой, а язык немеет от чрезмерного курения. Солнце заглядывает в блиндаж. Как хорошо глотнуть вина.

Я поднимаю пыльную бутылку, держу ее в клубящемся, освещенном солнцем дыму и люблюсь игрой цветов, зеленого и красного. Ну чем не испанская Мадонна с такой вот мантией?

Мой сосед сбоку распластался и спит. Во сне его лицо бледное и страдальческое. Вижу щетину на его подбородке. У нас есть русская бурка, которой мы укрываем ноги, а если получается, то и уши. Фактически только один из нас спит в какое-то одно время, но в холодную ночь под ней хватает места на двоих.

Несколько позднее прибыли лейтенанты Мак и Класс, а Ганс и я пошли обратно. Мы подтянули ремешки наших стальных касок и поспешили. Не очень-то приятно находиться в ожидании пули, когда идешь в лунную ночь через голый холм. Нам хотелось поскорее оставить его позади, миновать многочисленные воронки от снарядов, вытопанное, обожженное и изъезженное хлебное поле перед Т., весь в воронках перекресток дорог с зияющими ямами. Часовой у противотанкового орудия вежливо спросил у нас пароль. Затем миновали подбитый танк, а потом уже низина, где мы всегда закуриваем сигарету.

И снова я наблюдал за целью 215. На пересечении дорог было несколько позиций зенитной артиллерии. На открытом месте появился человек, снял свою

шинель, остался стоять в рубашке с короткими рукавами под ярким солнцем, затем беззаботно побрел на пруд купаться. «Рейнхард, – сказал я, – Рейнхард, ты только посмотри на это, ну не наглость ли?» Мы сидели на корточках, и у нас руки чесались ввязаться в драку. Хоть бы только какое-нибудь орудие проследовало мимо! Но бог войны был добр. Появилось даже два орудия. Они подошли, тряско, но проворно перебравшись через холм мимо точки 235, и двигались по направлению к 315. Какая удача! Был отдан приказ открыть огонь: «...доложить о готовности... Огонь!»

Мы ждали – вот оно... трра-ах... и затем грибообразное облако!

Наш иван был насмерть перепуган: снаряд 155-миллиметрового калибра – не пасхальное яйцо. Он схватил свой китель и исчез в укрытии, подняв столб пыли. Возницы тронули лошадей и галопом поскакали прочь. Мы застали их в пункте 325. Одна из лошадей ходила по кругу без кучера, и мы почувствовали себя лучше.

Это было забавно, отец. Это нас ободрило, и я подумал о твоих рассказах о Березине. Разве ты сам не делал такого же рода вещи? Ты лежал в ожидании и смеялся. «Смотри, сейчас они попрыгают!» – говорил ты. Мать всегда сердилась по этому поводу: «Какое же вы зловредное племя, мужчины!» Но я знаю, что ты при этом чувствовал.

Утром я лежал в своей норе с небольшой температурой. Я мечтал о спокойном сне под материнской защитой; о сне, в котором я мог бы позволить уйти всему, что меня так напрягает – как это постоянное существование в ожидании вызова. О сне, после которого я мог бы проснуться улыбающимся, о

сне, который не был бы одним длинным беспокойным сном. Как всегда бывает, часов с четырех, земля начинает осыпаться, проникая через соломенный настил крыши землянки: иногда она падает достаточно обильно, так, будто стропила дрожат сами по себе. Временами я думал, не перевернуться ли и не лечь головой к выходу, где, вероятно, было больше места, на самый крайний случай. Но мне, скованному лихорадкой, слишком уж все безразлично. Я только еще сильнее сжался. В восемь часов было десять попаданий вокруг нашей маленькой группы блиндажей. Балки и слой земли над моим входом – в трещинах, мотоцикл, стоявший там, теперь бесполезен, и его обломок пробил ящик с продовольствием, засыпав содержимое опилками.

В течение послеобеденного времени обе стороны активизировали действия в воздухе. Со всех направлений огромные «ястребы» устремлялись в центр сражения, а истребители кружили вокруг них. В течение получаса мы наблюдали атаки и преследования, происходившие на трех различных уровнях. Звено пикирующих бомбардировщиков совершало пике совсем близко от эскадрильи русских истребителей: они храбро бросались вниз, самолет за самолетом. Высоко над головой снаряды зениток неслись в поисках своих жертв, в то время как внизу под ними истребители неотступно преследовали объятые пламенем бомбардировщики. Кажется, будто общие усилия армий и воздушных сил постепенно сосредоточиваются на этом грязном маленьком куске земли.

Это продолжалось до глубокой ночи. На севере гряды облаков, как обычно, были в огне; впереди нас поле боя опоясано вспышками, вырывающимися из орудийных стволов, а земля гудела от взрывов. Надо всем этим нависало небо с

холодными мерцающими звездами. Иногда можно поверить, что жизнь в этой зоне прекратится. И все же она продолжается в тысяче человеческих существ, дрожащих, настороженных, надеющихся остаться в живых.

Вчера в четыре часа неприятель вновь открыл ураганный огонь. Но наши пикирующие бомбардировщики не заставили себя долго ждать и атаковали его. Мы атаковали с некоторым успехом на своем участке, несмотря на упорное сопротивление. Батарея была в действии всю ночь. Этим утром к нам подключились реактивщики. Хоземанн шел со своим котелком за кофе, когда это началось. Он остановился как вкопанный. «Иисусе, – сказал он, – открылась клетка льва!» Это и впрямь дьявольский, ужасный рев, когда вверх взлетают ракеты.

Фландерс вернулся из отпуска вчера. Он сказал (а он говорил для всех, кто уходит в отпуск): «Девятнадцать месяцев – долгий период, хотя я знаю, что некоторым людям приходится ждать еще дольше. Я чувствовал большую робость, когда шел по городу, без преувеличения. Уже отвыкаешь от этого. Там большие каменные здания и широкие улицы, и сады и парки. Это все так нереально, как будто уже не принадлежишь к этому миру. Потом добираешься до своего дома... полагая, что он все еще на своем месте! Диван, на котором можно вытянуться с книгой, настольная лампа, радио... и никакой стрельбы, совсем никакой...»

Ночь. Я лежу в своем убежище с температурой и пишу между приступами кашля. Снаружи – движение – шаги – оклик: «Привет, все еще тут?»

Появляется Эду. Он вернулся с передовой с запекшейся грязью, заросший жесткой щетинистой бородой. Он вытягивается поперек моих ног и говорит:

«Приятель, что мы пережили! Блиндаж разрушен. Одним снарядом семидесятого калибра. Нас чуть совсем не завалило, но все целы. Пять раз иван собирался идти в атаку, пять раз была артподготовка, и пять раз его пехота не двигалась с места. Место практически открытое. Приходилось окапывать пулеметы. У тебя не найдется выпить?»

Глава 9.

На прежнем огневом рубеже

Осенью 1942 года на юге уже возникли предпосылки катастрофы. Армия фон Клейста предприняла новую неудачную попытку прорваться на Кавказ из Моздока, оставляя группу армий «Центр» с неприкрытым флангом на протяжении тысячи километров. Тем временем битва за Сталинград, который первоначально рассматривался в качестве легкой добычи, продолжала отвлекать немецкие резервы. Однако в центральном секторе летнее наступление русских сдерживалось, и в сентябре подразделение Пабста вновь оказалось на прежнем рубеже.

Мы разговаривали о том, хорошо ли иметь какую-нибудь внутреннюю опору, когда испытываешь на себе ураганный огонь. Одно, что мы установили, это то, что атеистам приходится при этом труднее, потому что бывают моменты, когда внутренняя сила сопротивления в каждом иссякает. В такого рода ситуациях хорошо, когда у человека находится еще другая сила, которая его поддерживает. Вот почему не следует отнимать у религиозного человека его веру. По этой же

причине молодые люди не всегда самые надежные, хотя ничего нельзя сказать заранее. Уже доказано, что нельзя по-настоящему судить о человеке, если не видел его под обстрелом. Есть люди, которые становятся почти веселыми, у них обостряется чувство юмора в почти критических ситуациях. Эти люди – «соль земли».

Несмотря на вашу сдержанность, читая ваши письма, я замечаю в них скрытую озабоченность. Каково собственно мое отношение к смерти? Люди стараются избегать обсуждения таких вопросов. Смерть всегда тут как тут здесь, ее присутствие настолько явно, что проглядеть ее невозможно. По этой причине мы уже давно определили к ней свое отношение. Некоторые люди панически боятся смерти, лелеют надежду, что она обойдет их стороной. Поэтому их раздирают надежда и страх. Они бледнеют перед лицом опасности. Большинство просто об этом не думает. Они выбрасывают ее из головы. Все будет нормально, думают они; и идут на риск, не избегая опасности сверх того, что предписывает им выполнение долга.

Смерть в бою – неестественная смерть. Это верно, что противоположная теория является фундаментом учения Квинтона. Квинтон был в этом не прав. Отдать свою жизнь во имя своей страны, умереть так, что человечество будет продолжать жить в сознании народа, – это не единственное для нас призвание. Что имеет значение, так это то, чтобы готовность умереть не утратилась, потому что та нация, где люди забыли о смерти, обречена на упадок.

Но верно также и то, что у каждого из нас все равно много надежд, устремлений и желаний; много того, что находится за пределами внезапной

смерти. Мы вынашиваем в себе неродившиеся произведения, которые еще предстоит создать. Это как раз в эти годы, когда все наши таланты, за исключением военного, лежат мертвым грузом, когда нам еще так многое хочется сделать. Завершить дело своей жизни – еще одна обязанность, и не самая маленькая, из тех, которые человек должен выполнить для своей страны.

Так что мне кажется, вовсе не имеется в виду, что мы должны принять смерть как нечто естественное, просто как атрибут естественного хода развития. Это означало бы, что мы заранее устрояемся, что мы не будем руководствоваться никакой другой мыслью, что без этого последнего завершения наша жизнь была бы бесполезна.

Смерть в бою – славное завершение жизни мужчины, но оно не единственное. Потеря для его народа и страны может быть восполнена. Никто не вечен, даже лучшие из нас. Появятся новые поколения, и им передадутся вся наша сила и все способности, постольку, поскольку человек знает, как умирать. Каждый отдельный человек должен продолжать борьбу, осознавая, что реализация его собственных потенциальных возможностей может состояться.

Если рискуешь жизнью, как бы вновь обретая ее каждый день и ценя еще выше, если находишься на волосок от смерти, потому что игра в орлянку с судьбой возбуждает, признаешь смерть естественным завершением своей жизни и даже в смерти находишь удовлетворение, получая наконец в ней облегчение. Если опасная жизнь – только период в жизни и отпечаток ее очарования откладывается на каждом, то смерть в бою – всего лишь один из многих возможных вариантов. Это преждевременный конец; его не принимаешь с безразличием, но его можно

принять хладнокровно. Его можно встретить спокойно и с самообладанием, с достоинством, которое сопутствует осознанному отношению к жизни, и с желанием нанести наибольший урон врагу, как можно дороже продать свою жизнь, исполнить свой суровый долг до конца.

Но не столько мысль о нашей собственной смерти трогает нас, сколько опасение за жизнь тех, кого мы любим. Мы чувствуем уверенность в своей собственной силе и горды тем, что избежали смерти. Чувствуешь себя равным той опасности, которой можешь посмотреть в глаза; даже если она оказывается слишком большой, для того чтобы ей противостоять, а волна темноты, окутывающей наше сознание, обрушится ненадолго. Но как только опасность позади, мы снова окунаемся в жизнь.

В эти лунные ночи прозрачный туман висит среди елей, а серебристая трава скрипит под ногами. Приближается вторая зима нашего пребывания здесь. Уверен, что уроки первой зимы будут учтены нами. Но нам более чем когда-либо понадобятся наше мужество и настойчивость, так же как и сила духа, чтобы жить, не питая иллюзий. Потому что то, что мы делаем, – неблагодарная работа. Нам предстоит выстоять либо пасть. Это – безжалостная война.

25 сентября 1942 года. Все точно так же, как было в прошлом году, когда мы стояли перед населенным пунктом Белый, когда соорудили свое первое убежище в стене и сложили трубу из торфяных кирпичей. С того времени мы кое в чем преуспели: мы вставили одну в другую несколько консервных банок, а также сняли выхлопную трубу с подбитого русского бомбардировщика. Но размеры очага оставались теми же: один штык лопаты в ширину, один в высоту и два в

глубину. Сначала всегда дымит труба. Потом земля подсыхает, дрова начинают потрескивать, и мы предаемся воспоминаниям: «Обратный путь... да... ты помнишь?..»

Сегодня я вернулся на батарею. У входа в землянку сидел Шмук над ведром варящейся картошки. Я взял пару картофелин, очистил их от тонкой кожуры. Они были чудесными и горячими, но я почувствовал это только после того, как перед тем совершил прогулку. Я понял, какое это наслаждение есть картошку. Я был полностью удовлетворен, и мне опять пришло в голову, насколько мы стали ценить маленькие радости.

Я снова исполняю обязанности передового наблюдателя. Я должен был сменить кого-то дальше на правом фланге, и новый приказ застал меня, когда я уже был в пути. Мы совсем мало прошли в ту ночь со своей экипировкой и снаряжением, а шагать было не очень-то легко с грузом за спиной и с еще одним на груди, в резиновых сапогах, как в лапах нырлящиков, по грязи и лужам через этот хилый кустарник, где все время приходится следить за тем, чтобы не потерять верное направление.

Но каждая дорога где-нибудь да кончается. Позицию удерживает баварская часть. Огневой рубеж тянется через голую местность. Узкая и достаточно сухая на холмах линия, но в низинах она заполнена водой, приходится хлюпать по грязной воде.

Пулеметные огневые точки выдвинуты вперед, как маленькие бастионы. Они держат под обстрелом впередилежащую местность, усеянную ложбинами с кустарником. Повсюду – подбитые танки. Такое впечатление, будто наша позиция

была неким волнорезом, укрощающим волну, как выброшенную на берег гигантскую армаду. Здесь, на холме, позиция хорошо оборудована. Есть водоотводные канавы; грязь задерживается, а вода становится достаточно чистой для того, чтобы умываться и мыть котелки. Короткие траншеи ведут к уборным и мусорным ямам. Ход сообщения связывает нас с тылом. Единственная неприятность в том, что из-за высокого уровня воды блиндажи неглубокие. Приходится ходить пригнувшись, укрываясь за выступом траншеи, если хочешь уберечься от пули. В одном окопе – два человека, и один может только переползать через другого. Сидеть прямо невозможно. Ни наверху, ни внизу, пи даже по бокам нет ни метра свободного пространства. Каждое движение становится целой процедурой.

Пол устлан соломой. Вот и все, что у нас есть помимо узкой полки, где мы складываем свой провиант, а также ниши для телефона. Я переместил планшет и бинокль за спину; все остальное – спереди. Холодно. Мы поместили свечку между двумя консервными банками из-под сельди, чтобы подогреть в кружке чай. Когда ложимся спать, мы натягиваем на голову одеяло и согреваем друг друга.

Я обошел позицию. Светило солнце. В укромном уголке первый пулеметный расчет занимался тем, что ловил вшей и соскребал ножом грязь с шинелей. Время от времени стрелял миномет. Один из солдат попал под снаряд. Из крови стала образовываться темная лужа, а он лежал и стонал. Его товарищи держали ему голову, осторожно поднося к его губам кружку. Один из них говорил с раненым так, как мать говорит со своим ребенком: «Попей – тебе полегчает, не беспокойся – за тобой сейчас придут – сразу же придут, Альфред, моментально». В сумерках

я стоял в траншее, проверяя радиосвязь. Что-то было не в порядке. Я покрутил настройку немного и вдруг поймал на коротких волнах германскую радиостанцию. Комвзвода проходил мимо, и мы дали ему послушать. Оперетта. Как странно было ее слышать...

Едва только стемнело, мы начали строить новую землянку. Медленно всходила луна. Ломкая трава хрустела под ногами. Оружие заиндевело. Во время паузы я прогулялся к фельдфебелю Рату, выполнявшему обязанности передового наблюдателя справа от меня. Он только что вернулся из отпуска, и мне хотелось узнать, стоит ли еще Франкфурт на своем месте. Я также хотел услышать рассказ о том, как он чуть было не приземлился в лагере противника несколько дней назад.

«Это было довольно просто, – сказал он мне. – Вот я уже приближался, двигаясь вдоль линии редкого кустарника. Но попал не на нужную мне линию, а на ту, которая идет через болотистую низину и оканчивается в районе боевых действий. Там не было траншеи, и я не видел никакого болота, но видел несколько блиндажей. Я уже шел к своему собственному, когда кто-то меня окликнул. Я не смог понять, что мне сказали, голос звучал как-то смешно. Я сказал: «В чем дело?» А он сказал: «Бради, бради». Черт, подумал я, «брат, брат»? Это что-то не то. Я быстро развернулся. В десяти метрах от меня кто-то из продовольственного фургона спросил меня: «Прикажете двигаться дальше?» Ну что ты скажешь... Когда мы были уже метрах в пятидесяти от этого места, я сказал своим людям: «Вы, глупые болваны, не видели, что ли, что это были русские?» Иван не сделал ни одного выстрела; это было невероятно. Но потом

они растревожили нашу собственную траншею, и пара пулеметов открыла огонь. Я бросился на землю и продолжал звать до тех пор, пока кто-то не крикнул: «Эй!» Наконец мы добрались до траншеи, но какое-то время они, негодники, не хотели верить, что мы немцы».

Я стоял у первого пулемета, в ожидании артподготовки, которая должна предшествовать нашей атаке. Операция началась минута в минуту. Вскоре после этого появилась эскадрилья пикирующих бомбардировщиков. Земля покрылась взрывами снарядов всех калибров; темный серо-белый дым поднимался темно-лиловым облаком, медленно уплывая в западном направлении.

Прямо напротив солнца поднялись грибообразные облака от следующих разрывов. Один за другим они поднимались, принимая причудливые очертания – то в виде капустного стебля, то в виде кончиков струй, то – сжатого кулака. Все время пикирующие бомбардировщики ныряли в дым, и через окуляры видны были огромные комья земли, взлетающие в воздух. Огневой вал устремился вперед к тыловым районам противника.

Сначала видно было отдельных людей, а затем группы отступающих назад. Но были еще желтые вспышки, вырывающиеся из стволов танковых орудий, и вновь и вновь облако на востоке, которое свидетельствовало о том, что ведется настильный ракетный огонь. Наши батареи отвечали интенсивным заградительным огнем. К вечеру мы достигли цели, и неприятель явно сник.

Моя смена прибыла с парой повозок, груженных бревнами. Было так спокойно, что мы могли доехать прямо до землянки. Все поздоровались за руку. Подпорки и доски были свалены быстро и спокойно, и скоро повозки опять

удалились и растаяли, как привидения, в лунном свете. В четыре мы повесили плащ-палатку перед входом и зажгли первый огонь в печке. В 4.30 поплелись обратно, еле передвигая отяжелевшие ноги, смертельно уставшие.

2 октября 1942 года. Передовой наблюдатель доложил о двух попаданиях из тяжелых минометов. Блиндаж так сильно поврежден, что им уже нельзя пользоваться. Жертв нет. Вся наша работа пошла насмарку. Ладно, построим новую землянку.

Вечер. В будущем месяце мне предстоит жить в этом блиндаже одному. То есть когда я опять вернусь на батарею. Я рад. Я так счастлив, когда в одиночестве. Этим утром Эду разбудил меня просто потому, что хотел поболтать, а я был таким уставшим. Вечером парии подсаживаются, чтобы рассказать о своих проблемах. Иногда мне тактично приходится избавляться от них. У меня так много дел, а когда работы немного, иногда хочется почитать книгу. Нельзя же все время отдавать разговорам. Я хочу самому себе сделать бутерброд из хлеба с маргарином и поразмышлять. Большинство людей, кажется, не разделяют со мной эту потребность побыть одному, но одиночество никогда не было мне в тягость.

В любом случае я фактически не бываю одинок. Есть печка, которая поет на свой лад. А наверху среди досок живет мышь. Они – мои друзья, с которыми я разговариваю.

Сегодня закончено возведение нового блиндажа передового наблюдательного поста, уже готового к заселению, что, вероятно, подтверждает новость о неизбежном продвижении, с которой прибыла смена, доставившая последний груз досок для второго настила крыши.

Мы умудрились мирно провести последние три дня. Ничего особенного не происходило. Пожалуй, мы даже и запаха пороха не ощущали. Как бы то ни было, наша траншея глубока. Что касается типов, подползающих ночью с автоматами, и горизонтального пулеметного огня, то это все – «комариные укусы». Мы к ним привыкли и почти не слышим. Легкая противотанковая пушка русских разбила вдребезги одну из наших пулеметных огневых позиций, и траншею обдало землей, выбитой из бруствера. Но, поскольку сам пулемет находится там только ночью, мы посмеялись. Жаль, что я был в соседнем секторе, пристреливая цель по дальности, а то бы я ему показал, этому маленькому выскочке. Однако на следующий день я открыл по ней интенсивный огонь, и она замолкла. Тут не требовалось большого артиллерийского искусства; мы находились на расстоянии всего в четыреста метров друг от друга. Но это был впечатляющий момент, потому что русские видели меня, и я доставил им много хлопот. К счастью, мне уже была отдана команда для стрельбы, и в оставшуюся часть дня они уже больше не обнаруживали никаких признаков своего присутствия.

Попасть в эти противотанковые пушки трудно. Они все время меняют позицию. Выдвигаются вперед, производят несколько выстрелов и исчезают, прежде чем успеваешь опомниться. Если не находишься на месте, получив команду открыть огонь, то не успеешь поразить их.

Я шагаю вдоль линии полевых укреплений в приятной компании наших бородатых бойцов. У некоторых и в самом деле отросли бороды, длинные бороды, которые сделают честь и подводнику. Они неугомонны. «Вы только посмотрите, кто тут, наш артиллерийский рекогносцировщик. Иди сюда, мой

мальчик, я тебе покажу кое-что. Это то место, где тебе предстоит подавить огневую точку, как раз вон там. А в следующий раз, парень, если не факт, что тебе придется произвести туда для меня двадцать выстрелов, я приду и сам растоплю печку, чтобы обогреть твою землянку». – «Давай, давай немного прищемим хвост старому ивану; у меня есть снайперская винтовка...» Мы залегли бок о бок, один с биноклем, другой глядя в оптический прицел...

Рано утром я шел по траншее и наткнулся на часового – маленького человека с круглым лицом под стальной каской. Он стоял там один, съезжившись от холода, переминаясь с ноги на ногу. Какой-то человек выскочил из блиндажа, высокий, худощавый парень с рыжей бородой. Они дружелюбно поприветствовали друг друга.

«Не осталось сигаретки, старина?» – спросил низкорослый. «Конечно, найдется, – сказал долговязый улыбаясь. – Подожди, секунду, я принесу».

«Знаешь, – сказал часовой, когда тот удалился (и чувствовалось, что ему с самого начала хотелось сказать это), – мы большие друзья, нас водой не разольешь». Его круглое лицо светилось, и он был счастлив, что я стою здесь, чтобы порадоваться этому великому и прекрасному человеческому чувству. Высокий вернулся, и оба они прислонились к стенке траншеи, затягиваясь поочередно сигаретой. «Смотри-ка, – подумал я, – в этом уже нет ничего необычного, что один человек идет в огонь ради другого, это так просто и само собой разумеется».

Обратно я ехал в полной темноте. Дождь хлестал в лицо. Когда мы не были уверены, по той ли дороге едем, лошади находили дорогу сами. Я нашел свою

одинокую землянку, в которой обнаружил почту и штабель дров, оставленные товарищем.

Последний вечер в блиндаже на старой артиллерийской огневой позиции. Мои товарищи читают, я пишу. Жаркая печка накалилась докрасна. Есть запас шнапса; в котелке – вода из ближайшей лужи, мы хотим сделать грог. Мне нужно только слегка нагнуться, чтобы взять лежащие между ног поленья. Все под рукой, не нужно вставать с места. Мышь подняла возню среди досок, грызет их, и вниз летят опилки. Иногда я беру щепку и тычу ею в дыры, тогда на некоторое время становится тихо. Это почти единственное, что нарушает наш покой.

Ничто уже больше не взбудоражит нас. Я говорю это не для бравады, а рассуждая спокойно и здраво, с некой индифферентностью.

Будь что будет – вряд ли это превзойдет то, что мы уже пережили. Когда я думаю об этом, мне почти хочется сказать – враг уже больше не способен предпринять такие штурмы. То, что доставляло нам беспокойство прошлой зимой, было не русской пехотой, а специальными сибирскими отрядами. Теперь мы на основании приобретенного здесь опыта можем сказать: таких отрядов у противника уже больше нет. Каждый штурм ему приходится предварять интенсивной артиллерийской подготовкой и широко использовать бронетехнику, если хочет иметь шанс на успех. Даже при этом его пехоте не удастся продвигаться вперед. А то, чего он не смог достичь до сих пор, не достигнет и в наступающую зиму. Вероятно, он может прорваться тут и там, но не сможет закрепить успех. Для нас это только дело терпения, стойкости и упорства – ни одно из этих качеств не является ни выдающимся, ни таким, о котором можно

много шуметь, но каждое из них требует от человека в конечном счете больше, чем требует любая атака.

Атака вдохновляет, она порождает отчаянного бойца. Оборона не столь прославлена, но делает вас стойким. Труднее лежать под огнем, ожидая атаки, чем прорываться через огненную завесу и выбивать противника. Атакующий опьянен возбуждением, он не чувствует опасности. Именно он определяет ход действий. Обороняющемуся приходится ждать, он не знает, с чем ему придется столкнуться. Его сопротивление может быть ожесточенным, но в нем нет энтузиазма.

Весь день идет дождь. Шел дождь, когда нас свистком подняли из постелей в четыре часа утра. Шел дождь, когда орудия были сняты с передка. И когда мы последовали за отделением артиллерийского расчета и командой сигнальщиков. Мы обогнали батарею и вышли вперед, чтобы занять новую позицию.

Сейчас 20.00. Орудия еще не прибыли, но Дождь продолжается. Я стоял на заднем сиденье передвижной радиостанции, держа больную ногу на весу и глядя на своих товарищей, намокшая одежда которых плотно прилипла к телу. Дождь со снегом били в лицо, и ледяной ветер задувал в их мокрые плащ-палатки. Возницы сидели на высоких сиденьях своих повозок с окоченевшими руками и недовольными лицами; их головы клонились набок. Так они ехали по ужасной грязи, пробиваясь со своими повозками через воду и болото, проваливаясь словно неуклюжие, тяжело груженные суда, трясясь и качаясь на рытвинах и ямах «автострады». Поверхность досок иногда показывалась из глубины грязи, а дренажные каналы были переполнены.

В самых худших местах лежащего в низине болота сверху был положен второй слой фашин, как пластырь. Несмотря на крепления, он был такой упругий и полон выпуклостей, что душа вырывалась из тела, и все время приходилось прилагать усилия, чтобы не вывалиться за борт. Вот что такое «автострада», прямая, с четкими краями дорога, плод тяжелого и немалого труда, в отличие от других дорог, которые подобны стремительным потокам. Но иногда даже «автострада» выходит из своих границ. Это происходит на спусках, где повозки отклоняются в стороны и возницам приходится проверять, попадут ли они на безопасное место без повреждений.

На таком уклоне легкая гаубица приблизилась к нам сзади на крутом повороте. Она нагнала нас в самом низу, у длинной полосы воды, которую нужно было преодолевать на скорости. Это было зрелище мобилизации сил, когда три человека и шесть лошадей преодолевали препятствие. Я видел ведущего всадника в седле, на крестьянском лице этого парнишки поймал такое же выражение, какое бывает, когда упряжка преодолевает поле. Была та же любовь, то же спокойное терпение, с которым поколения крестьян прокладывали борозду в снег и дождь, при солнце и ветре – прямо, дисциплинированно, неуклонно. Он говорил тем же языком, каким его предки говорили со своими домашними животными, он упирался в поясницу теми же крестьянскими кулаками и демонстрировал ту же невозмутимость, терпя голод и жажду и всяческие невзгоды. Только это – другой плуг и другие семена, которые эти молодые крестьяне в стальных касках сеют в будущее.

Блиндаж почти девяти метров в глубину. Попадаешь в него через узкие

проходы по крутым ступенькам. У них до шести слоев бревен на потолке, они вместительны внутри. Видно, что не экономили ни на материалах, ни на вложенном в дело труде. Наш собственный – самый маленький, и нас в нем только четверо. Это блокгауз, который был разбит вдребезги и потихоньку восстановлен. В нем три слоя бревен после слоя земли, глубокая шахта вниз до окна, деревянный пол. Койки и стены сделаны из легкого гладкого дерева. Они радуют глаз. Полка, стол, стулья и табуретки завершают обстановку.

Орудия расположены в огородах между рядами домов. Их гром раздается между руин и развалин ветхих лачуг. Маскировка от атак с воздуха не представляет проблемы; нас трудно обнаружить. У нас неплохие запасы. Если нас вынудят оставаться в этих землянках, мы вполне выдержим вторую зиму.

Сапожник соорудил нам вчера печку. Колесный мастер помогал ему. Вам следовало бы на них посмотреть, двух товарищей. Сапожник с такой любовью делал свою работу, что его было не оторвать. Он измерял и клал каждый кирпич, объяснял все, замазывая глиной щели. Его грубые руки нежно сглаживали острые края, а он приговаривал «вот», «вот» и «так», «так» с каждым уложенным на место кирпичом, как будто творил заклинание. Он постарался на славу. Это было видно. Нормально ли будет так? Достаточно ли она широка и высока? Да? Он положил лист железа под низ, так будет лучше. Годится ли дверца? А печная труба? Его лицо со щеками как два яблока, с детскими глазами склонилось с живостью над отверстием, которое стало выглядеть солидно среди кирпичей и глины. Марусе пришлось звать его три раза, прежде чем он пришел обедать.

А потом дымоход. Это совсем не просто. Это пришлось как следует

обсудить. Оба они совсем разгорячились в споре: сапожник со своим высоким голосом и беззубый колесный мастер с ворчливым басом. Но они оба пыхтели, вынимая землю и прорывая ход для трубы.

У нас есть маленькая сковорода с ручкой. Там все оборудование для дополнительной кухни в землянке. В других случаях Дола и Маруся приносят нам вареную картошку и ставят ее в тазу на стол, что намного проще. Их мать сегодня утром мыла блиндаж. Она стала выполнять грязную работу по своей воле; хотите – верьте, хотите – нет, она даже не забыла протереть ножки стульев. Не то чтобы вся грязь с ножек исчезла, – она въелась основательно. Но вполне возможно, что к тому времени, как наступит Рождество, она поддастся повторным атакам.

Закончив, она спросила, не желали бы мы, чтобы была постелена скатерть, и с гордостью достала кусок обоев. Они, конечно, красивы. Они уже не совсем новые, но изнанка все еще белая. Я смахнул засохшего клопа. Теперь скатерть безупречна.

Тем временем истопили баню. Она в середине огневой позиции, в сорока шагах от нашей землянки. Я ходил туда, хромя, некоторое время назад. Это действительно всего лишь прачечная, но она очень теплая и светлая. Вода кипит в паровом котле, и подходящая камера дезинфекции скоро освободит нас от наших маленьких «партизан».

Россия как-никак – чистая страна. Очень чистая! У двери я увидел двух женщин, каждая из них несла пару ведер на деревянном коромысле. Они дружелюбно спросили: «Товарищ мыться?» Они собирались последовать за мной просто так.

Это напоминает мне историю о путешественнике в России: «Россия – самая чистая страна в мире. Вы прибываете на московский вокзал, и сразу подходит девушка и спрашивает: «Не желаете ли помыться, господин?» Если говорите «да», то они бывают с вами очень милы. Они моют вам спину и трут вам грудь; а когда вы выходите оттуда, еще одна стоит в ожидании: «Помыться, господин?» Поистине, Россия – самая чистая страна в мире». Но мы отклонили предложение: «германский нихтс культура».

Спокойные октябрьские дни. Очень часто идет дождь, но теперь дни наполнены слабым солнечным светом и дыханием бабьего лета. Ночью, когда луна поднимается над продолговатой грядой облаков, ее свет отражается влажными стенами руин и наклонных крыш. Шум слышен издалека, и, когда стоишь ночью у темных стволов орудий, кажется, можешь коснуться фронта обеими руками. И все же его шум почти не нарушает тишины в моей землянке, в которой я обитаю, теперь большей частью в одиночестве. Другие в отпуске либо за Волгой. В настоящее время проводится много строительных работ.

Как много значит для меня это одиночество! Я могу расположиться на всем столе с книгами и письменными принадлежностями. Я могу передвигаться, как мне заблагорассудится, не обсуждая ни с кем свои передвижения. Мне нет необходимости демонстрировать вежливость, мне не нужно никого выслушивать или затыкать уши, чтобы не слышать разговоров. Какое блаженство! Мне так нравится быть одному. Я не могу достаточно глубоко уйти в себя. Этого спокойствия не бывает слишком много.

Я говорю себе: мне только нужно взять себя в руки и найти несколько

добрых слов, и я смогу сделать кого-нибудь счастливым. Я могу дать кое-что более ценное, чем что бы то ни было в такие времена, – немного любви и тепла. Вот все, что нужно, ведь всем нам приходится нелегко и потому иногда так необходимо почувствовать прикосновение руки.

Мы живем благодаря любви. Несколько добрых слов иногда даются с трудом. С трудом потому, что слова – слабое утешение, когда мы уже не знаем, что делать; с трудом потому, что мы не можем избавить вас от беспокойства за нас. Сомнение и беспокойство сквозят в каждом письме, независимо от того, насколько оно оптимистично. Я чувствую, что они все возрастают.

Но что я могу поделать? Я только могу вытянуть свои руки и еще раз сказать: смотрите, вот он я, я улыбаюсь, и я – совсем рядом с вами. Вы чувствуете мою уверенность? Даже если мой голос не тот, что несколько дней назад, я все еще живу для вас в этот миг, так же как вы живете для меня. Я все еще тут, мама, совсем близко от тебя, ты это почувствуешь, если замрешь на мгновение. Разве ты этого не чувствуешь?

Маруся принесла письмо. Это немного странно, когда начинаешь думать об этом на артиллерийской позиции. Маленькая девочка была любопытна. Мне пришлось открывать его сразу. Но при том, что оно было напечатано на машинке, – она совершенно не могла понять, что в нем написано. Все в Германии делается на машинах. «Смешная страна. Разве твой отец не умеет писать?» Я так смеялся. Как мне это было объяснить? Мое знание русского языка все еще оставляет желать лучшего. Я сижу и потею над русским алфавитом и этими ужасными шипящими звуками – «ш», и «ч», и «щ». Иногда она садится рядом со

мной, и я становлюсь учеником.

Я пошел прогуляться в это чудесное октябрьское утро. Совсем немного прогуляться. Я был как выздоравливающий больной, не преследуя никакой другой цели, кроме того, что хотел наблюдать и впитывать и наслаждаться самим своим пребыванием тут. Я брел через окраины и по разбитой улице к Волге, берег которой усеян блиндажами и за которой линия фронта уже не так далеко. Мне повстречалась женщина с коромыслом, несущая ведра, в которых они носят воду с реки. Здесь всего несколько колодцев. Раньше у них были бочка, лошадь и телега. Теперь они таскают воду в ведрах и кладут на поверхность воды капустный лист, чтобы вода не расплескалась. Водопровода тут, конечно, нет. Чуть было не забыл об этом сказать. Это совершенно дикая идея; только иностранец о таком может подумать.

В одном месте солдаты сносили дом. Крыша обрушилась, и замшелая кровельная черепица соскользнула на землю. Поднялись клубы пыли, обрушились стропила. Это была быстрая работа. Но немногое оставалось от дома еще до того, как они начали. Фронт был прорван, и фрагменты каркаса висели, качаясь на ветру. Уцелела лишь голландская печь во всем своем белом великолепии. Теперь она стоит, холодная и одинокая, под открытым небом.

Как же изменился город, когда на него наступил фронт! Какой совершенно иной ландшафт он собой представляет! Балки, доски, булыжники и провода, брошенные предметы домашней утвари, воронки и траншеи. Идешь через него с опаской. Он как привидение, даже при солнечном свете. Жизнь опять забилась в норы и погреба, в подвалы, окна которых заколочены деревянными досками и

листами железа.

Иногда видны остатки оконного стекла, позволяющего скудным лучам света проникать в затхлый полумрак. И все-таки они держатся, старики, женщины и дети. Они – сильные. Робкие, измученные, добродушные, беззастенчивые – по обстоятельствам. Старик отступает в сторону, бормоча, дотрагиваясь до шапки с потупленным взором: проход через грязь на дороге – узок. Маленькая девочка идет к реке, платок на ее голове алеет, как мак.

Старик обвязывает свою шапку соломой, потому что скоро будет холодно. Как просто! Несколько досок, одно или два бревна, и внешняя степа готова. Между ними укладывается солома. Он волочет ее в своем рваном мешке, бог знает откуда взятом.

Зимой сооружаешь вторую печь, а с наступлением лета опять разбираешь ее. Если нет двери, берешь дерево и топор. Делаешь им все, стыки и все остальное, и все выдерживает. Не нужно гвоздей или кирпичей, нужен только топор и дерево. Это поразительное мастерство существует бок о бок с тем, что осталось от заводов. Надо всем этим возвышаются зеленые купола и стройные шпили церквей, белые, сверкающие, забытые, поломанные. Как все это совместить? Малокультурные, сумбурные, непостижимые люди.

Есть старик в очках с металлической оправой и с ухоженной бородой. В его чистой комнате весело блестит самовар. Есть моя прачка, проводившая своего старшего сына в Германию, и теперь ей приходится кормить только его младшего брата. Она не отрывается от своего белья, пока не выгладит его. Она заштопала мои портянки и пару кальсон, хотя об этом я даже ее не просил. Маленький

мальчик – скромн и дружелюбен. Потом есть мальчик, похоронивший свою мать в саду за домом, так, как хоронят животных. Он утрамбовал землю, не проронив ни слова: без слез, не поставив ни креста, ни камня. Есть жена священника, почти ослепшая от слез. Ее мужа депортировали в Казахстан. У нее есть три сына, которые неизвестно где теперь. Один Бог знает. На их фотографиях – интеллигентные лица.

Где ключ ко всему этому? Это не просто вопрос установления здесь порядка. Мир рухнул, и естественный порядок вещей был нарушен очень давно.

Глава 10.

К северу от Волги

Мы шли вниз к реке, перешли через нее по плоскому деревянному мосту и продолжали идти некоторое время по дороге на другом берегу. Затем мы пошли по тропе по крутому склону. Мы остановились и оглянулись назад. Моросил Дождь. От железного моста в центре города Калинина осталась только одна арка. Вторая была заменена деревянной конструкцией со множеством опор. Вверху по течению – преграда из бревен, чтобы оградить мост от плавающих мин. Здесь Волга еще мелкая и не очень широкая – примерно такая же, как Майн у Бамберга. По обеим сторонам к берегам приткнулись землянки. Тут были зияющие туннели, как входы в шахты, проходы и ступеньки, соединяющие маленькие орудийные платформы и зенитные орудия на вершинах холмов и выступах.

Тут и там всюду рыли и копали. Шум артиллерийской пальбы звучал и

отдавался эхом по всей долине. Выстрелы доносились откуда-то из лабиринта улиц и развалин, которые давали возможность защитникам этого города устраивать многочисленные засады. Мы продолжали движение.

Там была вымершая площадь, а за ней – церковь с разрушенным куполом, от которой улица уходила в сторону противника.

Все как будто вымерло. Даже не встретишь голодной кошки за кучами камней. Руины возвышались над грудями выбитых камней, каркасы домов с зияющими пустотами окон, подобие крыши. Разрушения не поддаются описанию. Все разворочено, разбито и превращено в пыль, сровнено с землей, искорежено, разбросано в разные стороны, с воронками на воронке – как все это описать? Земля усеяна гильзами от снарядов, валяются респираторы, обломки; провода связи и проволока, гофрированное железо, столбы.

Наклонившиеся столбы и оборванное проволочное ограждение перегородили дорогу. Где-то за углом в ожидании замерли танки, готовые вырваться из засады, когда они понадобятся. Где-то еще толпа людей тянулась к опорному пункту глубоко в земле мимо Красного Креста. Где-то еще наша замаскированная тропа тянулась вперед через развороченные сады.

Мы проскользнули через узкий лаз в ряд уцелевших комнат дома, которые пока что не продувались ветром. Бетонный потолок провис под тяжестью обломков. Часть подвала разделена двойными стенами. Две двери захлопнулись за нами, и мы оказались в нашей берлоге. Каким же комфортным может быть погреб! Третья кровать стояла напротив стены, под картой Европы, школьной картой, охватывающей территорию от Испании до Уральских гор. Я видел тебя

прежде, думал я; мне знакомы эти зеленые низменности, коричневые – от более светлых к более темным – тона для обозначения гор, голубые ленты рек. Ты выглядишь поразительно похожей на школьные карты издательства «Мессере. Юстус Пертес» города Гота. Давно забытые дни напомнили о себе.

В подвалах и убежищах между стенами есть коридоры. Есть ходы, через которые можно проскользнуть наружу и пройти мимо развалин к следующему входу. Несколько лестниц поднимаются вверх, как трубы в каркасах внешних стен. Если взобраться по одной из них, то с каждого пролета открывается все более впечатляющий вид на зияющую пропасть. Тут и там над провалом все еще висит батарея отопления, и больше ничего не напоминает о том, что тут когда-то жили люди. Иногда руины выглядят настолько хрупкими, что боишься кашлянуть, чтобы не вызвать обвал. Вот в каком месте мы действуем.

В сумерках я прошел несколько сот метров к флангу, чтобы восстановить связь. Я провалился в глубокую яму, и пришлось карабкаться из нее по скользкой стенке. Пробирался обратно в чернильной темноте ночи, поливаемый дождем, и не стану спорить, что это было нелегко. Я падал в воронки, оступался в канавы, запутывался в проволоке и в ограждениях. На пути попадались шаткие булыжники и хлюпающая грязь, я наталкивался на трудные препятствия и наступал на предательские обручи.

Единственный раз, когда мне был виден след, – это когда все осветила вспышка; это была всего лишь полоса земли между воронками, но я прыгнул вперед.

Наконец я вновь обнаружил убежище, едва различимый свет из

заколоченного досками окна – и это была наша «берлога». Теперь она кажется вдвойне уютной. Печка гудит и ворчит. Искры поднимаются в трубу. Мы приготовили в ведре чай и поджарили картошку на найденной сковороде. Кто свернул себе сигарку, а кто с удовольствием зажал в зубах трубку. Чего еще можно желать?

Я принял командование отделением артиллерийской связи, и штаб батареи дал мне в помощники старого Франца Вольфа в качестве радиооператора. Ярко светило солнце, когда мы отправились в укрытие, в котором я в последнее время находился в качестве передового наблюдателя.

Снег накрыл пустынную местность, превратив воронки в мягкие впадины, в которые можно провалиться по грудь. Вечером луна повисла над мглой, окутавшей суровый пейзаж; застрочили пулеметы, дав несколько очередей. Несколько вспышек, и в секторе все успокоилось.

Прошлой ночью температура упала от тридцати трех градусов по Фаренгейту до минус двух. Мы сидим за двойными дверьми своей землянки на склоне. Стеганое одеяло повешено между двумя дверьми. Кирпичная печь – высотой в человеческий рост. И когда она протоплена как следует, у Франца на верхней лежанке выступает пот. Мы только подбрасываем дров в нее утром и вечером, затем труба закрывается с внешней стороны жестью и сооружение из кирпича и глины час за часом отдает тепло.

Я шел вдоль хода сообщения, который уходит через нашу позицию вперед. Он сделан на совесть. Можно идти во весь рост, но тут и там – знаки, предупреждающие о снайперах. Они поочередно занимают свою позицию в

ожидании жертвы. Там, где ход сообщения переходит в стрелковую траншею, тоже можно быть спокойным. Но роты получают довольствие днем, часовые ведут наблюдение через траншейные перископы, а пулеметные огневые точки замаскированы снежным валом, который может быть опрокинут в любое время.

У каждого на линии фронта – новое зимнее обмундирование. Это типичная для немцев забота о том, чтобы были сменные брюки и куртка защитного серого или белого цвета. В них так много карманов, шнурков и пуговиц, что требуется некоторое время, чтобы достать что-нибудь. В комплект входят меховые ботинки, муфты, шерстяные шлемы и капюшоны. Теперь мы от всего защищены.

Приближается середина дня. Часовые стоят у бруствера или молча всматриваются в бурлящую белую ничейную землю, в эту измордованную, таящую в себе опасность, опутанную проволокой, минными полями полосу земли, отличительные особенности которой получили наименования по оставшимся на ней подбитым танкам.

Некоторое время назад в траншее появилась группа людей. Шедший впереди остановился у первого часового. На нем была зимняя униформа, как у всех прочих. Его лицо было прикрыто шерстяной шапкой и стальной каской. «Вероятно, вы меня не знаете, – сказал он, – я ваш генерал». Часовой лихо встал по стойке «смирно» и доложил, что все в порядке. «Прекрасно, мой мальчик», – сказал генерал и достал из кармана шоколад. У него, должно быть, был солидный запас, потому что никто из тех, кто попадался ему в траншее, не ушел с пустыми руками. «Генерал что надо», – говорят солдаты.

5 ноября 1942 года. Ночь выдалась спокойной. Лед скрипел на дорожных

колеях. Лейтенант Мак и я собирались в отпуск. Мы шли по молчаливому городу. До свидания, Калинин. Мы еще раз бросили взгляд на его панораму, последняя церковь поблескивала в лунном свете, а в просвете мы видели отблески Волги. Затем пропали из виду последние хибары, и перед нами широко раскинулся сельский пейзаж. Наши слова, наше дыхание, срываясь с губ, уносились ветром – этим извечным дыханием русской равнины.

В пять часов мы стояли на железнодорожных путях у станции, обозначенной всего лишь несколькими вагонами, застрявшими в ходе войны. Небольшая группа пехотинцев сновала взад-вперед. Было очень холодно. Наконец появилась струйка дыма, поднимаясь все выше в небо, и вскоре приблизилась. Прибыл служебный поезд – пара пассажирских вагонов, несколько хороших товарных платформ, пыхтящий паровоз. Мы поднялись, и другие потеснились. Не было ни длинных разговоров, ни признаков расслабления. Дважды рвались снаряды поблизости от путей, и один из осколков угодил в вагон. Люди в нем даже почти не пошевелились. В Вязьме мы пересели на поезд с отпускниками. В Смоленске наше путешествие прервалось: ночь и кружащийся снег, ледяной ветер; молчаливые, торопящиеся фигуры с громоздким багажом; тусклый электрический свет и неприятный запах переполненных казарм.

Мы пошли в город. Посетили парикмахерскую, передвижную книжную лавку, кинотеатр и столовую. Потом была новая комната отдыха с добротными большими столами и солидными креслами. Была и музыка; было приятно и тепло. На столах стояли хризантемы. Что-то внутри нас постепенно оттаяло, и стало непривычно легко на сердце. Робко прорастало маленькое счастье. Мы повели

разговор.

Опять ночь, снова поезд, винтовки сложены у дверей, часовые – по концам коридора, две печки в каждом вагоне. От одного парового отопления не согреться. Я примостился на полу позади печки. Пока лежал там в полудреме, почувствовал, как несколько человек осторожно подвинули мои ноги так, чтобы ботинки не касались огня. Я и понятия не имел, сколько людей перешагнуло через меня в ту ночь.

Витебск – Динабург, утро и середина дня. Медленно менялся пейзаж. Все больше возделанных земель, степи и кустарниковые заросли отступили, а горизонт обрамлен приятными холмами и лесами. И опять стада крупного рогатого скота: какой чудный признак мирной жизни! Литва несет с собой первое дыхание отчего дома – остроконечная церковь, чистые улицы, большие добротные дома.

Была суббота. Паровая сауна среди лугов и маленьких садов. Когда поезд вышел из Динабурга, кто-то запел: «На родине, на родине, нас встреча ждет». («In der Heimat, in der Heimat, da gibts Wiederseh'n».) Это было как прорыв дамбы.

Есть так много шуток о солдате в отпуске, который вернулся из России, по поводу того, как он дивится цивилизации. Это и в самом деле так. Когда возвращаешься с Востока, то находишь нашу цивилизацию настолько развитой, настолько безотказно функционирующей, что поначалу она напоминает странный механизм. Поразительно, как цивилизованная жизнь защищена от невзгод, сколько комфорта нам требуется, что в порядке вещей.

Те, кто возвращается, знают, что ничто не существует само по себе, и все же

переход легок, потому что мы настолько дети своей эпохи, что не представляем себе, как можно не воспользоваться этими благами. С другой стороны, за такое короткое время мы не успеваем забыть, что то, что мы делаем, – необычно. Отпуск подойдет к концу, мы не сможем избавиться от мыслей о своих товарищах. И таким образом, все это имеет странный привкус. По этой причине я не испытываю затруднений при возвращении.

Тем, кого мы оставили, – тяжелее. Для них начнется томительное ожидание, состояние беспомощности, неопределенности, которая обостряет их представление об опасности. Они не встречаются с ней лицом к лицу. Опасность узнаешь только тогда, когда она тебе угрожает. Причина, по которой у солдат проявляется самообладание, состоит в том, что они могут смотреть в лицо опасности и соизмерять ее.

Таким образом, солдат находится в ином положении, чем женщины и отцы, которых я видел по утрам в ожидании почты. Иногда они находили себе незатейливую работу в садике перед домом, потому что не хотели выдавать своего беспокойства. Но что касается меня, то я возвращался на фронт еще более хладнокровным и уверенным в себе. Фронтная жизнь выглядит чистой и прямолинейной. Разве у меня могут быть сожаления об этом? Это не подлежит обсуждению. Мы заняли свои позиции, а разговоры лишь выдают наше местонахождение. Здесь солдатское решение тоже не хитрое. Как сказал однажды некто из Восточной Пруссии: «Куда бы вас ни занесло, вам придется с этим примириться. Только так и следует поступать».

Пабст вернулся из отпуска и обнаружил, что ситуация кардинальным

образом изменилась. Пока он отсутствовал, Красная армия развернула зимнее контрнаступление, выбив немцев из Калинина во второй и последний раз. Дивизия откатилась назад к Ржеву, к юго-востоку на сто километров.

4 декабря я прибыл в П. Последний этап своего путешествия я завершал на санях. Снежный покров местами был невелик, и виднелись желто-коричневые проплешины жнивья. В целом это было печальное зрелище, грустный ландшафт, на фоне которого маячила водонапорная башня. Но зато у нас были новые крытые сани с добрыми рысаками и сохраняющим тепло дугообразным фанерным тентом, который можно было закрывать снежными блоками и использовать в качестве мобильной боевой единицы. Блиндажи повсюду выглядели вполне надежными.

Калинин был оставлен 15 декабря. Не может идти речи о том, что его оставляли из стратегических соображений. Необходимость в этом была гораздо более важной. Нам приходилось отступить перед вражеским штурмом. Дивизия, в секторе которой произошел прорыв, тем временем была расформирована. Оставшихся из ее бойцов распределили по другим дивизиям. Отход происходил в установленном порядке, но он означал уничтожение складов обмундирования и продовольствия, хирургического оборудования и другого медицинского имущества. Вывозили раненых.

Замешательство в первые дни отступления, должно быть, было полным. Наша часть три раза в течение одной ночи теряла направление движения. Застрявший транспорт уничтожался, большей частью со всем грузом. У нашего дивизионного узла связи осталось только 25 процентов грузового транспорта. Я

снова нашел свою часть 25 декабря, примерно в семидесяти пяти километрах к югу от Калинина. Они заняли там позиции три дня назад. Нужно было удерживать здесь линию обороны.

Противник развивал наступление сибирскими лыжными батальонами и казачьими эскадронами, так что пехота ни при каких обстоятельствах не могла выйти из боя. Но противник не нашел никакого приличного пристанища; мы все сожгли. И все равно 29 декабря наш сектор бомбардировали не только минометы и легкая артиллерия; они подтянули и «катюши».

В то время Франц был на посту в качестве артиллерийского наблюдателя далеко впереди в деревне. Неприятель четырнадцать раз атаковал деревню в ночь на 30-е. Теперь уже было не до сна. У 3. были отморожены ступни. 31-го наш новый командир полка пришел в деревню и сказал: «Ну, парни, стройте себе блиндажи, подтягивайте взрывчатку и окапывайтесь...»

Спустя четверть часа пришел приказ сворачиваться и немедленно присоединиться к части. Когда они прибыли в нашу деревню, еще дальше на семь километров, наши транспортные средства были погружены и все было готово к отправке. Первые дома уже попали под обстрел русских орудий.

Когда мы несколько позднее покинули деревню, вниз сыпались искры. Ночь была красной, колонны двигались по снегу. Стояли большие холода, а воздух был абсолютно неподвижен. Вокруг нас широким кольцом полыхали деревни – ужасное и красивое зрелище, захватывающее дух в своем великолепии и одновременно кошмаре.

Своими собственными руками я бросил горящие поленья в сарай и амбары за

дорогой. Затем вместе со своим спутником поехал догонять часть.

В ту ночь мы отступили на двадцать три километра, а 1 января еще на двадцать. Ребята нашего разведывательного батальона, прибывшие в шесть часов утром нового года, сказали, что потеряли сорок человек убитыми, после ухода из К. В К. один из трех батальонов полка был распущен для пополнения личного состава двух других. Батальон, к которому я был приписан на время нахождения в К., доукомплектовали 2 октября. Теперь 31 декабря, в нем осталось сто двадцать человек.

В последний день старого года майор Кристоф покинул нас, чтобы принять еще одно отделение. Оглядываясь назад, я вспоминаю, что, когда он год назад принял над нами командование, это было как облегчение. В месяцы последующих жестоких боев стал средоточием внимания отделения. Чем труднее была ситуация, тем больше вселялась уверенность, что все будет хорошо. Он мог быть суровым, но когда казалось, что дело принимало крутой оборот, его суровость переходила в доброту. У него находилось немного ободряющих слов, он четко ставил задачу каждому; тогда все шло успешно. Он был прирожденным лидером. Он прибыл без предупреждения, его прибытию не предшествовали никакие слухи. Он был везде как дома. При всей жестокой дисциплине, когда его высокая тяжеловесная фигура появлялась на артиллерийской позиции, у всех на сердце становилось легко. Он появлялся на наблюдательном пункте не позднее, чем на второй день. Когда он нас покидал, тяжелые гаубицы пропели ему прощальную серенаду. Он, должно быть, прочитал все уважение, любовь и преданность в глазах своих людей, потому что его любили все.

В 15.00 темно, в 17.00 – глубокая ночь. Когда наш дозор из восьми человек и дозор из соседней роты перемахнули через бруствер траншеи, они быстро затерялись в зыбкой белизне ничейной земли. Лишь тяжело скрипел снег, его скрип едва перекрывался стрекотом очередей наших пулеметов, а они проскальзывали через брешь в проволочном ограждении. На мгновение воцарилась почти полная тишина. На расстоянии тридцати метров бойцы лежали вблизи вражеской траншеи. Нам была видна темная амбразура пулеметного гнезда в том месте, где должны были прорваться дозорные. Мы напряженно ждали развязки.

* * *

Заметил ли что-то противник? Нет? Как долго могут длиться секунды! Потом все вдруг произошло очень быстро: несколько теней промелькнули, рванувшись вперед, быстрое движение, глухой удар в окопе, первая очередь из пистолета-пулемета.

Один из наших собственных? Или один из автоматов противника? Это, должно быть, наш, судя по характерному стрекоту. Слушались глухие разрывы ручных гранат, второй раз прозвучала автоматная очередь – потом один человек вернулся – командир дозора. Он пошатнулся и свалился в окоп: «Огонь! Прикройте их огнем! Они сами со всем справились!»

Но не было необходимости прибегать к тяжелому оружию. Ребята сделали

работу самостоятельно. Они и не думали отступить. Точно в соответствии с планом они выполнили свою миссию, половина из них бомбардировала из-за бруствера, другая половина действовала в самой траншее. Противник попытался их отрезать. Из траншей подползали русские, по шесть – восемь человек с каждой стороны. Но разведчики продолжали бросать гранаты, не давая врагу передышки. Они подавили несколько пулеметных огневых точек сосредоточенными взрывами, но вслед за этим потеряли общий обзор системы вражеских траншей. Фельдфебель побежал за ними и вернул их. По пути они швырнули противотанковую мину-тарелку в ближайшее от нашей траншеи пулеметное гнездо. Полная удача: три пулеметные огневые точки и восемнадцать человек – потери противника.

«Освободить траншею! Всем вернуться в свои блиндажи!» – крикнул командир роты. Но прошло еще полчаса, прежде чем противник открыл беспорядочный беспокоящий огонь, но даже и его он прекратил через некоторое время. Иван, должно быть, перенес хороший шок. В то же самое время разведчики другой роты захватили в плен пятерых солдат противника.

Через вход в землянку одни за другим нерешительно вошли люди. Наконец они были снова вместе – весь дозор. Они хотели посмотреть, что стало с командиром разведчиков: «Тяжело ранен?» – «Черт бы их побрал, – скрипучим голосом сказал сержант. – Через четыре недели снова буду в строю; тогда я с ними, гадами, поквитаюсь! Я теперь знаю, где их окоп».

10 января 1943 года. «Шнапс – обязательно, сахар – желательным, вода – как дополнение». На основе освященного веками рецепта, добавив несколько

лимонов, мы сварили грог. На гитаре и аккордеоне исполняли музыкальные произведения, которые по линии связи транслировали в другие блиндажи. Впоследствии рота попросила наш ансамбль сыграть на дне рождения.

Мы схватили под мышку инструменты и пошли по освещенной лунным светом траншее.

Как спокойно вдруг стало между двумя островками веселья. Согнутая фигура моего спутника, идущего скользящей походкой по продуваемой ветром траншее, была скрыта за поблескивающим от белого снега высоким частоколом стены. Наши шаги приглушал рыхлый снег, а на проводах и ветвях мороз образовал толстые наледы.

Спокойствие в нашем секторе оставляет горечь во рту: ребятам под Сталинградом приходится тяжело. Утром нас несколько побеспокоили. Иваны оскорбились по поводу дымка, вьющегося из нашей землянки. Гренкович с сомнением посмотрел на потолок, а Франц, который как раз собрался на утреннюю прогулку, вприпрыжку вернулся обратно, ругаясь. Взрывом его отбросило головой прямо в мусорную яму.

В ходе всего этого мы позабавились небольшой шуткой. Несколько ручных гранат подбросили в землянку врача, который в это время безмятежно читал книгу. Сопутствующий этому шум воспринимался обманчиво натуральным, а почерневшие отметины на свежем снегу выглядели совсем как настоящие.

Сегодня мы говорили о том, что происходило в нас самих, пытаюсь прислушаться к своим чувствам. Мы вспоминали многое, особенно события прошлой зимы. Наши выводы были не слишком точны. Чувства уже больше не

могут фигурировать в арсенале наших оценок. Мы без колебаний совершаем вещи, мысль о которых нам никогда и в голову не пришла бы. Если когда-либо с нами случилось бы так, что появилась бы возможность уклониться от того, чтобы их совершить, мы восприняли бы это как шутку. А зрелища, которые когда-то так глубоко потрясли нас, теперь мы воспринимаем с философской беспристрастностью.

Франц рассказал, что во время своего отпуска как-то завел разговор об отступлении из Калинина. Это происходило в мужской компании. Но на него смотрели с таким непониманием, что, поняв всю неуместность подобного разговора, он замолк. Он говорил нам о своей бабушке, мать которой рассказывала о войне 1870 года; ужасы ее все еще живы в памяти последующих поколений. Мы говорили о «кровавых» битвах – при Гравелоте и Марс ля Тур⁷, а потом о Великой войне и последовавшем за ней хаосе, о революции и о формировании новых властных сфер⁸. Мы еще раз попытались понять то время, в котором мы живем, – конец определенного периода истории, маскарада абсурда, в ходе которого рушится мир.

Глава 11.

Ржевский плацдарм

19 ноября русские устроили западню под Сталинградом. Попытка вызволить

---

⁷ Во время Франко-прусской войны.

⁸ То есть о Веймарской республике и о нацистской диктатуре.

генерал-фельдмаршала Паулюса с юго-западного направления провалилась. Теперь окруженная в январе 6-я армия численностью в двести тысяч человек стояла перед лицом величайшей катастрофы в военной истории. В то же время были отданы распоряжения о выводе армий с Кавказа. Фон Клейст переправился через Дон, прикрываемый спешно собранной группой армий под командованием Манштейна.

Столбик термометра упал до отметки сорок пять градусов ниже нуля. Снег сверкает и кружится красивыми кристалликами. Каждый шаг подбрасывает их вверх. Они блестят на солнце и отражают вечерний свет. Ночью снег голубовато блестит под светом луны, что делает ландшафт более суровым, чем когда-либо. Некоторое время назад я вернулся с наблюдательного пункта в свою землянку; когда я шел на лыжах, снег поскрипывал под моими ногами. Глубокий вдох обжигал легкие, а мои ресницы обледенели. Скрип саней на дороге был слышен за мили в безветренную ночь.

Как хорошо войти в теплое укрытие с приветливым хороводом огней! Снег посыпался как из душа с моего шерстяного шлема, когда я его стряхивал. Гренковиц снял с меня верхнюю одежду. С того дня, как мы прибыли, он взял на себя все обязанности домохозяйки – мытье посуды, уборку помещения, контроль за расходом запасов. Если кто-нибудь хочет налить себе кофе, Гренковиц обижается. У него были свои причуды. А у кого их нет? Нам приходится принимать друг друга такими, какие мы есть, а если же это бывает невозможно, мы так и говорим. Таким образом, мы создали островок мира посреди войны, где товарищеские отношения завязываются легко и всегда слышен чей-то смех.

Я часто беру в руки гитару. Хейнинг прислал мне «Километрштайн», сборник песен со множеством давно забытых мелодий. Вечером мы поем старые солдатские песни, как задушевные, так и сентиментальные, ироничные и задорные. И когда нам приходится трудновато, мы тоже поем.

Вчера вечером я склонился над письмом. Оно не было настоящим письмом, просто обрывком бумаги, пришедшим издалека, через огромный выплеск горечи и скорби. Оно повлияло на меня больше, чем я могу выразить словами. Бывают моменты, когда мы беспомощны, когда лас покидает вся наша воля. В такие моменты наше сердце глупо прыгает. Затем мы проводим рукой по глазам и плотно захлопываем дверь, потому что приходится заставлять себя двигаться в направлении, в котором нам не хочется идти.

Но на самом деле сердце бьется как всегда, а мы прислушиваемся к звуку за дверью, прекрасно понимая, что там находится все то, что дает смысл нашей жизни. Так что мы подвергаемся остракизму так же, как Дон Кихот, а боль делает нас теми, кто мы есть на самом деле.

Как широк разброс мнений по поводу будущего облика мира. Различия не только по вертикали, между нациями, но и по горизонтали между группировками, в то время как они готовятся к повой битве наряду с битвой армий. Многие из наших врагов теперь видят необходимость достижения мира после войны. Пребывание здесь – это освобождение от злобных и животных страстей, трусости и грязи. Война требует от человека отдачи всего себя. Оружие говорит недвусмысленно, за пределами принятия желаемого за действительное.

Около сорока четырех градусов мороза. Снег летает вокруг руин и

скапливается в разбитых домах. Природа непрерывно сметает все. Не остается никаких следов, ни единого оттиска человеческой ноги, ни воронки от снаряда.

Ландшафт переходит в городской, и дома – всего лишь декорации для торчащих между ними жерл орудий. Узкая тропа лентой вьется по сверкающей широкой улице. Ночью я иду по ней в мерцающем лунном свете под бледно-голубыми дугами вспышек. Затем сворачиваю по развилке к крутому склону лощины и снова вверх к землянке на дальнем конце.

25 января 1943 года. 6.45. Мы все трое проснулись с началом атаки. Артобстрел. И так, они все-таки атакуют. Вопрос в том – вслед за чем. Мы пытаемся угадать калибр пушек и вес снарядов. Звук знакомый. Наши движения деловиты, и у нас настрой веселого напряжения. Мы втягиваем носом воздух, как охотники, почуявшие свою добычу. Зазвонил телефон, спешно передаются донесения, и задаются вопросы, что свидетельствует о степени нашего напряжения.

«Атака на расположение роты справа», «Противник в траншее выдвинутой позиции роты».

Связь с тыла нарушена, все линии отрезаны. Переключаемся на радиосвязь. Пехотные орудия отвечают. Вскоре полк подвергает артобстрелу зоны 12 и 13. Над нами пролетают снаряды по перекрестным траекториям.

7.30. Атакующие цепи русских групп поддержки были прижаты заградительным огнем. Атака на две роты, расположенные дальше по правому флангу, была отбита, частично в рукопашном бою. Прорыв был ликвидирован, а танковая атака слева захлебнулась. Подтягиваются резервы, и линейный дозор

возвращается под огнем противника, постепенно ослабевающего. Овраг за огневой позицией изрезан полосами почерневшего снега, по ширине в двести метров. Снег выглядит таким, как будто был обожжен; на пути попадаются булыжники и комья земли.

9. 15. В середине занятой врагом траншеи продолжает держаться группа наших. Наши снайперы контролируют траншею сообщения между штабом батальона и ротой справа. Они подстреливают каждого русского, избежавшего заградительного огня или пытающегося отступить.

У нашего передового наблюдателя там – военно-полевой день, стрельба из орудий, используя все их возможности. Противник остановлен. Его ракетные установки беспорядочно ведут огонь по сектору.

10.10. Противник не прекращает попыток прорваться вперед. Но телефонная связь давно восстановлена, и у полка все до одной батареи на связи. Приятно слышать команды управления огнем. На позиции пехоты они опять слушают музыку. Йохен Гренковиц только что вернулся из линейного обхода; было шесть обрывов на этой стороне на одном только месте. «Представь, – сказал он, – я чинил линию, распластавшись, как блин, когда проходил мимо ротный посыльный. «Привет, Йохен, хорошо проводишь время?» – «Подожди минутку, – сказал я, – ты куда идешь?» – «Я? В кино!» И, черт побери, он пошел в город».

До полудня светило солнце, и траншея снова была в наших руках. Контратака не встретила большого сопротивления. Окруженная группа держалась все это время. Наши потери были на удивление незначительны. Один дезертир с Волги рассказал, что из трех сотен русских, атаковавших траншею, двести были

убиты к тому времени, как он дезертировал. Остальные пали под пулями снайперов и под взрывами гранат, а эшелон поддержки откатился под ударами артиллерии.

Между нашей собственной траншеей и колючей проволокой противника мы смогли насчитать пятьсот пятьдесят тел убитых. Количество трофейного оружия было представлено восемью тяжелыми и легкими пулеметами, тридцатью пистолетами-пулеметами, пятью огнеметами, четырьмя противотанковыми ружьями и восемьюдесятью пятью винтовками. Это был русский штрафной батальон из тысячи четырехсот человек. Они уже не смогут больше выставить против нас такой же.

В 20.30 пятнадцать колонн, каждая примерно из тринадцати человек на санях и с оборудованием, согласно сообщениям, повернула в лес по направлению к нашим позициям. В 20.45 к ним прибавились еще сорок или пятьдесят человек. Снаряды артиллерии всего полка, завывая, устремлялись в сторону леса. Рикошетирующие осколки тяжелых снарядов создавали адский шум, разрываясь на высоте в четыре-пять метров над землей. Наши собственные создавали глухой, как у органа, звук, с грохотом стремительно пролетая в ледяном воздухе.

Этот отряд русских также уже больше нас не беспокоил.

Слышится пение, в секторе счастливое время затишья. Небо восхитительно голубое, напряжение идет на спад. Иван больше не попадает на нашем пути. Снег летает в воздухе, проявляясь на солнце черно-коричневым цветом с многочисленными белыми просветами. Наш воздушный наблюдатель все еще летает над головами, поблескивая и сверкая, когда устремляется к вражеским

батареям, уничтожая их одну за другой. Почти середина дня. Замолчали уже семь русских орудий.

Позавчера? Это уже очень давно. Мертвых скоро заметет снегом, если Иван не придет, чтобы подобрать тела. Это то, что он стал делать впервые на нашей памяти. Но он несет новые потери в ходе этого процесса. Мы слышали официальное сообщение и комментарий по поводу наших действий тут. Но с другой стороны, мы говорили о Сталинграде. Фон Паулюс сдался 31 января. Тут особо не о чем говорить. Мы уже давно знали, что там происходит. Но мы также знали, что резервы русских не были неисчерпаемыми; они будут обескровлены с суровой неизбежностью.

Мы можем сравнить понесенные потери. Мы подсчитываем убитых, и тут нет обмана. Мы просто подсчитываем тех погибших, которых видим. Наши общие потери за два дня не достигали и десятой части количества тел солдат противника, которые все еще лежат на ничейной земле. Вывод неотвратим.

Ветер все еще завывает, пронзительно и жалобно. На некоторых изгибах траншеи он взбивает дрожащие столбы снежной пыли. Когда мы высовываем головы из-за бруствера, он кусает нас за лицо. Над ступеньками нашей землянки снегу намело, как барханы в пустыне, более чем на полтора метра в высоту.

Но ветер дует в сторону неприятельских амбразур, слепя глаза часовым. Это все к лучшему. Разведчики 10-й роты сегодня ночью идут в дозор.

Лейтенант Камп счастлив. Его голос по телефону звучал звонко и весело. Поздравления посыпались в адрес 10-й роты со всех позиций. Разведчики вернулись без потерь. Они внезапно появились в трехстах метрах от траншеи,

подорвали пять блиндажей и шесть огневых пулеметных точек, взяли двух языков, захватили два противотанковых ружья, два автомата и десять винтовок, в том числе четыре автоматические, отбили две контратаки в рукопашном бою и прекратили боевые действия только тогда, когда боеприпасы были на исходе. На обратном пути они уничтожили замаскированный блиндаж с пятнадцатью солдатами. Противник потерял тридцать девять человек убитыми. Пехота и артиллерия взаимодействовали между собой слаженно, как часовой механизм. Такого рода вещи воодушевляют. «Очень хорошо, Камп, очень хорошо, – говорил полковник Зиквольф. – Завтра вы можете внести ваших людей в список представляемых к награде». Весь полк был в приподнятом настроении. Нашим союзником может оказаться и снежная буря.

7 февраля 1943 года. Со скоростью сорок пять километров в час ветер заметает снег. Он огромными тучами несется под низко плывущими облаками. Небо и земля утонули в едином завывании. Видимость – четыреста метров. Солнечный свет быстро меркнет. Я пробивался навстречу ветру в «сауну». Часовые на мосту попрятались в укромные уголки, где они стояли молча и выглядели неуклюже в своих меховых тулупах и обмотанных соломой ботах. На склонах, спускающихся к Волге, появились две человеческие фигуры, беззаботно скользящие на лыжах. Кроме них, я не заметил никого, за исключением одиноких фигур, появлявшихся и исчезающих подобно снежным облакам. Они проходили мимо, не взглянув и не поздоровавшись, желая только одного – поскорее попасть к месту назначения.

Когда я вернулся, вход в землянку опять был завален снегом. Я соскользнул

вниз по наносу. Между двумя дверьми образовался снежный мат. Снег забивался в каждую щель, в складки одежды и мне за воротник, когда я поднимал полог у входа, чтобы проскользнуть вниз.

И опять чудесный день.

Ветер повернул на восток, и температура упала до двадцати двух градусов мороза. Вернувшись с наблюдательного поста, я читал до тех пор, пока свет не стал слишком тусклым. Затем я бросил взгляд в сторону и увидел стоявшего перед печью Гренковица. Его лицо было освещено огнем, и в воздухе пахло дымом и подрумяненным на огне хлебом. Франц сидел на своей койке, болтая ногами. Очертания предметов стали туманными, цвета блеклыми. Мы не разговаривали. Был слышен лишь шум наших движений в помещении, освещенном огнем горящей печки и с постепенно темнеющим окном. Сумерки. Такое странное, ощущаемое нереальным это время между днем ушедшим и днем наступающим.

Когда Гренковиц зажег свечу в углу у печки, был уже вечер. С полки выглядывала наша радующая глаз посуда. Белые чашки, блюдца с золотой каймой, маленькие тарелки с цветочным орнаментом. Как неприглядно все они выглядели, когда мы выуживали их из руин. А теперь как все сверкает, стена у печки, веселой расцветки покрывала на койках, создающие уют, обклеенный белой бумагой потолок, освещенный темно-красным светом. Я думал обо всем этом, когда Гренковиц, водрузив свечу на стол, расставил посуду, бережно положил на тарелку масло и мясо и аккуратно порезал на кусочки хлеб.

Потом даже Франц сделал усилие и вышел из задумчивости, окунувшись в

реальность. Он проворчал. «Это все мясо, что есть?» – «Да, – сказал Гренко, – и этого вполне достаточно. Больше не было для того, чтобы приготовить». Он слегка улыбнулся уголками рта, так, как всегда это делает, когда ему везет в покер. Гренко рассчитывает продовольственные запасы, у него восхитительная привычка обманывать нас для нашей же пользы. Он накапливает тайные запасы и выдает их на завтрак, придерживает драгоценный сахар, не давая его к кофе с тем, чтобы удивить нас за чаем, когда в противном случае хороший чай будет испорчен сахарином. Короче говоря, он – прирожденная домохозяйка. А когда он устраивает нам маленький обман, то все лицо его сияет.

Но на этот раз Франца было не так легко успокоить. Что-то испортило его чувство юмора. После обеда он взорвался; он вдруг схватил свою чашку, подержал ее в руке, как бы оценивая вес, и бросил испытующий взгляд в угол печки. «Гляди-ка, – сказал он, – мыш!» – «Господи, только не нашим лучшим китайским фарфором!» – вырвалось у Гренковица, который пошарил за спиной и сунул в руку Францу винтовку.

«А ну-ка, выходи, маленькая подружка», – пробормотал Франц, взводя курок, одновременно пронзая взглядом темноту. Потом раздался грохот, сверкнула вспышка и запахло порохом. Мышь лежала на досках, убитая выстрелом точно в голову. Это грубый способ, но у нас нет мышеловки.

На днях нас посетил дивизионный священник. Трапеза была прервана подобным же образом. Он потом признался, что когда вошел, то был удивлен, почему во время обеда на столе лежит пистолет; мы показались ему довольно воинственным сбродом. Он нашел наш способ довольно хорошим, но после этого

у него полчаса звенело в ушах. Достоин сожаления.

Вслед за победой под Сталинградом русские развернули наступление в западном направлении от Воронежа, а 7 февраля освободили Курск. Харьков пал еще через восемь дней, что поставило фон Манштейна и фон Клейста под угрозу быть отрезанными. В то же самое время Гитлер наконец прислушался к советам своих экспертов о том, что передовая позиция на подступах к Москве непригодна для того, чтобы держать оборону. Были отданы находившимся там войскам распоряжения к отходу, чтобы образовать более плотную и прямую линию обороны, прикрывающую Смоленск.

* * *

Я весь день прощался со своими книгами. Это время я разделил между чтением «Бесед» Фридриха Великого и Генри де Катта и «Маленькими впечатлениями от Парижа» Пьера Шампиона. Я нашел несколько выдержек, которые мне очень нравились: «Приходится становиться ужасным варваром, милостивый государь, для того чтобы усмирить некоторых бедолаг, которые, как-никак, ввязались в нашу драку совершенно вопреки своей воле». Или: «Воспитывайте в себе чуткость! Это один из высших даров природы! Даже если она создает нам много осложнений, она источник многих положительных эмоций, если сочетается со здравым смыслом».

Тотальная война способна уничтожить различия между солдатами и

гражданскими, но она всегда будет считаться позорной, если оружие применяется против женщин и детей. А что касается добропорядочных наций, то им предписывается соблюдение конвенций, регламентирующих Действия в отношении военнопленных. Вы можете выполнять свой долг не забываясь, и вам придется воздерживаться от некоторых поступков, если будете видеть положение вещей в верной перспективе.

Почта доставила мне посылку от Йо с образцами керамики «Quimper». Он, как и я сам, любит грубую роскошь и насыщенные цвета. Они выглядят странно веселыми в этом восточном мире, и они наполняют меня печалью, потому что напоминают о богатстве той нашей жизни, память о которой становится похороненной все глубже с каждым наступающим годом. Приходится бороться, чтобы не засохнуть и не смириться. Сосуд, который стоит слишком долго в засушливой атмосфере, начинает трескаться. Так что я уложу вещи в свой ранец, когда будем сниматься с места, потому что именно это мы и собираемся сделать. Мы уходим от нашей землянки в снег. Мы собираемся сократить линию фронта, потому что это благоразумно. Потому что хорошо, что должно что-то произойти. Потому что чуть больше или чуть меньше не имеет значения в этой стране.

Мы уже достаточно долго торчим здесь на Ржевском плацдарме. Мы хорошо с ним познакомились, с этим городом, с его геометрически правильными улицами, развалинами церквей, тремя мостами через Волгу с ее круто спускающимися под уклон берегами, теснинами, руинами каменных зданий, где по северному берегу расположились наши наблюдатели.

Оттуда открывается широкий обзор вражеских позиций через траншеи и

снежные брустверы. Местность просматривается до самых холмов, где когда-то были деревни, а теперь об этом можно только догадываться по сиротливо стоящим рядами высоким деревьям за пределами досягаемости наших орудий. Наши траншеи вытянулись перед бастионом. Прямо перед ними – подбитые танки.

Все это запечатлелось в нашей памяти, стало частью нашей жизни, потому что волей-неволей нам приходилось с этим жить.

Прощай, Ржев, город канатчиков и церквей! Мало что от тебя осталось. Мы оставляем тебя без боя, но враг будет помнить, что он не может поставить себе в заслугу этот камень из нашего бастиона.

Мы подрываем железную дорогу. Мы обрушиваем башни. Мы не оставим тебя просто так, совсем уж ничего не сделав, потому что твои женщины и дети предпочитают уйти с нами. Когда взлетит на воздух мост, по которому когда-то ходили поезда до Старицы, это будет сигналом. Но ты об этом не узнаешь. Скоро тут, к северу от Волги, останутся только фельдфебель Якобе и его люди.

17 февраля 1943 года. Мы слышали официальное сообщение. Не могу отрицать, что оно вызвало у нас горькую иронию. Они говорят об отчаянных боях в Харькове, где было подбито пятьдесят танков⁹. Если это было все, чем обороняли Харьков, то это достойно сожаления. Они могли бы уже сворачиваться и там. Армия, которую все время колошматят, стоит уже больше немногого. Прошу прощения, так мне кажется. Может быть, мы к ним несправедливы. Но если верно то, что мы думаем, имея в виду дивизии СС – «Великую Германию»,

---

⁹ Речь идет о взятии Красной армией Харькова в феврале 1943 года. Через месяц Харьков был отбит вермахтом.

«Рейх» и «Адольф Гитлер», – то тогда мы всего лишь понимаем это слишком хорошо. Это не отряды новобранцев, не наемники, не прославленные штурмовые дивизии, на которые можно возлагать надежды. Это «старики», прошедшие огонь, те, кто стоит насмерть.

По крайней мере, знаменательно, что войска все время продолжали оставаться на Ладожском озере и на озере Ильмень и в своих грязных окопах на Волхове. (В группе армий «Север» и на финских фронтах войска были завязаны в позиционной войне большую часть времени.) А насколько мне известно, это не части СС. Их вы можете увидеть в новостных фильмах, которые мы здесь ни во что не ставим.

Однажды наш батальон подбил восемнадцать танков у населенного пункта Бешенки. У Мартынова на фронте в триста метров было двадцать подбитых машин. В лесах под Табраковом пришлось устанавливать очередность, кому позволить открывать огонь следующему, потому что вначале все они – майор, адъютант и дежурный офицер – охотились за ними (танками), оставляя командный пост. Даже сержант противотанкового орудия оставил свою пушку и принял участие в охоте с магнитной миной. А танки все прибывали с каждым днем. День ото дня роты становились все меньше. Это продолжалось день и ночь и час за часом. Но наши баварцы стояли насмерть. В этих боях артиллерийский полк потерял одних только связистов двадцать пять человек, не считая наблюдателей.

Мы потеряли порядочно людей за счет пострадавших на эвакуационном

пункте: от малярии, ревматизма, гриппа – и бог знает от чего еще. В основном это были крепкие парни. Это старая истина: сила – не главное. Именно худощавые, привыкшие к физическому труду держатся дольше. У Франца и у меня крепкое здоровье. Франц нашел себе куклу. Такое бывает. У нее круглое восточное лицо, крепкие ноги и милое голубое платье. Мы назвали ее Бабетта. Она сидит верхом на моей гитаре, а Франц клянется, что будет сегодня ночью с ней спать: баю-бай, детка...

В 3.00 я получил приказ утром приступить к исполнению обязанностей связиста в пехоте. В половине десятого я был с полковником Зиквольфом, как раз вовремя, чтобы пожелать ему счастливого дня рождения. Он оставил меня на обед и на кофе. Тем временем мои ребята устроились в землянке, принадлежавшей командиру отбывающего отделения. Должен сказать, выражаясь высокопарно, это вилла «Вид на Волгу». Между тем следовало привести все в порядок. Завтра еще один из наших знаменитых патрулей уходит; нам придется дать голубям что-то поклевать. Кажется, эвакуация откладывается. На западе артиллерийская пальба. Мы не беспокоимся. Все прекрасно.

Вчера я был занят с утра до позднего вечера. На рассвете вражеский дозор ворвался в нашу траншею. Это стоило нам одного человека убитым, но противник потерял трех человек, и еще один был взят в плен. Согласно сведениям, полученным от пленного, местом, куда наш патруль должен был идти этим утром, был район сбора. Поэтому патруль был подготовлен к контратаке.

Со своими старыми связистами я пробивался вперед сквозь сильный буран. При такой плохой погоде мы не могли контролировать команды по ведению огня,

и мы пережили неприятные моменты, когда по нам выпустили две короткие очереди. Одна из них чуть было меня не сразила, другой были убиты двое в траншее. Но все равно патруль был на высоте и взорвал место сбора.

Из-за несчастного случая на меня свалилось много дел. Я сновал между ротой и батальоном и между полковником Зиквольфом и полковым командованием своего полка. Когда наконец я попал домой, то проспал тринадцать часов.

Сегодня я продиктовал полный доклад о патруле, внес последние события в свой дневник, а вечером без конца отвечал на телефонные звонки из-за обстрела. Теперь уже за полночь, но все полковые орудия все еще ведут огонь. Это уже третий такой обстрел. Я ужасно вымотался, в остальном же у меня все хорошо.

Когда только начало светать, буря все еще завывала, а иван опять сидел в траншее. Это было на позициях девятой роты, где прорвалось семь русских из двадцати пяти. Был короткий жестокий бой, рукопашная схватка. Не было времени стрелять, его хватало лишь на то, чтобы коротко взмахнуть винтовкой и приложить прикладом по ближайшему черепу. Через двадцать пять минут траншея снова была свободна. Враг потерял троих убитыми, один сдался в плен. Пленный сообщил, что сто человек остаются в резерве на позициях противника, которые мы называем Очаг Устрашения и Блиндажный Посад. Они прибыли прошлой ночью.

...Мы готовим контратаку. Сегодня во второй половине дня мы ринулись в атаку, в лицо нам дул ветер. Он дул с такой силой, что мы с трудом держались на узких обледенелых тропах. Через брустверы надувало тучи снежной пыли.

Проволока, танки, воронки и развалины парка исчезли в белой метели. Неприятельские позиции в сорока метрах от нашей траншеи выглядели островом в снежной буре. Артиллеристы прикинули дистанцию, но даже снаряды самых тяжелых орудий бесследно исчезали под снежной пеленой. Мы слышали лишь грохот разрывов от упавших где-то снарядов.

В результате всего этого нам пришлось отказаться от обстрела Блиндажного Посада. Пехота должна обойтись без соответствующей артподготовки. В 8.30 тяжелые орудия будут вести огонь по этому району всего одну минуту. Все остальное на усмотрение личного состава 9-й. Как всегда. Последний, важнейший этап всегда достается пехоте, и никто не может ей помочь, когда она возьмется за дело.

8.00. Они готовятся. Они заряжают автоматы, закрепляют экипировку, хватают сумки с гранатами и сооружают в траншее ступеньки из пустых ящиков из-под боеприпасов. Все время наблюдатели при тяжелой артиллерии ползут в тридцати метрах в тылу, за развалинами дома, а их артиллерия перенесла свой огонь назад на двадцать пять метров за линию траншеи. Три сержанта и шестнадцать солдат прильнули к брустверу, готовые к прыжку.

8.25... 8.29... еще одна минута... тридцать секунд... стрелки сверенных часов двигаются к нулевой отметке... там пошли тяжелые и легкие гаубицы, пехотные орудия, минометы. Огонь приближается вплотную к траншее, черный дым стеной вырывается вверх, и пехота рванулась под последние разрывы своих собственных орудий. Этот неожиданный дикий порыв, похожий на кошачий прыжок сквозь предательский снег, секунда смертельного, с затаенным дыханием,

напряжения, в котором глаза всех устремлены на тонкую линию цепи солдат, стремительно, большими прыжками двигавшихся по ничейной территории. С последним снарядом они – уже в траншее противника.

Подобно грозе, патруль бросился на них, разделившись и разбежавшись в обе стороны траншеи. Первые блиндажи взрываются, пулеметные огневые точки взлетают на воздух, вверх вздымаются уродливые грибообразные клубы черного дыма, гранаты завершают уничтожение живой силы противника, а мелкие, более слабые взрывы волной распространяются вперед. По хлюпающей грязи и через падающие коричневые фигуры разведотряд пробивает себе путь. Один снаряд влетает в блиндаж, не разорвавшись. Вражеские солдаты выскакивают и падают один на другого под огнем автоматов. Граната завершает остальное.

У людей почерневшие лица. Некоторые поцарапаны. Тяжелая артиллерия подтягивается к краю леса. Она прикрывает траншею снабжения, но не может остановить просачивание сил подкрепления. Противник собирает силы для контратаки. Три из них отбиты, затем разведотряд выходит из боя. Огонь тяжелой артиллерии вновь переносится на траншею...

Последним влезает фельдфебель Якобе. Они все вернулись. Почерневшие, с запекшейся грязью, измученные. Красный след тянется вверх от траншеи к медицинскому пункту. Но там, на стороне противника, на фронте в двести метров, взорваны десять блиндажей и двадцать огневых пулеметных точек, уничтожены одиннадцать тяжелых пулеметов и одно 45-миллиметровое противотанковое орудие. От семидесяти до девяноста тел убитыми лежат в траншее. Разведчики проникли прямо в самое сердце сбора.

* * *

Сегодня было так тепло, что мы вытянулись на солнце, как коты, счастливо жмурясь от его лучей. Я встал на лыжи и пересек Волгу, дважды падая на крутом склоне. Вернулся таким румяным и зарядившимся энергией солнца, что жизнь вновь заиграла в моей крови.

Снег на южном склоне уже растаял. Вода стекает потоками через ряды ступенек, ведущих в землянки. Та, в которой мы теперь живем, просто произведение искусства. Это большой прямоугольник с отгороженными спальными помещениями. Нижняя половина стен облицована ровными досками, верхняя часть покрыта легкой деревянной плиткой. Потолок покрыт белой бумагой, фрамуги сверху обшиты досками с гладкими краями. Есть сидячее место в углу, полочка, круглый стол; все это очень удобно.

Со вчерашнего дня я на артиллерийском пункте связи и выполняю обязанности артиллерийского разведчика вместе с арьергардом. В секторе полка остался один батальон. Сегодня до двенадцати часов было довольно спокойно. Затем последовал интенсивный огонь по сектору 9-й роты, мосту через Волгу и южной части города. Его вели артиллерия, минометы, противотанковые орудия. Двести человек наступали из Блиндажного Посада. Разыгралась дуэль. Я наблюдал все это с крыши большого каменного здания. Противник прорвался в нашу траншею. Я перенес заградительный огонь еще на сто пятьдесят метров

назад, так что он был почти на наших позициях. Противник отброшен назад, оставив от двадцати пяти до тридцати человек убитыми и одного попавшего в плен.

14.30. В зоне 18 иван в окопах. Его уже больше не отбросишь. Нас окружают. У нас остались четыре легких и одно 100-миллиметровое орудие из всей батареи сектора дивизии. Наблюдательные пункты разбросаны на большом расстоянии друг от друга. Пункты, которые больше всего доставляют нам беспокойство, находятся по флангам и в центре, в зоне 15, Блиндажного Посада. Противник пытается вновь и вновь атаковать здесь, но небольшими силами. Телефон все время не умолкает; я таскаю его с собой между блиндажом и наблюдательным пунктом, вверх по неимоверно широкой лестнице, которая стоит снаружи, приставленная к стене дома, и далее через доски между рядом дымовых труб до точки на конце северной стены. Там я стою на второй, более узкой лестнице и смотрю через парапет.

17.30. Две легкие батареи выдвигаются; две другие остаются за первой новой позицией арьергарда и открывают огонь, произведя еще тысячу выстрелов до 21.00. Арьергардные роты выходят из боя с противником. Сворачиваются последние линии телефонной связи. На короткое время мы переходим на радиосвязь. На левом фланге противник использует свой прорыв, но выход из боя проводится по плану. Вилла «Вид на Волгу» взорвана.

Капитан Гросс и лейтенант Шуберт все еще стоят одни на дороге. Мы упаковываемся и тоже отходим назад. Под мостом на дороге, ведущей с фронта, небольшая группа из штаба батальона стоит в ожидании, когда последние роты

покинут траншеи. В небе в северной части города «катюши» выпускают свои ракеты. На этой территории уже царит обстановка ничейной земли, это странная атмосфера возбуждения и опасности, в которой есть только смутные силуэты ведущих бой людей, рыщущих как волки в поисках добычи. Мы в последний раз переходим Волгу по мосту.

Глава 12.

Отход через Днепр

В штабе полка офицеры, бледные и напряженные, сгрудились вокруг полковника Зиквольфа. Будет ли все как надо? Шипящая карбидная лампа отбрасывает холодный свет, тускло освещая голый блиндаж. Моя задача выполнена. Когда я вышел наружу, маленькая группа была готова к маршу. И мы пошли прочь. Конь Федор тронулся, повозка покатила. Мы повернулись спиной к Волге. На дороге зияли черные ямы, передовые посты стояли у самых минных полей. Пламя вырывалось из каменного здания, красным заревом полыхало в провалах окон, с яростным ревом пробивалось через крышу. Ландшафт за последние несколько дней превратился в пустынный. Наши примечательные объекты на местности, дома и водонапорные башни уже больше не существовали. Взрывчатка была готова для закладки под оставшиеся объекты.

Вскоре мы были на открытой дороге. Впереди себя мы все еще видели, как ведут огонь аррьергардные батареи; потом они остались позади, орудия и передки орудий наготове, тени людей и лошадей с опущенными головами. Дорогу

обрамлял ледяной барьер. Мы спотыкались и скользили, шли через круглые, грязные, замерзшие лужи, в которых лед трескался и вода выплескивалась, в то время как Федор напрягался изо всех сил в своих оглоблях. Мы догнали темные колонны. Уходили быстрым маршем.

На юге взметнулся в небо столб света гигантского пожарища, как направленный резко вниз луч прожектора, а снег был окрашен в теплый мягкий красный цвет. Наши шеи обжигало холодом северо-восточного ветра, задувавшего мелкий снег и разрывавшего перед нами в клочья облака, открывая ясную звездную ночь. В 20.30 позади нас полосой сверкнула молния, от горизонта до горизонта заполняя собой ландшафт. Это было незабываемое зрелище. Мосты через Волгу, последние водонапорные башни: теперь их уже больше не существует... Скоро последний из наших людей будет возвращаться, переправляясь через реку напрямиком по льду.

Мы двинулись дальше. Все время шли маршем. Иногда вспоминали о нашей землянке. Мы пели, потому что нужно как-то поддерживать душевный настрой. После двухчасового отдыха в переполненном помещении для постоя мы продолжили путь, пока подтягивался арьергардный батальон. Они вышли из боя в соответствии с планом. Вполне соответствовало истинному положению вещей то, что дела как будто шли не совсем гладко. Вспышки уходили вверх: противник атаковал. Но штурмовые орудия уже собирались обратно на фронт: грохочущие монстры в белой от снежных вихрей ночи.

Добравшись до части в шесть часов утра, я ничего не мог делать, кроме как полчаса отогреть руки, зажав между ладонями кружку с горячим кофе. Я был

слишком уставшим для того, чтобы есть. Потом стало лучше. Снял ботинки и заметил, что носки и портянки были пропитаны кровью. Я заснул. Доброе утро, доброй ночи!

В три часа следующего утра мы возобновили движение. Огонь подкрашивал бирюзовое небо. Как может варварское представление быть таким очаровательным, таким неопишимо прекрасным?

В семь часов мы были готовы действовать, и я поймал себя на том, что исполняю обязанности артиллерийского связного гренадерского ударного полка. Я стоял за снежным бруствером и смотрел на идущие колонны русских, выдвигающиеся из-за небольшой речки. Я наблюдал, как они формируются в роты и двигаются вперед на мотосанях. Затем наша артиллерия накрыла их.

В 13.50 мы продолжили марш. Из окна женщина, которая осталась по каким-то своим соображениям, в последний раз показала своему ребенку немецких солдат. В ее глазах было отчаяние. Мы шли маршем. Наступила ночь. Мы отдыхали два часа в переполненных домах, потом продолжили марш. Дул ветер со снегом. Вспышки вспарывали небо.

Когда колонны остановились, мы попытались найти убежище от ветра. Всадники лежали перед своими лошадьми, распластавшись лицом к земле, обхватив руками свои винтовки, мохнатые и бесформенные в своих тулупах, выглядящие как медведи или тибетцы. Мы шли вместе с батареей. Из-за выстрелов снег приобретал фиолетовый оттенок.

Полдень. Мы отдыхали три часа, проспав два из них. Затем опять продолжили марш. Солнце жгло наши лица. Снег блестел. Наши губы начинали

трескаться.

Когда солнце ушло за холмы на другой стороне большой реки, мы следовали в пункт А. Это было как на параде – люди, лошади и повозки, идущие, чеканя шаг. Вечером, когда мы расселись вокруг стола, на наших лицах были глубокие борозды морщин – эти характерные линии от уголков глаз и носа.

Утром орудия были готовы действовать.

С позавчерашнего дня мы на новой арьергардной позиции. Несмотря на напряжение, я в полном порядке. Ярко светит солнце, а немного позднее я поеду дальше с Францем Вольфом в нашем маленьком радиофургоне. Мы не ожидаем боевого контакта с противником до завтра.

Как раз когда я в спешке завершал свой доклад, атаковал русский истребитель. От него на мою бумагу попала грязь, а выбитые ударной волной окопные стекла ударили мне в спину. Лейтенант К. был ранен.

Во второй половине дня я пошел с Францем Вольфом и Йеном Брауном в качестве артиллерийских связных батальона Ула. У нас опять была наша маленькая повозка с конем Федором в качестве тягловой силы. Йен был возницей и оператором одновременно.

Мы перевалили через холмы под ослепительно яркими лучами солнца. Приближались шесть русских бомбардировщиков с четырьмя нашими истребителями на хвосте. Они прижимали их книзу. Прежде чем яростная погоня исчезла за деревьями, два больших русских самолета завалились на бок и рухнули, оставив за собой шлейфы дыма.

Мы переправились через Днепр, который тут не шире Кинцига. В Н. пехота

вышла на позицию, окапываясь и двигаясь маленькими группами на ровной полосе земли перед лесной полосой, где появится противник. Удар нанесен по левому флангу полка. Силы противника прорвались и уже удерживают территорию. Фланг укрепляется. Мы выдвигаем постоянно действующие дозоры и готовимся к атаке.

8 марта 1943 года. Неприятель подходит силами в пять тысяч человек на левом фланге дивизии. Наши корректировщики огня докладывают об их передвижениях. Наша собственная атака уже встречает сильное сопротивление. Но к вечеру все снова успокаивается. Солнце заходит в необыкновенно живописных красках, распространяя дымчато-золотистое сияние, контрастирующее с яркими голубыми тенями зимней ночи, которые медленно двигались к востоку.

Двое из нас шли через поля с затвердевшим снегом, в то время как Франц сел в повозку, чтобы окольным путем ехать через мост. Удаляясь, они становились все меньше и меньше на фоне пустынного пейзажа – Федор, повозка и Франц на месте кучера. Затем они снова приблизились к нам через пологие холмы.

Мы нашли батарею готовой тронуться в путь. Дома были пусты со всеми этими признаками окончательного бегства, которые делают человеческое жилье столь унылым. Мы присоединились к колонне и шли маршем в сторону заходящего солнца. Наступил вечер. Путь становился труднее, дул колючий ветер. Больше он уже не был нежным и игривым, а был голубым и твердым, как сталь. Он хватал за лицо и пронизывал насквозь все тело. Мне было холодно в своей тонкой шинели, без рубашки под нею. Я просил тулуп, но он тяжким

грузом лег на мои усталые плечи. Что-то было не в порядке с моим левым коленом; мы уже прошли десять километров, а предстояло пройти еще тридцать. Усталость сжимала голову отупляющим, оглушающим обручем. В конце концов путь продолжали только мои ноги, шаг за шагом, неуклюже спотыкаясь на ветру. Последние два километра дорога пролежала по глубокому снегу, в стороне от главной дороги. Я шел медленно, как очень старый человек. Из оврага позади меня, где застряли машины, в ледяной ночи раздавались проклятия водителей, подобно крикам проклятых душ.

Было уже за полночь. Помещения для постоя переполнены, так же как и жалкие, грязные лачуги. Мы тяжело опустились на скамьи так, будто были нагружены свинцом. Отяжелевшими от усталости глазами смотрели, как подрумянивался хлеб на железной печке, и слушали, как гудит самовар. Несмотря на все это, мы пели. Мы устроились в одном помещении с несколькими украинскими истребителями партизан¹⁰. Через некоторое время они оставили комнату за нами и ушли в ночь за своей добычей.

Когда рассвело, мы увидели груды невероятно грязного тряпья, лежавшего на печке. В углах были горы вонючей грязи. Но это – Россия. И так же типично для России, что из всего этого дерьма вдруг вылезает маленькая девочка с милым, ангельски красивым личиком. У нее были большие глаза и белокурые локоны, и все же ее красоте было предназначено так быстро поблекнуть, и она станет такой же, как ее бабушка, такой же безобразной и грязной, как ведьма, что не захочешь до нее дотронуться даже в перчатке.

---

¹⁰ Вспомогательной полицией – «полицаями».

Ну, мы вычистили свинарник. Украинцы нам помогали, усмехаясь. Они выносили грязь лопатами и досками. После этого помещение стало пригодным для жилья.

День быстро прошел. Она начался рано, после трехчасового сна. Это было потому, что прежде нужно было подумать о лошадях (а найти укрытие как для лошадей, так и для людей было нелегко). Но вечером мы опять пели, чувствуя удовлетворение от хорошо выполненной днем работы для того, чтобы хорошо отдохнуть ночью. Когда я повесил гитару и сел на свое одеяло, как всегда последним из бодрствующих, наслаждаясь моментом одиночества, прибыл гонец с приказом: «Вам надлежит быть в... самое позднее к шести часам». Я посмотрел на карту – ага, так... Подъем в 3.00, отправление в 4.00. Сейчас 22.00. «Спи быстрее, товарищ».

Франц и Йон хотели что-то сказать, когда я стянул с них одеяла в 3.00. Йон уцепился за свое, как ребенок за материнскую грудь; он проспал ровно полтора часа, после того как отстоял на часах.

Одинокая повозка скрипела, двигаясь вдоль реки ранним утром по узким тропам, через деревни, где бодрствовали только часовые, мимо безмолвных соломенных хат, над которыми из труб все еще не поднимался дым. Когда нам приходилось форсировать Днепр, мы с подозрением смотрели на лед. Повозка помчалась по нему на полном ходу, но лед треснул под задними колесами. Нам едва удалось достичь твердой поверхности. Ободренный нашими криками Федор выбрался на берег. Затем мы взобрались на холм, с которого открылся вид на

долину реки.

Река здесь еще только начинается, но уже проходит по широкому руслу через обширную холмистую равнину.

Она наложила отпечаток на ландшафт своими крутыми берегами и глубокими теснинами своих притоков. Образовала великолепную, дикую промоину в этих мягко очерченных холмах, с их невспаханной землей и снежными полями, покрытыми темными волнами леса, с бледными мрачными голыми кустами на широком круге горизонта.

Мы наслаждались этим видом, пока тряслись в повозке вдоль крутого склона и пересекали плато, где нас самих было видно издалека. Нам нравилось смотреть на деревни, как орлиные гнезда стоявшие на краю обрыва над рекой. Это была страна, которая могла обороняться даже против численно превосходящего противника. Мы перебрались еще через один обрывистый овраг, где Федор крестцом удерживал повозку, опускаясь на задние ноги. Затем я пошел с докладом к батальонному Ройберу, батальон которого называется по имени и званию его командира «Ройбер-капитан» («Reuber Hauptman»). Все еще спали. Противник пока не подошел близко. Однако за четырьмя домами наблюдались признаки жизни. Это был НП, и лейтенант Р. говорил по радиации со своим вперёдсмотрящим, находящимся на значительном расстоянии на сторожевой заставе.

Я подобрал дом, наладил нашу собственную радиосвязь, а потом мотался между артиллерийской позицией, НП и своим помещением для поста.

Тем временем сторожевая застава вошла в контакт с противником.

Наблюдатель отбил пару мелких атак с помощью артиллерийской батареи, одновременно сбивая с толку противника относительно расположения новой линии обороны. Он также подсчитывал его численность по длинным, идущим маршем колоннам, которые приближались по разным дорогам, и наступающие подразделения осторожно и с оглядкой входили в деревни.

Сторожевая застава вышла из боя. Второй акт начался с нашего артобстрела. Загорелась первая деревня, вслед за ней запылали и остальные. Но мы не играли в эту игру до одурения. Достаточно было того, чтобы противник на какое-то время отложил развертывание своих войск. Приказ сменить позицию пришел в начале второй половины дня. Мы свернулись и отправились.

Мы еще смогли благополучно пересечь открытый склон холма. Однако теперь шли в одиночестве и на малом расстоянии друг от друга. Вскоре выбрались на другую дорогу, ведущую в обратном направлении; воспользоваться бродом через Днепр уже было нельзя. Небо было ясно-голубым, сильно припекало солнце. Началось обильное таяние снегов. Снег стал мокрым, и потоки талой воды переливались через дороги. Нам пришлось преодолеть несколько грязных оврагов. Дважды лошадь и повозка соскальзывали под уклон. Федор дышал как паровоз. Приходилось несколько раз давать ему передохнуть. С полком в последний раз поддерживалась радиосвязь. Когда, пройдя многими окольными путями, мы наконец достигли «автострады», несколько часов было темно и наша часть уже давно прошла.

Я поехал вперед на грузовике, надеясь нагнать их, но было слишком поздно. В полночь я решил остановиться в Ч., потому что ночной марш в неизвестность –

сомнительное предприятие в этой стране. К тому же мы очень устали. Несмотря на ветер и холод, Йон почти валился с места возницы. Его лицо напоминало маску, оно было искажено от усилий, прилагаемых к тому, чтобы не заснуть. Мы добрались до ближайшей приготовленной позиции. Там нашли стойло для коня и помещение для нас самих у печки, вместе с несколькими ребятами из пехоты.

Я достал гитару. Освещенные светом огня лица образовывали светлый круг вместе с фигурами людей, усевшихся тесным кружком.

На следующий день мы продолжили марш. Добрались до великой «автострады». Наши ноги были непривычны к булыжникам, и им было больно. Но повозки катились легко. Несмотря на холод и скорость, с которой мы двигались, усталость вновь овладела нами, подобно наркозу. Иногда впереди мы видели прожектора, или парашютные ракеты, или взрывы бомб. В паузах между этими картинами был только ветер темной равнины, цокот копыт и грохот колес.

Когда небо на востоке стало зеленеть, мы свернули с дороги и вошли в деревню, которой предстояло стать нашей новой диспозицией. Прошлым утром прошли двадцать километров, пытаясь догнать отделение, теперь мы преодолели семьдесят. Между нами говоря, этого было вполне достаточно. Мы не возражали, если деревня состоит из жалких лачуг с клопами. Нам было все равно, будет ли она переполнена или нет, лишь бы там нашлось место приткнуться где-нибудь. Я взял свой ранец и одеяла и медленно направился в сторону красного солнца, к дому, где находилась наша штаб-квартира.

14 марта мы прошлись вдоль нашего нового рубежа, рубежа, который следовало удерживать. Его хорошо подготовили. Почти завершено строительство

блиндажей, и изучена местность. Это жалкий участок земли, не выделяющийся ничем примечательным. Но за этой линией деревни сожжены и врагу будет не очень-то уютно на оставленной нами территории. Наша собственная позиция хороша по сравнению с той, что досталась ему.

День за днем мы были на открытом воздухе под ослепительными лучами солнца, проходя через замерзшие поля, над которыми поднимаются № первые жаворонки. Мы не рассчитываем на боевой контакт с противником до восемнадцати.

В девять я надел свой шерстяной шлем, обмотал шарфом лицо, а на руки надел перчатки. Клочья падают с потолка прямо на шею. Они попадают на стол, коричневые и голодные, а в следующую минуту уже гуляют по кистям ваших рук. Лейтенант О. пронзает их иглой и держит над пламенем свечи, с отвращением кривя верхнюю губу. Потолок оклеен подборкой прошлогодних иллюстрированных газет вместе с отдельными номерами русских газет и оторванными полосами от обоев. Тут и едущий на нас автомобиль фюрера, и угрожающий нам Сталин с квадратной головой, улыбающиеся женщины и атакующие солдаты на полях сражений земли. Это как в тусклом зеркале, в котором запечатлелись все апокалиптические годы, схваченные как жуткое трупное окоченение.

Там на востоке противник атакует яростнее. Иногда шум битвы доносится сюда, и кажется, что знакомый глухой выстрел танковой пушки пробивает себе дорогу сквозь фронт. Мы нюхаем воздух и вдыхаем этот запах. Но противник пробирается через наш сектор очень медленно.

Сегодня он вошел в огневой контакт с нашими передовыми опорными пунктами, которые сдерживают его продвижение за собственно сторожевые заставы. Они там находятся, чтобы отвлечь внимание от нашего нового рубежа. Он пока еще не совсем в радиусе действия наших гаубиц, но пушки наши могут его достать, и ночью воздушный корректировщик поднимается и направляет их огонь, ориентируясь на огни лагеря русских, которые выделяются на фоне пустынной местности.

Противник не может обойтись без этих огней. В таком суровом климате без крыши над головой, все время шагая в неизвестность, постоянно без сухой обуви и сухой одежды, без поставок хлеба и с орудиями, которые не продвигаются вперед, потому что мосты взорваны и дороги разбиты немецкими колоннами. Так что приходится зажигать ночью огни, а из-за чрезмерной усталости не приходит в голову, что кто-то, как зловредное насекомое, летает в небе, направляя снаряды так, чтобы они ложились на огни.

Звезды меркнут во взметнувшемся вверх огне, заполнившем млечно-синее небо. И снова несравненный калейдоскоп цветов от огней последних из оставшихся деревень перед главным огненным рубежом. Воздух настолько неподвижен, что почти ощущаешь ужасный жар. Затем, через несколько часов, огни меркнут и исчезают в синеве ночи, придавая ей темно-красный и фиолетовый оттенки.

22 марта 1943 года мне было присвоено звание лейтенанта, которое считалось действующим с 1 марта. Еще не было уточнено мое старшинство в ранге, но в настоящий момент мне дали в подчинение отделение артиллерийской

инструментальной разведки в старом полку.

В последние несколько дней противник медленно просачивается в районы, которые мы для него подготовили. Вечером 21-го роты на передовых опорных пунктах были оттянуты назад к общей линии обороны, и теперь мы начали артобстрел. Сегодня ночью впервые небольшая группа противника обошла аванпост и ринулась на наши проволочные заграждения. Они потеряли восемнадцать человек убитыми, и еще двое были взяты в плен. Постепенно фронт оживает. Вступают в бой пулеметы, минометы и противотанковые орудия противника. Наши собственные орудия заглушают все. Их грохот мощнее, чем что бы то ни было, а траектории полета снарядов направлены на цель, подобно лучам солнца, сфокусированным в линзе.

Сегодня одной из наших сторожевых застав был захвачен офицер штаба артиллерии русских. Штабисты ехали вслепую на одну из позиций на грузовике. К несчастью, они уже миновали пулеметные позиции и были расстреляны, так что грузовик был разбит вдребезги. Однако один из них – адъютант одного из высших офицерских чинов в артиллерии – сдался нам; он выдал нам важные детали о противнике, так же как и обнадеживающие подробности об успехе нашей обороны.

Конец марта. Дует влажный ветер при низко нависших облаках, и в траншеях полно воды. Снег с каждым днем становится все более скудным. Как только оттаивает верхний слой почвы, снег растворяется в грязной жиже и нависает над твердой землей под ним. Доставка боеприпасов становится затруднительной. Тяжело приходится лошадям. Наши ежедневные затраты в десять раз выше, чем у

противника, который пока что успел подтянуть несколько легких пехотных орудий. Сегодня мы снимаем наш аванпост.

Я сижу здесь и записываю все это для военного дневника части. События, даты, действующие лица. Это не захватывающая работа. Тут на столе подборки и замечания, накопившиеся за месяц, а маленькая пишущая машинка стоит посередине в ожидании работы. Сегодня мне вовсе не хочется этим заниматься. Маленький клоп бежит через стол при дневном свете, и вот от него уже остается только красное пятно. Но их еще очень много, крошечных, подвижных, таких же маленьких, как осенние паучки, и темных, мерзких, которых мы прокалываем и чьи брюшки разбухают на пламени свечи, прежде чем лопнуть. Часто мы вскакиваем со стульев и срываем с себя кители, потому что все-таки еще один маленький мерзавец сидит на стойке воротника.

Моя депрессия продолжалась до тех пор, пока меня не развлек разговор одного из солдат в соседней комнате с Вильгельмом, нашим добровольным помощником. Вильгельму пятнадцать лет, и он присоединился к нам в Ржеве. Он убежал от матери, и теперь немецкие солдаты воспитывают его по-своему – грубовато и по-отечески. Они разговаривают с ним на своем языке, и слушать это забавно. «Куда это годится? – говорят они ему. – Когда ты умывался в последний раз? Вчера? Иди умываться! Пойди принеси воды, эй ты, русский!» И Вильгельм смеется и уходит. Он подросток, и лицо его заметно округлилось.

Он смеется, и у него сужаются глаза, а ночью он спит у ног солдат сном пятнадцатилетнего.

Иногда говорят, что война делает людей недисциплинированными и

жестокими, что солдатам бывает трудно однажды вернуться к размеренной жизни. Это чепуха. Это верно, что война нарушила прежний порядок вещей внутри нас и потребовала переоценки ценностей. Она притупила нашу чувствительность подобно тому, как все замораживает мороз. Но столь же правомерно сказать, что она делает людей проще и лучше, что она очищает душу, потому что война открыла нам ценности, которые имеют значение, когда все остальное рушится, такие как человечность, сопереживание, товарищеские отношения между людьми.

С трех часов утра наш телефон трезвонит не переставая. Неприятель атакует по всей линии фронта. Он как будто не понимает, что теперь наступает на рубеж, который будет удерживаться. Иначе не объяснить его жалких усилий. Это верно, что активизировалась артиллерия, ведущая интенсивный огонь, и его «катюши» тоже уже подтянуты. Но вряд ли он может позволить себе достаточно большой расход боеприпасов, чтобы вести продолжительный обстрел. Невозможно организовать систему снабжения в течение одних только суток на опустошенной местности с взорванными мостами, подорванными железнодорожными путями и с дорогами, утопающими в грязи. Так что пусть подходит. Мы не обеспокоены.

В течение ночи небольшие силы противника прорвались на нашу позицию и были отброшены контратакой тридцать минут спустя. Все прочие атаки были отбиты, и с середины дня иван немного успокоился.

Наши наблюдатели имеют возможность просматривать дороги снабжения и районы сосредоточения противника; воздушное наблюдение, которое ведется с утра, довершает остальное. Пока поступают боеприпасы, у нас большой простор

для действий; Иван ни разу не мог сказать свое слово в ответ. Его дивизии – это те самые, которые встретили нас у Ржева, и еще несколько. Все говорило о том, что их пять плюс два артиллерийских полка. Артиллеристы за последние несколько дней подвезли солидное число орудий, но стрелковые дивизии плохо оснащены артиллерией. В любом случае Ивану следует знать, что у него ее недостаточно для штурма, даже если он рассчитывает на жалкие остатки танковой бригады, о которых едва ли стоит говорить. Для того чтобы мы могли воспринимать его серьезно, ему придется подтянуть гораздо больше пушек и не экономить на бронетехнике.

Поскольку я был предоставлен самому себе в эти утренние часы, то подумал, что мог бы воспользоваться машинкой для беседы с тобой. Не нужно слишком ломать голову, когда печатаешь, и обстановка так подходит для этого нынешним утром, когда наконец подул свежий ветер и вновь засветило бледное солнце. Желтое прошлогоднее жнивье образует цветные пятна на полях, и на них, прежних колхозных полях, появились первые ростки. Последние островки снега в теневых местах уже не в счет.

Это такие дни в году, когда мы вдруг ощущаем, что силы природы опять в действии, что наше поле тоже опять будет вспахано, чтобы приносить новый урожай. Это проявление милости Божьей после прошлых забытых Богом месяцев. И сегодня поэтому у меня легко на сердце.

По ту сторону, на вершине коричневого холма, два человека ходят с тяжелыми жердями. Они несут их на согнутых спинах, и жерди через их головы концами направлены в небо, подобно жердям местных колодцев-журавлей. Все

это производит на меня впечатление настолько, что достойно того, чтобы написать и рассказать тебе об этом. Не знаю, интересно ли тебе об этом узнать, о черной, глубокой борозде, которую проделал трактор на этом бедном поле жнивья, о маленьком оазисе тепла на дне русла высохшей речки, о жаворонке над полем или о цветущем кусте орешника. Знаю только, что они могут сказать мне кое-что в этой сельской местности, которая так скупа на красоты. «Как ты можешь так долго выдерживать пребывание здесь?» – спросил меня один из прибывших с Южного фронта некоторое время назад. Но это очень просто: если у тебя нет изобилия, приходится довольствоваться малым, и один цветок может значить больше, чем целая цветочная клумба.

Четыре недели мы занимались строительством штаб-квартиры. Сегодня мы переехали. Это не единственное приличное здание в здешнем районе, но оно выглядит весьма недурно, расположенное на южном склоне небольшой низины. Три комнаты соединены коридором со стороны долины. Окна выходят на юг, и между ними две траншеи подходов, ровно скошенные в уклон, так что если брать вид снаружи, то во всем этом есть определенная архитектурная гармония. Местность имеет небольшой уклон назад в сторону маленькой речки. Через уклон проложена тропа, связывающая штабы с блиндажами с каждой стороны.

Мастерство плотников проявилось при завершении строительства блиндажей. Резчик по дереву из горного района Рён смастерил столы, двери, вешалки для одежды и удобное сидячее место в углу. Стены покрыты мешковиной, скрепленной поперечными березовыми рейками, прочной серой бумагой был обклеен потолок, а в стенах – ниши для книг. Все это выполнено в

простом и непритязательном своеобразном стиле. В командном посту есть планшетный стол, настенные карты и телефоны. В двух других землянках есть жилые и спальные помещения. Они чисты, светлы и просторны. Наша землянка становится все лучше и лучше.

Теперь мы находим вполне естественным по прибытии куда-либо поселиться в лесах или на полях. В прежние дни мы думали, что для этого требуется только дом.

Мы попросили семян цветов и собирались также сажать овощи. Мы уже посадили молодые ели и кустарники. Солдатам, как правило, не приходится пользоваться урожаем, собранным с посаженных ими фруктовых деревьев; война и сельское хозяйство – разные вещи. Но как бы то ни было, стоит начать. Это так интересно.

Воздух легкий и свежий, все утопает в солнце, так же как и в пении птиц. Ветер подобен младшему брату. Это чудесные дни между морозом и жарой, холодные ночи и гнетущие вечера, когда тучи комаров поют нам серенады. Это те дни в году, которые открывают перспективу. Грязь уже подсыхает, твердеет и трескается, как штукатурка. Скоро она будет крошиться в песок под ногами, колесами и копытами. Первое облако пыли уже вздымается над «автострадой».

24 апреля 1943 года. Вчера впервые температура была почти восемнадцать градусов. Лейтенант фон Рюле поехал к поместью, которое когда-то принадлежало его двоюродному дедушке. Он сорвал несколько диких цветов в парке, нежные голубые ветреницы с прозрачными листьями и белыми пестиками. Солнце пробивается через наши окна, заливая светом планшетный стол. П.

вносит последние коррективы в нашу топографическую карту, которая охватывает восемнадцать километров. Он посыпает карту пылью с сапог, так что акварельная краска, которую мы используем, чтобы замазать ошибочные пометки, не растекается. У него свой собственный метод, одна из наших многих кустарных техник.

Фронт спокоен. Если и ведется стрельба, то стреляют наши.

У нас довольно много работы. Связанная с воздушной разведкой наша радиостанция вчера вела прием с 1.00 до 3.00 и с 5.00 до 18.00. Она часто осуществляет управление огнем трех батарей по трем различным целям одновременно. Судя по сообщениям наших собственных наблюдателей и показаниям дезертиров, результаты огня превосходны.

В честь Пасхи мы украсили наши спальные апартаменты березовыми гирляндами. Мы развесили несколько картинок и прикрепили пару ваз к стенам. Одна из них представляла собой маленькую металлическую кружку, которая держалась на трех карандашах, другая – старую консервную банку, которую я обернул бумагой. Мы поставили в них веточки орешника, листья которого тянутся к свету.

Мы можем удобно лежать на своих соломенных матрацах, постеленных на самодельные кровати. У нас даже есть по куску белой льняной ткани на каждого плюс покрывало с синим штемпелем и наволочка. Ночью я могу снимать брюки и ложиться спать в одной рубашке. Может быть, вам нелегко понять, что это значит, но могу сказать вам, что каждую ночь я ложусь спать с чувством благодарности за это.

Итак, Пасхальное воскресенье. Оно может быть таким. Солдаты лежат в траве в низине или сидят на корточках, щурясь на свет и смеясь грубым шуткам участников концерта. Солнце собирается тут, как будто его поймали в углубление огромных ладоней. Упругий воздух вибрирует в солнечном свете. За низиной поднимается зерновое поле. Можно видеть нежные зеленые ростки, с каждым днем поднимающиеся все выше. Они дышат во влажном, теплом воздухе, и зелень становится темнее. В березовых рощах первые пробившиеся молодые листочки контрастируют с унылым серым фоном. Как будто на них повеяло дыханием жизни.

На многих полях все еще лежит желтая и сухая, как волосы старика, прошлогодняя трава, но под ней мощно пробиваются новые ростки. Сегодня первые весенние грозы прокатились по земле при меняющемся свете. Они кажутся более короткими и жестокими, чем у нас дома, но, может быть, это потому, что мы можем наблюдать их во всей красе. Они заполняют все небо своей поразительной мощностью, властвуя надо всей местностью, так что когда они уходят, то их дыхание распространяется вокруг во всем своем великолепии. Как-то раз огромные градины посыпались на дорогу, но потом над влажной землей обильно поднялся пар, и она блестела как лошадь после доброй скачки. Скоро мы вспашем землю и посеем зерна, даже здесь, на линии фронта.

Наша жизнь делится на периоды. Когда годы уходят, безвозвратно, навсегда, остается только сжимать зубы. Наивно полагать, что нам воздастся за них. Потому что все нереализованные возможности за прошедший период навсегда утеряны безвозвратно.

Никто не сеет летом. Но, может быть, наивно также обсуждать и это. Я говорю себе так потому, что в этой войне, более чем в какой-либо другой до этого, мысли вращаются вокруг значения того, что происходит. Мое собственное мнение далеко не однозначно. Но здесь, в одной из величайших глав истории человечества, определенно должен в окончательном виде быть продемонстрирован прусский дух. При этом лучшая часть немцев стоит перед лицом неизбежности, не закрывая на нее глаза. И эту неизбежность они воспринимают как неотвратимый призыв, который в одном важном отношении превосходит то, что требовалось от солдат в 1914 году. Мы переживаем леденящий душу эксперимент.

Мы подтянулись к нашему передовому эшелону. Солнце улыбалось, а срывавшийся ветер радостно хлопал вокруг нас. Вереница мотоциклов перемахнула через дорогу, по которой шли повозки, и повернула к «автостраде». Франц Вольф спешил, и при тихо урчащем моторе мы скатились через корни под последними высокими елями. Затем мы выключили мотор. Ветер стих. Солнце по диагонали падало на деревья и заливало лагерь волной света. Стоял запах смолы и лошадей. Пространство между стойлами было чисто подметено. Блокгаузы и круглые палатки мирно лежали, расположенные по периметру. Посередине было открытое пространство, где наемники были собраны для «приведения к присяге»¹¹. Они выглядели опрятно в своих кителях с белыми нарукавными повязками и пилотках без эмблемы. Чистые и накормленные.

Переводчиком был молодой русский. Он тихо появился из лесу, его винтовка

---

¹¹ Наемники, завербованные среди русских заключенных и приданные действующим немецким частям для

свободно висела на плече, чистое загорелое лицо, расстегнутый воротничок и движения как у зверя – сочетание выносливости и ловкости. Он говорил хорошо, отрывая голову от записей и подкрепляя слова жестами. Наемники стояли одетыми на открытом пространстве и слушали с напряженным вниманием. «Это правда, то, что я вам зачитывал?» – спросил он. «Правда, – кивали они, – все так и есть». Их лица окаменели. Они присягнули без колебаний, связывая себя обязательством верно служить, так же как они служили, когда присоединились к нам или когда были взяты в плен, на обратном пути в Смоленске, или Калинин, или Ржеве. Они знали, что это была неплохая сделка. За ними только нужно было присматривать.

Но они говорили, что у них есть вопросы: и я сказал: «Выкладывайте».

Находятся ли они теперь в равном положении с немецкими солдатами? – спрашивали некоторые из них. Они думали о норме выдачи шнапса: это нетрудно было прочесть по их лицам. И я спросил через переводчика, бывали ли они когда-либо голодны за все время пребывания с нами. Они засмеялись, смеялись все – и мы уже были друзьями. Другие спрашивали, не могут ли они быть переданы армии Власова¹², и они настаивали на ответе на этот вопрос. Их было немного, но они были лучшими; они были людьми, на которых стоило посмотреть, их вопросы были четкими и ясными, а своими заскорузлыми руками они расписались бегло и с решительностью, которой никогда бы от них не ждали.

Солнечный свет пробивался через ели, зяблики помахивали своими

восполнения нехватки в личном составе.

¹² Армия Власова – армия русских добровольцев, создаваемая под руководством бывшего советского генерала Власова. Идея принадлежала Гитлеру.

хвостиками, а синицы оживленно чирикали в ветвях, когда мы сидели у маленькой избушки в лесу и долго беседовали о многом в связи со всем этим.

Глава 13.

Остров на ладони Бога

Между апрелем и июлем воцарилось временное затишье. Русские, наступление которых остановилось, ожидали, что немцы первыми двинутся в летнее наступление. Однако немцам понадобилось три месяца для того, чтобы собрать необходимые резервы.

С фон Рюле я был в пути холодным майским утром. Когда мы спустились под уклон, леса и деревни, которые были нашими ориентирами, исчезли, чтобы появиться вновь за гребнем холма, когда лошади оказались на противоположном его склоне. Затем вновь появилось ощущение широты. Мы всегда в центре этого необъятного ландшафта. Седло скрипит, чувствуешь тепло лошади между ногами, глаза блуждают бесцельно.

Через час пути мы увидим церковь, купол которой оканчивается круглой маковкой, возвышаясь надо всем подворьем. Так было в Сысоеве, когда-то загородном поместье одного из русских князей, позднее поместье двоюродного дедушки моего спутника. Некоторые стойла все еще стояли. Штукатурка крошилась со стен, но они были массивными и широкими и сложены из камня – свидетели былого процветания. Ничего не было сделано с тех пор. Возведение

уродливого бетонного сарая было все, что сделала для модернизации подворья совхозная администрация. Потом на все это обрушилась война.

Но что за поместье тут было когда-то. Развалины двух дюжин крупных зданий, не считая деревянных домов, были разбросаны на площади в сто двадцать акров. Между конюшнями и сельскохозяйственными постройками дорога вела вверх к дому, который стоял на южном конце владения в парке. Это было одноэтажное здание. Даже сегодня остатки величественных стен образуют полукруг вокруг лужайки с аллеей из молодых лип. Прямо перед ней стоял гостевой дом. К востоку узкая улица вилась между маленькими домами к церкви, которая относилась к владению. Она стояла на краю территории, так что не открывался вид вдаль и человек находил покой в определенности и укрытии.

В свой первый визит фон Р. уже нашел старика, который помнил его двоюродного дедушку: «Ах, старое время, господин!» Босоногие дети приветствовали нас, девочки смеялись, мужчины отрывались от своей работы. «Здравствуйте», – говорили старики. Молодые улыбались нам и говорили: «Доброе утро».

Мы в восторге ехали через парк, по главной аллее, ведущей от дома к Днепровской равнине. Старые деревья обрамляли ее, образуя темный туннель, который открылся только далеко внизу на залитых солнцем полях. Справа и слева ягодные кустарники и лужайки проглядывали между деревьями, в окружении потрепанных непогодой дубов, елей, лип и сосен. Воздух двигался нежными волнами, жужжали насекомые, а птицы порхали, оживленно щебеча. Сладкий горошек, лютики, крапива и ветреницы цвели вдоль петляющих троп. Воздух был

неподвижен. Комары пищали вокруг в чаще. И все же среди всей пышной растительности чувствовалась хозяйская рука человека, который когда-то был тут владельцем.

И снова мы стоим на высоком холме, головы лошадей покоятся на наших плечах, пока мы наблюдаем, как облака проплывают над залитым солнцем деревенским ландшафтом. Будет ли так, что Бог вернет нам землю с тем, чтобы мы снова могли на ней работать?

Какими же насыщенными были эти дни! Вчера с короткими перерывами я был верхом на коне с половины второго до половины десятого вечера. Сначала оказался в эшелоне, чтобы присмотреть за лошадьми и проверить, как идет работа. Затем в районе номер 2 – посмотреть, готов ли салат к нарезке и как будет распределена редиска. Мне нужно было также организовать раздачу салата сегодня и проследить, получают ли гражданские лица компенсацию продовольствием, как я велел. Наконец, мне нужно было поговорить там со своим человеком об очень трудной проблеме в его личной жизни. Я вернулся сюда, чтобы дать оценку результатам своего визита, и полчаса провел за чашкой кофе с Ветом.

Затем я ездил с одним из наших начальников, теологом, в полевое кино. Это была прогулка пешком и езда верхом, ходьба и опять езда верхом. За десять минут до начала сеанса я соскочил с запаренной лошади и поздоровался за руку с Гейни Штойбингом, занявшим для нас места. Изба была переполнена до отказа. Через две минуты возле меня сел генерал. Меня приветствовали мои ребята-сорванцы. Я дал им возможность пройти; они прошагали семь километров

и, следуя моему совету, проскользнули без билетов. Обрато с урчащим животом: ходьба, рысь, галоп: не упади, маленькая лошадка! Опустились сумерки, подозрительная возня, оборванный телефонный провод. Мы все время перемещались взад-вперед по местности. Треск, грохот – «бум»! Противотанковое орудие. Пулеметы – музыка линии фронта; орудия в ночи – притихшие нахохлившиеся животные, часовые, стоящие во весь рост, подпирая светлое небо. Мы скакали дальше – по проселочной дороге, потом мост. Врен наострил уши, мы были уже у конюшни. Прибежал мой ординарец, распознал стук копыт моего коня в ночи.

Это было зимой 1941 года. Капитан Г. ехал впереди батареи. Было очень холодно. Он вошел в дом, чтобы обогреться. «Холодно», – сказал он, потирая руки. «Можете говорить по-немецки», – ответила женщина, вышедшая к нему из темной комнаты. Они начали разговаривать. Она сказала, что пять лет работала в поместье в Гольштейне. «Но как вы можете жить здесь с одной кроватью, тремя кастрюлями, парой вилок и ножом, теперь, когда вы знаете, как живут в Германии?» – «Все-таки живем», – отвечала женщина...

На днях мы были в помещении для постоя. «Ольга, хочешь посмотреть фотографии? Иди сюда, я покажу тебе несколько снимков!» – сказал мой спутник. Ольга тут же подошла. Она хотела больше узнать об этой возбуждающей любопытство Германии, о которой она так много слышала. «Смотри, это моя дочь, ей теперь уже семь месяцев», – объяснял мой спутник. «Хорошо», – сказала Ольга, ее женская любовь к детям на мгновение заставила ее оттаять. «Но это не тот же ребенок, – вдруг сказала она, взяв другой снимок. – Этот – гораздо больше,

чем первый».

«Но, Ольга, – сказал мой товарищ, – второй снимок сделан с более близкого расстояния. Разве ты этого не видишь?»

Она посмотрела на него с сомнением, немного качая головой и вновь внимательно изучая фото. «Это твоя жена? Милая, – сказала критически. – А тут не она», – заметила, взяв следующую фотографию. «Почему это?» – «Нет, – засмеялась Ольга, – вы пытаетесь меня разыграть. На этой фотографии у нее совершенно другая сумочка. Видите, вы ошиблись».

Она с сомнением слушала его объяснения. Не могла этому поверить. Мы задумчиво посмотрели на девушку. Затем оглянулись вокруг, осмотрев избу, эту комнату русской крестьянки, которая когда-то была темной и затхлой, а теперь, благодаря немецким солдатам, превратилась в чистое помещение. И мы знали, что нам все еще предстоял длинный путь.

Мы были в эшелоне, инспектируя экипировку. Командир батареи проверял наемников. «Где твой китель, Алексей?» – «У портного, господин». – «Ступай и принеси его». Алексей молодцевато развернулся и исчез как молния. Он вернулся через секунду, щелкнул каблуками и задержал дыхание. Оно не выдавало того, что перед этим он мчался изо всех сил. Алексей – полный энтузиазма солдат. Он пришил кокарду на свою пилотку; его честь была бы глубоко задета, если бы мы заставили ее снять. Он носит свою форму в своей собственной манере, но носит с гордостью ребенка. Он носит брючный пояс и сдвинул вниз верх голенища своих сапог так, что кожа лежала гармошкой вокруг его лодыжек. Шпоры он носит высоко, в казацкой манере. Отговорить его от этого трудно. Даже плохо

подогнанный китель и брюки не могут скрыть гибкости его стана. Он не прост. Когда вернулся после принятия присяги, то сказал: «Я не останусь надолго с батареей, я собираюсь к Власову. Вот увидите, я там буду».

Еще через две деревни мы встретили Григория. Ему было четырнадцать лет. Его подобрали во время скитаний во главе двух женщин с двумя детьми. Он пришел в штаб командира батареи так, будто мы были его старыми друзьями. «Куда вы идете?» – «Домой, господин, в Никитино». Он снял картуз, обнажив копну белокурых волос. Ясные глаза смеялись на чистом мальчишечьем лице. «Докьюменти?» – «Вот». Он положил бумаги и отступил назад, в настороженном и напряженном ожидании, пока мы рассматривали их. Вот он, все довольно верно: «Григорий Б. и мать Люба Б., дочь Мария; Валя С. с ребенком следуют из больницы в Смоленске в Никитино».

Григорий стоял впереди, другие позади него. «Спокойно, мать!» – сказал он, когда женщина за его спиной порывалась выйти вперед. Он не обернулся, а просто сделал нетерпеливый знак рукой. Глаза матери выражали большое чувство гордости за своего сына. «В порядке?» – спросил он. И это звучало так, что иначе и быть не могло. «В порядке, Григорий, – кивнул офицер. – Сигарету?»

Затем напряженность на мгновение спала с его лица, глаза оживились, и он перегнулся через плечи офицеров, чтобы взять огонюк у командира батареи. Он отступил назад и затаился сигаретой, как человек, умирающий от жажды. Затем начал говорить. Его ответы следовали быстро, и на вопросы личного характера, которые мы задавали, он отвечал откровенно.

Затем он сказал: «Ну!» – и дотронулся до своего картуза, полный

достоинства от доверительного разговора как мужчина с женщиной, и вышел из комнаты, чтобы занять предназначенное для него помещение. Выглядело забавно и по-мальчишески выражение, которое приобрело его лицо. Но Григорий, как мужчина, уже отправил женщин вперед. Вспомнив о своих обязанностях, он вернулся: не найдется ли у нас немного картошки для них? Да, он может взять немного. Как насчет хлеба? С этим не так просто, сказали ему.

Он не выражал недовольства, как иногда делают в этой стране; не рассказывал нам длинной истории об их страданиях. Он просто посмотрел на нас и сказал: «Двести граммов!»

Двести граммов; это означало: хозяин, вы ведь знаете, что нам нечего есть, не так ли? Я знаю, идет война, но не прошу много для пяти человек. Мы привыкли к трудной жизни. Не наша вина, что нам нечего есть.

Стоит ли говорить, что он получил свой хлеб – и что командир батареи отрезал его, взяв из своего пайка?

* * *

Не могу не вспомнить, как часто в первое лето войны мы встречали чистосердечное гостеприимство у русских крестьян, как даже без просьб они выставляли перед нами свое скромное угощение, потому что мы пришли к ним уставшими и изнемогающими от жажды и жгучего солнца. Вспоминаю многочисленные случаи, когда на скромное дружелюбие отвечали молчаливой

преданностью. Я вновь увидел на изможденном лице женщины слезы, выражавшие всю тяжесть ее страдания, когда дал ее ребенку конфету. Я чувствовал на своих волосах старческую руку бабушки, когда она принимала меня, первого ужасного солдата, с многочисленными поклонами и старомодным целованием руки.

Как же переполнялось радостью ее сердце оттого, что мне нравилась ее еда и я сказал ей, что было очень вкусно. И опять же, я вспоминаю человека, который так гордился, что принимает нас, в тот день, когда мы сильно отстали от своей батареи с нашими изможденными лошадьми и укрылись от грозы в деревне в стороне от главной дороги. Он присмотрел за лошадьми и распределил нас на обед в лучшие семьи деревни – все потому, что однажды ему довелось провести четыре года в качестве военнопленного в Германии. Он рассказывал нам о своей молодости. «В Сибири, – говорил он, – крестьяне оставляют свои дома незапертыми, даже если они работают в поле, а на столе всегда есть хлеб и соль для любого, кто следует мимо. Вечером на подоконнике всегда лежит еда для беглых каторжников, возвращающихся домой». Он пил и пел заунывные песни; все эти люди тоскуют по дому.

Нужно наблюдать за ними таким образом в течение часа, чтобы узнать, на какое уважение и на какую преданность они способны, и почувствовать ту душевную простоту, от которой исходят все их действия.

Они помогают так естественно и преданно, что не прекращаешь удивляться. Пожилая женщина сама добровольно берется помыть котелки. Старику с курчавыми волосами и всклокоченной бородой достаточно лишь слова, чтобы он

сходил за водой; он приносит ее в невероятно большом количестве. Он делает все, что нам нужно, и с извиняющейся улыбкой останавливается, чтобы согреть озябшие руки, смахивая в печку крупные сосульки со своей бороды. «Извините меня, господин, я стар». – Он печально улыбается. Они убирают снег, рубят дрова, чистят картошку, втыкают ветки по обеим сторонам тропинок. Все идет гладко и само собой.

На батарее у нас несколько пленных, которые присматривают за лошадьми и помогают при полевой кухне. Они носят белые нарукавные повязки и имеют удостоверения личности. Кажется, им и в голову не приходит, что может быть по-иному. Старик сидит позади меня в углу и с чувством благодарности курит самокрутку из газеты и табака от наших окурков. Они сидят позади нас и едят ложками свой суп, которым мы, по их понятиям, пренебрегаем. И они не видят в этом ничего предосудительного. Никаких угрюмых взглядов, ни малейшего антагонизма. «Спасибо, пан». Они говорят это за любую сделанную для них мелочь. Счастливые глаза детей и низкий поклон за малейший подарок: германский солдат – хорошо.

Мы сжигаем их дома, мы уводим у них последнюю корову из сарая и забираем последнюю картошку из погребов. Мы снимаем с них валенки, нередко на них кричат и с ними грубо обращаются. Однако они всегда собирают свои узлы и уходят с нами, из Калинина и из всех деревень вдоль дороги. Мы выделяем особую команду, чтобы увести их в тыл. Все, что угодно, только бы не быть на другой стороне! Что за раскольничество, что за контраст! Что должны были пережить эти люди! Какой же должна быть миссия по возвращению им

порядка и мира, обеспечению их работой и хлебом!

Быстро пролетели дни без большого напряжения. Но многое происходит внутри нас, и я лишь желаю, чтобы мне хватило времени обо всем этом написать. Однако я в полном порядке: здоровье у меня – лучше не бывает.

Наш огород превосходен. Салат-латук еще немного голубоватый, потому что ночи – холодные. Но все подрастает, разве что несколько медленно, а пока у нас есть прекрасный вид шпината из крапивы. Мне следовало бы написать диссертацию по огородничеству. Но ведь так много всего, что ожидает, чтобы о нем написали, а время поделено на огромное число маленьких отрезков.

Вечер, закончился еще один день маленьких радостей и забот, если считать маленькой радостью чувство, что вкладываешь всего себя в то, чтобы вести за собой людей. Это задача, требующая постоянной готовности, доброты, крепкой хватки и интуитивного ощущения самого важного. Какая смесь мудрости и твердости необходима для того, чтобы командовать в третий год войны! Но и что за профессия! Она наполняет меня счастьем от ощущения того, что я могу столько сил отдать на благо, что люди приходят ко мне с доверием. Их лица просветляются, когда они видят меня, и они оживляются и чувствуют себя уверенней, когда я прохожу мимо со словами приветствия. Нужно найти подходящее слово в данный момент. Как же ты права, мама. Когда я все это записываю, я вспоминаю, что это как раз то, о чем ты сама говорила.

Воскресенье. В последние три дня я временно командовал штабом батареи. Рано утром я ехал верхом вдоль телефонной линии связи к 12-й, чтобы «принять ванну». У меня было вполне достаточно времени для этого у траншеи, где Врен

три раза вставал на дыбки на своих задних ногах, прежде чем перескочить через нее, дрожа и тяжело дыша. Впервые мы боролись друг с другом четверть часа, прежде чем он сдался. Оба мы потом были насквозь мокрые.

Едва успели покинуть артиллерийскую позицию, когда она была подвергнута интенсивному обстрелу тяжелыми орудиями противника. Куски и комья земли падали в воду справа и слева от брода, где мы нашли укрытие. Когда я отпустил поводья во время перерыва в обстреле, конь поднялся по склону и перемахнул через траншею без колебаний.

Позднее я прошел по землянкам и встретил унтер-офицера Карла, который два дня назад вернулся в часть с задания, потребовавшего его отсутствия в течение почти года. Карл – высокий белокурый парень, который может служить примером хорошего товарища и хорошего солдата. «Ну что, хорошо вернуться в старую компанию?» – спросил я его. «Господин, – сказал он, подыскивая подходящие слова, – когда вернулся, то заметил это сразу, и ребята так же говорят: тут теперь совершенно другая атмосфера».

Разве не стоит вести такую жизнь, как эта? Мои дни так насыщены, что кажется, что они надвигаются друг на друга. Мой отпуск уже давно позади, и, хотя иногда меня гложет тоска, я скоро это преодолею. Каждый день мы заново ощущаем, что это лето для нас подарок. Мы живем сегодняшним днем.

Я лежал на склоне у землянки. Середина дня. Одеяло подо мной стало горячим. Не было ни ветерка. Насекомые, поблескивая хитином, носились в воздухе. Они издавали нежные жужжащие звуки, подобно органу. Мои мысли уносились в волнах светлого пурпура, и мечты подняли свои красные паруса.

Не знаю, как долго я там лежал, когда телефонная трубка соскочила с аппарата и ударила меня по плечу. Я вскочил, шатаюсь в полудреме. Что это было? Было ли это черно-белое козлиное лицо Пана, нависшее надо мной со злобным оскалом? Он был недвижим, уставившись на меня своими желтыми глазами и насмешливо улыбаясь, окруженный покачивающейся травой, а ветер развеивал его редкую бороду.

Бог-козел Пан, ты ставишь на карту этот дальний Восток? Но затем подал голос телефон и я осознал, что это был всего лишь наш маленький козел. Он запрыгал и поскакал прочь за своим приемным отцом, пока его тонкое бляение не смолкло в полуденном зное. Я проследил за ним взглядом, улыбаясь, и снял трубку. «...Привет, Свирель». – «Это Лютня?» – «Готовьтесь к бою!» И свирель бога-козла заглушило «пение» наших больших пушек.

Я брел по жаре к нашему огороду. Он разбит среди диких лугов, как остров на ладони Господа Бога. Я чувствовал прикосновение земли своими босыми ногами. Странно, что можно устраивать огороды здесь, на линии фронта, и мы этому благодарны. Лица людей расслаблены и умиротворенны, когда они наклоняются над растениями. Нам всегда недоставало в нашем рационе салата и овощей, и было делом холодного расчета засадить овсом и картофелем сто двадцать акров земли в районе развертывания эшелона.

Но радость от работы очевидна, и у многих из нас были дополнительные семена, присланные из дома. Вечерами обитатели нашей землянки стояли вокруг своей маленькой цветочной клумбы и, прикрываясь грубоватой иронией, открывали друг другу потайные дверцы своих сердец. Для чего еще они сеяли

цветы? Любо-дорого смотреть, как они следят за тем, как прибавляют в росте подсолнухи, резеда, настурции, астры и скромные ноготки. Я знаю, что об этом уже говорилось, но безмятежность растений для человека имеет значение больше, чем когда-либо, в такое время, когда нарушен священный порядок вещей.

В обычные времена я бы пришел с букетом свежих цветов. Жаль, что не могу этого сделать. Не могу и бродить по этим полям, составляя самый великолепный букет, но зато я могу принести собственноручно выращенные цветы, нежные маки, которые утром раскрывают свои лепестки – красные, желтые и фиолетовые. Если бы я только мог привезти их вам! Вы знаете, как дома я набирал их, растущих в изобилии, и дарил всем, кто делил со мной эту радость.

По вечерам, когда растениям нужна вода, мы идем к небольшому ручейку с кувшинами и ведрами и поливаем их через жестянки с продырявленным дном. Низина наполняется смехом мужчин, выливающих воду друг другу на голову. В неподвижном воздухе комары в кустах исполняют свой танец за тонкой дымкой. Но они нам не слишком докучают, потому что постоянно дует ветерок, и ни одна фальшивая нота не нарушает этой великой симфонии воды и солнечного света, аромата трав и теплых ночей и этого мира, который воцарился над нашим сектором, как купол колокола.

Я был в лагере в лесу, когда получил свою почту, и у меня не было времени прочитать ее. Когда наконец удалось это сделать, мы успели проделать большой путь; и Врен и я спешили к дому. Поводья лежали на его шее, время от времени я отмахивался от комаров. Дорога образовывала черную полосу сквозь мокрую траву, протянувшуюся на земле по правую и по левую стороны – зеленого,

желтого и фиолетового цветов со светлыми вкраплениями колокольчиков и лютиков. Но когда я отложил лист бумаги, уже виднелись только красные метелки и щавель в лучах заходящего солнца, как бесчисленные маленькие сердечки.

Я пришпорил Врена.

Глава 14.

На столбовой дороге

В последнее время линия фронта противника оставалась практически неизменной. То же самое можно сказать в отношении его артиллерийских позиций, которые примерно равны нашим. Танки появлялись редко. Это самый спокойный сектор из всех, которые у нас только были. Но все равно активно действуют разведывательные отряды противника. В течение июня мы отогнали тридцать шесть из них, а 24 июня отбили атаку силой батальона к югу от Пышиенки, когда он потерял двести сорок из трехсот шестидесяти человек.

1 июля вражеский дозор из тридцати – сорока человек просочился сквозь позиции пехоты у выдвинутого аванпоста 12-й батареи. Атака была неожиданной и последовала после совсем короткой артподготовки, которую вели минометы и легкие орудия. Это было в 4.30. Пехота сделала временный отход от пункта проникновения. Линия передового наблюдения была нарушена, и наблюдателю пришлось бежать в штаб роты, чтобы вызвать огонь на позиции пехоты. Дозор противника привел в замешательство связистов в блиндаже, где они пытались

установить связь. Телефон был расстрелян вдребезги, и противник захватил его с собой. Радиооператору удалось спрятаться, но разведчики захватили радиостанцию и карту артиллерийского наблюдателя. Они также утащили с собой тело одного из наших мертвых пехотинцев. Они оставили одного из своих собственных убитых. Мы потратили восемьдесят семь снарядов, отбивая атаку. В траншее и перед проволокой заграждения в этот вечер насчитали двадцать восемь убитых со стороны противника.

Пожалуй, было бы принятием желаемого за действительное, если бы мы вообразили, что нас оставят в покое этим летом. Конечно, мы ошибались. И снова мы идем к тому, чтобы все подверглось коренному изменению. Не то чтобы мы этого избегали! У нас все еще есть скрытые силы, ускоряющие наше движение и придающие твердость нашим голосам, когда мы чувствуем опасность.

Впереди у нас лето и третья зима. Они не хотят примириться с мыслью о том, что им придется продолжать служить без отпуска. Сам я стою в стороне с легкой улыбкой и наблюдаю за ходом событий. Все идет по плану – плану, сотканному судьбой. Мы лишь только винтики. Век переживает свою болезнь. Поживем – увидим, хватит ли у него сил преодолеть хаос. Я сохраняю спокойствие – спокойствие, при котором не пытаешься бороться с ходом событий, а проходишь через них как бы трансформируясь, в результате чего ничто не меняется в нашем характере, за исключением того, что мы глубже постигаем себя.

Я не озабочен относительно себя самого, выпавшая на нашу долю жизнь проста, и всегда у тебя есть каждодневные обязанности. Меня только печалит, что вы будете испытывать боль, я боюсь, что вы можете устать и потерять душевный

покой. Я не устал. Черных моментов немного, и они случаются редко. Дивизия также не устала. Некоторые думают, что она измотана, но солдаты движимы только надеждой, надеждой и мечтой о доме. Они будут разочарованы. Дивизия измотана не более, чем любая другая. Нам не будет подмоги, я в этом уверен. Но лето будет более легким, и еще раз это будут цветы и травы вместо жары и пыли. Как очень удачно сказал Йо: «Некоторые видят изморозь, бледную луну и, может быть, кота, крадущегося в темноте; другие видят только мороз в кустах. В этом нет особой заслуги, это образ жизни. Нас просто сделали такими».

Это придает много сил. Я рад этому, Йо.

Немцы развернули наступление на Южный сектор 5 июля семнадцатую бронетанковыми дивизиями – все, что удалось собрать¹³. Русские, однако, ожидали за обширными минными полями, а их главные силы были оттянуты за линию фронта. В течение семи дней немцы подготавливали отход. Почти сразу же русские развернули контрнаступление, и к концу месяца оно охватило и Центральный сектор. В связи с этим дивизия Пабста, которая, судя по всему, находилась в резерве в районе Смоленска, спешно была переименована в Юго-Восточную и брошена на помощь, чтобы сдержать натиск русских, перерезавших коммуникации немцев за Орлом. Это предприятие имело некоторый успех, но Орел пришлось оставить 5 августа. Последовавший отход поначалу был неспешным, но приобрел беспорядочный характер, когда немцев стали донимать атаки с воздуха, партизаны и прорывавшиеся группы пехотинцев. Эти события умчали Пабста назад через Брянск, через Десну на северо-запад к

---

¹³ Речь идет о Курской битве – последнем большом наступлении Германии на Востоке.

автомагистрала Москва – Минск. Там, в оставшемся загадкой и не описанном им бою, он встретил свою смерть, которая так часто занимала его ум.

В 7.30 мы оставили Гридино и двинулись к «автостраде». Небо было в сплошной облачности, видимость плохой, и нас тихо поливал дождь. Мы в последний раз бросили взгляд на наши огороды и дружелюбные холмы, прежде чем наши транспортные средства изменили курс. Лошади неизменно шли впереди. Их бока округлились, и они лоснились после долгого отдыха. Мы двигались быстро. В 13.00 достигли Ярцева и остановились среди развалин больших зданий. Мы стояли на краю границы травяного покрова у жалкой дороги, обращенной к сохранившемуся основанию гипсового памятника, реликвии пролетарской культуры. Шел пар над полевой кухней. В 15.00 мы начали посадку на поезд. Наклонная платформа была достаточно широка для того, чтобы на ней поместились все машины боевого эшелона. Все проходило быстро. Вскоре все транспортные средства были закреплены деревянными крепителями и прикручены проволокой. Лошади были на своих платформах, по колону в сене. Между машинами возводились бивуаки, потому что места в сене возле лошадей для всех не хватало.

Северинов, русский наемник, пришел, чтобы попрощаться (по-видимому, санитар – не из тех, кто принимал присягу в качестве бойца). Переменчивая фортуна в перипетиях войны сделала его бездомным. Несколько недель он служил в части, а теперь хотел остаться со своей семьей, которая нашла работу в Ярцеве. К нам он пришел с тяжелым сердцем, молчаливый и замкнутый, и мне

пришло в голову, что он, должно быть, носит на душе тяжелый груз печальных воспоминаний. Он нашел в нас некую опору. Теперь, когда он стоял передо мной, его длинная костлявая рука еще раз пожала мою. В этом его пожатии было все, что он хотел бы выразить словами.

И все-таки он должен был что-то сказать, даже рискуя быть понятым мной лишь наполовину. Он произнес нечто вроде небольшой речи, при этом его рука слегка подрагивала, не желая отпустить мою, и все время он смотрел мне прямо в глаза. Его кадык поднимался и опускался в тощем горле, и, хотя я почти не понимал ни слова, я воспринимал смысл. И хорошо, что было именно так.

* * *

В 21.00 мы начали движение. Полчаса спустя я завалился спать и впервые проснулся как раз перед полночью.

Когда мы остановились в Р., я хорошо выспался с 4.00 до 6.00. Я умылся под струей воды из пожарного крана. По железному мосту, который пересекал дорогу, шли девушки с цветами в руках. Далее вдоль линии обороны были сторожевые посты за толстым частоколом в стиле краснокожих индейцев. Лесополоса по обеим сторонам дороги была вырублена, чтобы обеспечить поле обзора. Обгорелые ржавые останки хороших вагонов, пущенных под откос. Под прикрытием зенитных орудий многочисленные грузовые составы с боеприпасами и продовольствием катились на фронт. Порожние поезда двигались обратно.

Где-то пять молотилок стояли, будто забытые на запасном пути.

В восемь часов я увидел первые подсолнухи в Д. Они росли в огороде. Пейзаж открылся широкой панорамой, мы находились на пути к Б. У асе давно местность здесь была лишена лесов или других ориентиров. Степь уходила в бесконечность. Холмы мягко сглажены, как волны на поверхности моря в штиль. Время от времени попадались группы берез с печально висящими веточками, словно тонкий платок на плечах старой женщины. И в селениях деревья стояли небольшими кучками.

Деревни были разбросаны вокруг как попало, как будто их строители не вполне представляли, где же конец этой бесконечной страны. Район был разделен на зеленые и желтые полосы, и дома казались даже ниже среди картофельных грядок и колышущихся колосьев. Продуваемые ветрами, потрепанные непогодой, с провисшей соломенной крышей, они являют собой жалкое и плачевное зрелище в унылом свете дня.

Более крупные деревни, в которых стояло по несколько фабричных зданий, выглядели даже еще более безнадежными. Но были отдельные места, где потоки воды разрезали земляной пласт и образовывалась равнина – и даже очень небольшие потоки разрезали поразительно широкие пласты. Здесь можно неожиданно выйти на крутой склон с деревнями и кучками деревьев, и это придавало пейзажу более веселый вид.

Мы долгое время шли по этой стране, и паши лица вытянулись. Нехватка дров затрудняет ведение войны. Но к концу дня мы снова повеселели. Были леса, пусть даже леса на болоте. Мы удовлетворенно болтали ногами в открытых

дверях товарных вагонов. В конце концов, у нас не будет недостатка в лесе для строительства блиндажей и при устройстве артиллерийских позиций: Россия опять была в полном порядке. На станциях, как всегда, оборванные, босоногие дети попрошайничали: «Пан, дайте хлеба!» По странному контрасту, боевая техника последней модели катилась по дороге позади них. Огромные промышленные предприятия выросли вдруг среди лесов, и, даже если только высокие трубы стояли среди сгоревших сараев и груд камней, напряжение между двумя мирами было слишком очевидно – незамечаемая разница между башнями с балконами, подобными ласточкиным гнездам, и бедными соломенными лачугами крестьян. Но какое дело было нам до этого? Мы вели войну. В ближайшие недели у нас не будет времени на то, чтобы забивать голову подобными мыслями. Бутылка пошла по кругу. Н. высунулся из окна, его профиль выделялся на вечернем небе. Обветренная кожа плотно облегла его прекрасно скроенный череп. Это делало его похожим на скелет, на маску с выражением напряженной решимости.

* * *

Мы почти весь день провели в ожидании за пределами Б., высокие здания которого высятся над речными берегами. До наступления темноты мы музицировали на скрипке, кларнете, аккордеоне и на моей гитаре. Потом мы лежали в соломе, лишь просыпаясь и вновь засыпая с движением поезда.

В 4.00 мы достигли своего места назначения. Это было 31 июля. Мы посмотрели на запущенную станцию, единственной отличительной особенностью которой была наклонная платформа для погрузки боевой техники. Из леса появилась колонна повозок – одно транспортное средство за другим, лошади шли быстрой рысью и все время на одном расстоянии друг от друга. Они исчезли за следующим поворотом, как призраки из другого мира.

Мы разгрузили повозки и проследовали в деревню, где отдыхали до 7.30. Потом совершали длительный марш. Взору открылся ландшафт, более богатый и более обширный, чем показался вначале. Вет скакал рядом со мной и сказал, что это напоминает ему Украину.

Далеко впереди мы слышали глухой гул фронта, мощный и грозный, как в лучшие времена. Мы двигались с большими промежутками между транспортными средствами по жаре близкого дня. Все казалось таким знакомым: пот и песок, короткие передышки и озабоченность по поводу лошадей, жажда и остановки для приема пищи на обочине дороги. Эскадрильи истребителей с ревом пролетели мимо в голубом небе по направлению к противнику, а впереди в лесу виднелись темные клубы дыма от разрывов. Гроза разразилась с грохотом, но атмосфера оставалась гнетущей. Жара повисла над созревающими полями на обширной благодатной сельской местности. Везущие повозки лошади тяжело дышали, их грудь покрылась пеной от напряжения.

Большую часть времени я скакал впереди, следуя знакам, которые отмечали наш путь. Они вели нас вдоль «автострады» и далее через грунтовые дороги, пока в конце второй половины дня мы не достигли заброшенной деревни. Она лежала

на краю заболоченных лесов. Знаков больше не было, и мы остановились, не зная, как долго нам тут оставаться. Мы с сомнением смотрели на небо, рассредоточили и замаскировали транспортные средства и уводили лошадей, когда появились «ратае». Они вышли со стороны солнца и заявили о себе. Наши пулеметы ответили. Затем они ушли. Нам не было причинено никакого вреда. Но позади нас, на западе, были дым и огонь, а в километре впереди наш командир батареи застрял со своей машиной в болоте. Они разнесли батарею в клочья.

Мы провели там ночь, но ночь была коротка. В 2.30 опять были на марше, двигаясь назад по той же дороге, по которой пришли, потому что непосредственно впереди не было прохода. Нам потребовался целый день пути, чтобы достичь места, находящегося в семи километрах, если лететь, как вороны, по прямой, и завершили свой путь на плацдарме, который наши войска отбили за день до этого.

Ситуация во многом была неясной. Я уже заметил по пути, что было не так много отрядов снабжения, которые обычно находишь за основным фронтом. За заболоченными лесами, вдоль которых мы двигались, была только жидкая линия обороны, состоящая в основном из опорных пунктов, за которые обе стороны сражались с переменным успехом. Между ними были промежутки в несколько километров. Наши войска только еще подходили. Противник перерезал линию коммуникации с жизненно важным шоссе, но наша контратака была уже на подходе. Нам приходилось заделывать брешь. Мы быстро вышли на позицию, не тратя много времени на подготовку. Только выставили часовых и смотрели в оба.

Вечером я вышел из леса по узкой тропинке, чтобы посмотреть на

маленькую деревню, находящуюся непосредственно по соседству с нами, в ней были только мирные жители. Мне докладывали, что в ней еще много молодых мужчин, что казалось довольно подозрительным из-за большой опасности, которую представляли собой партизаны. Это была идеальная местность для них.

Тропа вела через отдельные участки болотистой почвы. Приходилось быстро перепрыгивать через стволы упавших деревьев. Неожиданно выходишь из чащи и оказываешься перед деревней. Она окружена желтыми посевами пшеницы, блестящего ячменя и темно-зелеными картофельными полями – просто как остров среди лесов.

На юго-востоке местность круто обрывалась к болотистой низменности с низкорослыми кустарниками, протянувшейся до русла реки, вдоль которой шла линия фронта. Тут не было видно никого. За рекой начинался лес, который доставил нам столько неприятностей из-за своей огромной протяженности и густого подлеска. Когда смотришь на карту, видишь только небольшие, далеко друг от друга разбросанные деревеньки, сосредоточенные на задней стороне вытянутых пологих холмов. Мы долго смотрели на местность и согласились с тем, что противнику трудно будет прорваться сюда.

Когда повернули по направлению к деревне с ее обитателями, большинство из которых жили в землянках, мы увидели обычное пространство вытоптанной земли перед каждым домом. Оно было чисто подметено, и вокруг полукругом стояли снопы. В центре одного такого пространства старик веял пшеницу. Он подбрасывал зерна широкой лопатой, ветер выдувал мякину, и золотые зерна падали на землю. «Много, много хлеба», – говорил он. Чувствовалось, что

щедрость земли отражалась в словах и в жестах его и окружающих его людей.

На ступеньке лестницы сидела молодая девушка и смотрела на меня. На ней было светлое платье, глаза у нее были ясные и умные, и она мне показалась привлекательнее любой другой девушки, которую я видел вот уже в течение долгого времени. Но я отбросил эту мысль в тот же момент, как она мне пришла в голову, потому что не могу позволить себе думать об этом. Ко мне легкой походкой направились молодые люди, которые и были целью моего визита. Они прищурясь смотрели на меня. Но, присмотревшись, я увидел, что они просто выглядели более зловеще, чем были на самом деле, и доверие возросло с первой сигаретой.

Я думал, нужно ли было запираить их на ночь; не годилось, если бы они перешли к неприятелю. Но это было слишком хлопотно – не мог же я держать под наблюдением пол-России. В конце концов я решил направить своих помощников в качестве пропагандистов. Присутствие девушек уже сделало их беспокойными. Люди здесь с более живым характером, чем те, что были в районе Смоленска; они веселее и открытее. Уже ощущается влияние юга. Некоторые женщины более солидного возраста все еще носили нечто вроде национального костюма. На них были белые головные платки, повязанные как на монахинях, с цветной лентой вокруг лба. На кофтах, на линии шеи, – узкая расшитая кайма, а рукава крепятся к плечам цветной лентой шириной в три дюйма. Они носят белую ткань, обвязанную вокруг икр крестообразно при помощи черных лент. Внизу виднеются их босые ноги.

Почти все мужчины носят бороды. Их головы покрывают неухоженные

волосы, часто также побелевшие. Сгорбившись на своих повозках с низкорослыми лошадьми, оборванные и босые, сидящие так низко, что их ноги почти касаются земли, они выглядят как гномы. С ворчанием и Щелканьем кнута они погоняют своих крепких лошадок, этих измученных существ, которыми управляют при помощи веревки, повязанной вокруг морды. Даже дети обращаются с ними так будто скакать рысью – их нормальное состояние.

Я видел старика, который правил своей лошадью, лежа на животе на погруженной на телегу ржи, его глаза озорно блестели на заросшем дикой бородой лице. Я видел еще одного, который носил фельдфебельские усы, кончики которых всегда подкручивал вверх. Он сказал мне, что был в плену в Майнце во время Великой (Первой мировой) войны. Я стоял посреди деревни, раздавая конфеты детям. Я уже хотел дать еще одну одному мальчику, но он отказался, сказав, что у него уже есть одна, и отступил назад, улыбаясь. Две конфеты, подумать только, это слишком много. Это будет большой наглостью и бесчестно по отношению к дружелюбному иностранцу. Это правда.

В пять часов должна была начаться атака дороги, ведущей в К. До этого времени не было никакого отдыха. Телефон не умолкал все время. Ребята проложили много километров провода, но они были на ногах всю ночь из-за постоянных обрывов линий связи.

Линейный обход в лесах составлял определенную трудность; попадание в предел досягаемости слишком дотошного часового в состоянии повышенной бдительности представляло значительную опасность. Коммуникации на огромных расстояниях в секторе оставляли желать лучшего. Половина разговора, как всегда,

была излишней. Лейтенант фон Рюле кричал и выходил из себя и несколько раз был на грани того, чтобы разбить телефон. Время от времени командир батареи рычал, как медведь, поранивший лапу. Мы очень устали после марша и дел в течение дня, но, как ни старались, не могли уснуть.

Как только стало светать, полог палатки откинули, и в нее устремился холодный утренний воздух. На этот раз я стоял сзади с врачом, в то время как другие ушли на артиллерийские позиции.

Атака началась одновременно с севера и юга. Ее цель состояла в том, чтобы ликвидировать брешь почти в два километра, включая мост, затем отодвинуть фронт настолько далеко на восток, чтобы обезопасить линию коммуникации вдоль дороги. С нашей стороны при выдвижении с севера медленно велось наступление на оказывающего сопротивление противника на правом фланге. Наши потери были большими. Вражеские снайперы, некоторые с пулеметами, засели на деревьях в ожидании прохождения нашей пехоты, а затем открыли огонь с тыла. Тактика противника оказалась энергичной и гибкой. Было невозможно развернуть артиллерию в заболоченных лесах, но он восполнил этот недостаток, широко используя минометы.

У моста он окопался, грамотно расположив и хорошо замаскировав оборонительные позиции, на которых среди прочего были установлены шестнадцать огнеметов. Здесь мы потеряли своего командира батареи. Его место занял командир легких батарей. После артиллерийской подготовки из его орудий он собрал пехоту. В то же время другой командир батальона организовал другие части, которые были рассеяны в результате тяжелых потерь и гибели их

офицеров.

Итак, атака была возобновлена. По своей собственной инициативе командир другой легкой батареи прорвался с юга вместе со связистами и несколькими пехотинцами. Он перебрался через мост и захватил к северо-востоку от него позиции противника в рукопашном бою. В то же время паше левое крыло пробилось через заболоченный лес с севера и прорвалось на позиции противника совершенно неожиданно для него. Таким образом, произошло соединение. В ходе операции был взят Т., на восточной стороне дороги. Часть потеряла двух офицеров и трех солдат. Те из раненых, кто мог идти, остались с нами.

Наши потери и потери пехоты, особенно среди старых и опытных солдат, указывали на трудность и специфичность операции.

Около полудня меня вызвали в оперативный штаб. Мы перевели его в другое место, в Р., который все еще подвергался непрерывному обстрелу, в том числе изредка – артиллерийскому. Мы закопали свои палатки, и весь участвующий в бою эшелон выдвинулся вперед. К вечеру стало спокойно. Появился сержант-казначей и увез первую почту. Мы сели снаружи палатки и распили бутылку вина. Это было натуральное рейнское «Мозельвейн», и в тишине сумерек все было окутано атмосферой мира.

После того как брешь была закрыта и опасность прорыва к Бр. была устранена, постепенно в полку были восстановлены коммуникации. Поступили новости с батареи номер 12 в десяти километрах к югу. Мейснера, одного из наших самых старых товарищей, тоже зацепило. Франц и я сказали с усмешкой, что нам двоим уже давно пора, и, поскольку два дня назад был день рождения

Франца, я достал бутылку, которую припас по такому случаю.

Вскоре после полудня мы получили донесение, в котором нам рекомендовали не продолжать закрепление. Дивизия двигается дальше на юг по шоссе. Мы не жалеем. Нам не терпится поменять это место пребывания, которое довольно недружелюбно, на более лучшее. С обеих сторон наблюдается необыкновенная активность в воздухе. В течение ночи противник совершал массированный авианалет на Бр. или О. Там стоял сильный грохот, а воздух над нами был наполнен тархтением медленных самолетов на тяжелом топливе, которые пехота называет «кофемолки» или «швейные машины».

Телефонисты ушли в 3.00. В пять часов прибыли артиллерийский эшелон и лошади. Едва мы только выехали на дорогу, как последовала первая атака истребителей. Она была нешуточной, и такие налеты продолжались весь день. Истребители вольготно летали взад-вперед над дорогой целыми эскадрильями и даже в большем количестве. На каждой из сторон раздавался ужасный грохот, и наши истребители вносили в это свой весомый вклад. Но для людей на дороге в этом мало было утешения. Нужно ли говорить, что мы замаскировали подводы и даже лошадей. Они выглядели как хижины из листьев в движении. Мы без потерь добрались до конца, но 2-я потеряла двух лошадей и четырех человек ранеными. Новая позиция была жалкой лесной полосой. Мы только что оборудовали новые позиции, значительное их количество, а один отряд потратил два часа, обустроивая их на один километр в длину по болоту, когда прибыли новые распоряжения.

Теперь мы располагаемся в непосредственной близости от полка, недалеко от

дороги. Пыль, поднятая от движения по дороге, густыми клубами идет на нас. Телефонисты сидят с высунутыми языками. Они смотрят на меня из-под тяжелых, как у датских догов, век. Этот палящий зной кого хочешь вымотает. Ситуация в воздухе не улучшилась. Главная линия фронта, от этого факта не уйдешь. А здесь мы даже не на одном из самых критических участков. К востоку от нас, где фронт делает дугу к О., слышен его уже более серьезный гул. Чем меньше сказано о южной части города, тем лучше.

Фронт перемещается, даже наша собственная позиция непостоянна. Судьба решит, кто будет погребен в этом конфликте.

За ночь дивизия заняла еще один сектор полка еще дальше вправо. Неприятель отступил в отдельных местах. Мое отделение разведки вскарабкалось на высокую ель, чтобы помочь обеспечить временную систему светового обозначения целей. Сообщили, что на правом фланге прорвались две вражеские части, каждая из которых численностью в сто пятьдесят человек. Некоторые из них были уничтожены, но большая часть ушла в леса для усиления партизан. Два кавалерийских эскадрона появились у нас в тылу и пытаются установить контакт с противником через нашу линию фронта.

Обычно партизаны не атакуют боевые части, но мы должны принять меры предосторожности. Конечно, мы устраиваем облавы на партизан и дозоры регулярно выставляются в тылу наших боевых эшелонов, но что толку? Обливаясь потом и донимаемые комарами, наши с боем пробиваются через густой подлесок, они хлюпают болотами и тянутся по тропам в зеленом полумраке лесов. Они выглядят экзотично с пулеметами на плече и пулеметными

лентами вокруг шеи, но они немногого достигли. В лесах они даже не сравнятся с русскими. Прошлой ночью два типа их кавалерийского эскадрона промчались по большаку мимо вагона с боеприпасами 11-й батареи. Прежде чем наши парни проснулись и осознали, что происходит, они уже исчезли.

В ранние часы этого утра и до середины дня был слышен сильный шум боя к юго-востоку, где фронт отступает.

Стало спокойнее. Идет подготовка к смене позиции. День ото дня голубое небо заполняют истребители. Штурмовики со сверкающими красными звездами с ревом проносятся над верхушками деревьев, как будто хотят подстричь их своими голубыми фюзеляжами. Мы стреляем так быстро, как только можем, но негодяи хорошо вооружены и защищены. Этим вечером самолеты на тяжелом топливе час за часом совершали регулярные рейсы в тыловой район. Выглядело так, будто они открыли официальный воздушный коридор. Поскольку они не сбрасывали много бомб, то, вероятно, совершали масштабные транспортные рейсы.

10 августа 1943 года. В течение нескольких появившихся у меня пауз я пытаюсь упорядочить эти написанные мной страницы с середины июля и до настоящего времени. Иногда я встаю и прогуливаюсь к Врену, который остается дальше в лесу, точнее в подлеске. Он поворачивает свою красивую голову, заглядывает в мой карман и осуждающе толкает меня мордой, если ничего там не находит.

Вчера вечером опять была необычная активность в воздухе. Проходил час за часом, но с той разницей, что на этот раз иван разбрасывал вокруг бомбы. Мы не могли даже зажечь сигарету. Большая часть бомб плюхалась в болото, но это

выглядело так, будто напряжение вслед за воем в воздухе не спадало.

Вчера вечером было попадание в передок 11-й батареи. У них был тяжело ранен один человек. В 19.30 они перебрались на лучшую позицию. В 22.00 нами получен приказ о смене позиции утром. Мы следуем по дороге с 6.00.

Мы без передышек катимся по большому шоссе в направлении к К. Повозки следуют с интервалами в сто метров. Из них торчат ветки, и даже головы лошадей украшены зеленью, которая покачивается в такт их шагов. Самолеты все время над нами – как наши, так и вражеские. Шум их машин нарастает и затихает, изменяясь от высокого тона до низкого, когда они кружат друг за другом или пытаются увернуться от выстрелов зенитной артиллерии. Звук повышается до высокого, угрожающего визга, когда они пикируют на дорогу. Дым от бомб смешивается с грибовидными клубами дыма от наших снарядов, которые пролетают над тыльной стороной леса и над городскими кварталами. По всему горизонту поднимаются молчаливые темные языки пламени. Перед нами картина обожженной земли.

В 14.30 мы сделали первый привал. Это было к западу от К., в небольшом лесочке. Полосы укрытий с каждой стороны дороги образовывали один большой временный военный лагерь. Лошади со вздутыми животами лежали скрючившись у обочины дороги. Те, которые еще были живы, шарахались в ужасе.

На трудных участках дороги возникали обычные заторы. Лошади выбивались из сил, когда тянули перегруженные повозки через убийственные пески, через глубокие прогалы в трясине болот и по разбитым бревенчатым дорогам.

Один раз длинные колонны встали. Когда я наконец пробился в головную часть колонны, то увидел там несчастную крестьянскую подводку, застрявшую в грязи. Она, конечно, была перегружена. Бедная лошадь стояла, тяжело дыша, с раздувающимися боками, по ее брюху катился пот. «Конь капут», – причитала женщина, держа пучок травы перед его носом. Тогда даже я пришел в бешенство.

Когда наши собственные возницы подошли к трудному участку, они сели на лошадь без седла. Удар кнутом по заду лошадям в упряжке, несколько ободряющих слов, и лошади вытягивают. Это все проделано спокойно, в отличие от шума и криков в походных колоннах с лошадьми. Русские бьют своих лошадей, чтобы поднять; и они совершенно не имеют понятия, как обращаться с нашими более рослыми лошадьми.

В 19.30 мы повернули в лесистую местность для ночного отдыха. Она открылась перед нами через несколько сот метров, и мы обнаружили себя на краю лиственного леса, похожего на лесопарк, чьи древние деревья затеняли заросший луг. Небольшой крутой склон вел к чистому потоку. Сумерки опустились мягко и медленно, и на горизонте синева смешалась с красным огнем. Мы отбросили одежду и погрузились в теплую воду, в то время как первые звезды поднялись над нами. После всего этого шума, пыли и жары этот час стал необыкновенно чудесным.

Глава 15.

Старый лес

В пять часов мы снова отправились в путь. Это была плохая дорога. Песок местами был таким зыбким, что пришлось делать бревенчатые настилы. Мы проходили между елей у железной дороги, ведущей в Б. На пути были две открытые долины, по которым нам нужно было пройти на некоторых отрезках марша. Здесь дорога, которая в других местах была широкой, сужалась до размеров проселочной. Повозки устремились вниз по склону и скопились перед тесниной. Они стояли так, что их колеса образовывали угол с поверхностью бревенчатой дороги, что грозило падением под тяжестью груза. С дикими криками возниц тяжело нагруженные повозки стукнулись и соскользнули через рытвины и фашины, уложенные в самых опасных местах. Грязь брызгами взлетала вверх, лошади тяжело дышали.

Поглядев некоторое время на все происходящее, мы начали действовать. На ближайшем холме были развалины деревни. Потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы сходить туда и принести первую охапку бревен. Бревно за бревном – очень скоро у нас была твердая поверхность. Взялись за ступицы, хорошенько толкнули, и первая повозка снова была в пути. Постепенно затор рассосался, и повозки пришли в движение. Мы перешли через мост, который уже висел, шатаясь на своих опорах. Затем мы оказались на новой линии обороны. Она была на западной стороне речной долины – бастион из бревен и земли значительно выше человеческого роста. Перед ним уже орудовали команды, устанавливающие проволочные заграждения, и на переднем плане было уничтожено все, чем бы в качестве прикрытия мог воспользоваться противник.

В Б. мы свернули к северо-западу. Мы прошли через ворота разрушенной

электростанции, которая когда-то была связана с большим промышленным предприятием. Затем мы проехали через мост шлюза с большим резервуаром и снова исчезли в лесах. Кабель высокого напряжения тянулся по столбам через просеку к каким-то другим заводам, прятавшимся далеко в пустынной местности.

И снова мы воевали с очередным болотом и песками. Бревенчатая дорога тянулась через зеленые лужи стоячей воды, где корпи деревьев поднимались, словно в изобилии выросшие мосты и острова. Иногда коварное болото скрывалось под предательским ковром красивого зеленого мха. Никто, кроме беглеца или преступника, не прошел бы тут. Деревья лежали там где они сломались от бури или от старости. Под крышей из густой листвы стояла абсолютная тишина зловоние лениво висело в неподвижном воздухе, в котором только слышалось гудение комаров. Появилось открытое пространство, перед взором предстала деревня, появились дозорные передового охранения.

В старом лесу, в котором мы расположились постоянным лагерем, нас совершенно не видно. С его пихтами и елями, березами и буками лес протянулся через дюны и туманные низины. Далеко внизу стояли молодые деревья, рвущиеся к свету из-за стволов вековых деревьев, там зеленый полумрак, золотисто-изумрудный свет, играющий над папоротниками, над мохом и травой. Иногда это выглядит так, будто двигаешься под стеклом или на глубине освещенного солнцем водоема. Наши тяжелые ботинки бесшумно проваливаются в мягкую почву.

Среди мха блестят, словно гладко отполированные, листья кустика голубики и гладкие красные ягоды клюквы. Тут настоящий грибной рай. Не знаю

всех их названий и видов, но я нашел желтые шарики с точками чернильного цвета, которые всегда скрывались под покровом мха. Среди нас есть знаток, который настаивает на том, что это трюфели. Трюфели мы ели на юге Франции, где солнце раскаляло степы дома и в наших комнатах были полы из красного кафеля.

Наш продотряд нанес второй визит в район, уцелевший в нынешнем сражении. Война проходила по нему несколько раз, его не миновали как бои с участием регулярных войск, так и бандитские налеты. Уцелело немного деревянных домов. Теперь дымок вьется из последних развалин. Там в течение одного лета земля заросла травой. После двух летних периодов с трудом находишь тропу, разве что там и сям ветхий, потрепанный непогодой забор с серебряной белизны столбами, отделяющий огород, выглядит иначе. Мосты быстро гниют, тропы зарастают, дикая морковь и люпины, марь и полынь заполнили все. Скоро там останутся только тропы дровосеков в лесной глуши.

Отряд вернулся с тремя тяжелогруженными подводами. Они привезли большие сухие картофелины с песчинками на тонкой кожуре, капусту, свеклу, морковь, тыкву и лук. На полевой кухне висит солидный окорок конины. Меж деревьями гуляют три коровы, и молоко для воскресного пудинга плещется в ведрах.

Говорили, что там был заброшенный дом лесника. Мы ехали по узким песчаным тропам через блестящее болото, по утопающим в солнце просекам. Над нами ветер гулял по верхушкам деревьев, но там внизу был лишь скрип кожи, дыхание лошадей да стук их копыт по мягкой земле.

Когда мы спешили и привязали их, тишина была полной. Во мху было изобилие желтых лисичек; они росли под молодым ельником и в ямах, оставшихся от вырванных с корнем деревьев. Сумка на моем седле быстро стала полной. Мы ехали через дикий подлесок, где было почти темно. Толстые водоросли торчали из луж, ветки хлестали по лицу, и деревья нависали над тропой. Иногда нам приходилось припадать к холкам лошадей. Однажды мы встретили одинокого верхового гонца. А больше за четыре часа не встретили никого.

Дом лесника стоял на маленькой просеке. Ветер дул через открытые двери и выбитые окна. Ракитник кивал из-за забора – последний отголосок жилья. Когда-то некоторые поля вклинивались в окружающие леса, но они давно заросли травой. Заборы завалились. Клопы в большой комнате давно подошли от голода и высохли в щелях коричневой крыши. Моя нога провалилась в сгнившем, покрытом мхом полу порога. Однако было кое-что, что можно было там взять: крепкие доски от пола амбара, доски фасада чердака, двери и скамьи. Ради этого стоило отправлять подводу.

Самолеты опять были над нами всю ночь. Бомбили Б. К утру пошел дождь. С ним пришел холодный, ненастный день. Дождь – не подарок, если стоишь в лагере. Мы притащили из деревни крышу и закрепили ее между деревьев. Даже пара поползней, свившая гнездо поблизости, не так оживленно порхала с дерева на дерево, и их пересвист слабо доносился до нас сквозь дождь. Лишь однажды солнце отразилось на каплях дождя, висевших на ветках, а потом дым костров был голубым и прозрачным. Нам было холодно.

Вечером самолет свалился с неба, по крутой кривой, все быстрее и быстрее со страшным пламенем и жутким ревом моторов. Представление внезапно прекратилось. Шум резко оборвался, и было красное зарево. Ночной истребитель пел свою серебряную песню над темным лесом. Но при этом они появились над нами вновь позднее, и земля дрожала час за часом.

22 августа 1943 года. Вчерашняя ночь, когда мокрая крыша палатки блестела в молочном свете, когда в темноте после дождя едва можно было различить человека напротив и ничего не было слышно, кроме голоса из репродуктора, гремящего над ухом, я почувствовал на некоторое время, будто я вышел из себя и был совершенно один.

В своей усталости я чувствовал, что мною овладела меланхолия, которая охватывает нас, когда мы видим приближение неизбежного. Потеряв всякую надежду, я ощущал, что во мне остается та последняя твердость, подобная стальному стержню энергии, который я считаю одним из величайших даров человека.

Позднее самолет сделал круг над нашими головами, принося с собой что-то новое в области пропаганды. К нашему великому изумлению, он потчевал нас музыкой и речью. Музыка была невыносима, слова невняты. Но чужая интонация и несдерживаемая ненависть в словах были очевидны. Казалось даже естественным, что самолет в финале откроет огонь из пулеметов; это возвращает ситуацию на фундамент ясных и честных отношений.

В 7.00 восемьдесят вражеских бомбардировщиков пролетали над нами в направлении Б. Они появлялись на фоне утреннего неба, эскадрилья за

эскадрильей, в четком построении. Это было впечатляющее зрелище, и мы замерли в ожидании. Мы не были разочарованы.

В 7.15 с наблюдательного пункта сообщили, что шесть из них стреляют уже в течение девяноста секунд. Рев моторов и трескотня пулеметов продолжались почти час. У нас больше не было времени их слушать. Но впоследствии сорок пять неприятельских машин оказались на земле. В восемь часов наблюдатели 11-й батареи подверглись интенсивному обстрелу тяжелой артиллерии, выпустившей двадцать снарядов, которые накрыли блокгауз у железной дороги. Два из них попали в наблюдательную башню. Эффект был почти нулевым. Наблюдение продолжалось. Во второй половины дня на 10-й батарее один человек был убит шальным снарядом. Шум боя особенно громок на нашем левом фланге. Легкая батарея была снята с этого рубежа и направлена на правый, потому что мы ожидаем мощной атаки на юге. Следуем докладам корректировщиков, как температурному графику. Вечером мы перебрались в новый блиндаж и впервые за несколько недель могли снять одежду.

Когда наши лошади вернулись прошлой ночью с пастбища, с ними пришла черная корова. Она была доверчива и ласкова, и мы ее очень холили. Когда я в сумерках пошел в конюшню, наши возницы находились в засаде. Я некоторое время стоял, прислонившись к дереву, мой взгляд блуждал по их лицам. Они все повернулись в мою сторону, и дьявольское искушение повисло над нами. Я предоставил им свободу действий, и они незамедлительно приступили к работе.

Скоро корова висела на перекрещенных бревнах далеко в подлеске. Мы тогда не знали, что она принадлежала 3-й батарее. Но мы узнали об этом в ту

ночь, потому что появились команды поисковиков. Прочесали наш лагерь вдоль и поперек, а сегодня они вооруженные прискакали на лошадях и с собаками. Они стояли у полевой кухни, настороженные и подозрительные. Сидели там до вечера с усталыми глазами и изможденными лицами. Но к тому времени они уже уверились в пашей честности, несмотря на то что лейтенант Р. говорил им: «Посмотрите хорошенько вокруг старого штаба моей батареи – они в этом деле мастера!»

Но они не могли с нами сравниться. Когда с подозрениями прибыл фельдфебель, я выстроил возниц и сказал им, что каждый, кто увидит корову, принадлежащую 3-й батарее, должен ее поймать и известить об этом ее личный состав, как положено друзьям. Это было последней каплей, и возницы думали, что их хватит удар. Это была живописная картина. Когда я дал команду разойтись, они стремглав бросились прочь, в поисках укромного местечка, чтобы выплеснуть сдерживаемый смех. Ну что мы были за паршивцы! Но зато у нас был вермишелевый суп, в котором на поверхности плавал чудесный желтый жир.

Вчера прибыл посыльный от лейтенанта Р., просившего у нас пару кружечек молока. Мы были рады поделиться с ним во имя старой дружбы. Этим утром он прибыл, и мы пригласили его на обед. У нас как раз был очень хороший гуляш, и в большом количестве. Ближе к вечеру мы пили с ним кофе. Он был обаятельным. А мы пришли к заключению, что мы низкие, черные души, подлость которых беспредельна. Мы обещали угощать его молоком, когда только он пожелает, но не могли открыться в своем преступлении.

Мы опять ехали к дому лесника. Моя сильная лошадь неслась как дьявол.

Ветви, задевавшие наши лица, отяжелели от блестящих капель дождя. Под йогами лежали первые красные листья. Трава была желтой, а поля приобрели серый оттенок. Вот и это лето близится к концу.

Неделю назад мы начали строить оборонительную артиллерийскую позицию, обустроенную как вторая запасная. Тем временем нас посетил кое-кто из начальства. Офицер снабжения нарисовал очень мрачную картину сложившейся ситуации со снабжением на предстоящую зиму. Но она была таковой уже так много лет, что не могла нас больше расстроить. В заключение он сказал, что предполагается послать в тыл еще одну команду за сеном, с тем чтобы мы, по крайней мере, могли сохранить немного сырого фуража. Мы поклялись это делать. На предыдущей позиции мы собрали горы сырого фуража. Неделю за неделей усталые команды собирали в стога сено на днепровских лугах. Эта работа отвлекает не только команды снабжения, но и работоспособных солдат из действующих частей.

Но ничего не можем с этим поделать. Дополнительные потребности части и трудности со снабжением слишком велики. Мы обязаны жить за счет земли. Вчера утром полк направил в тыл команду по сбору лошадей. Наша батарея выделила сержанта и еще пять человек на грузовике. Каждому выдали по девяносто боевых патронов и дали указания отбирать у партизан их лошадей. Хорошенькое дело, не так ли?

Здесь мы находимся на части Восточного фронта, который раньше был самой «партизанской территорией», за исключением болот в Рокитне и других прелестных окрестностей, о которых я мог бы рассказать поразительные истории.

Партизанские действия являются запрещенным способом ведения войны. Наша борьба с ними выходит за рамки любой военной конвенции. На наших санитарных поездах приходится закрашивать красные кресты, потому что их присутствие делает их объектом наиболее яростных атак.

Сегодня в 16.00 мы стояли вокруг стола с горестными лицами. Затем я прошел мимо людей, начавших рыть наш последний блиндаж. Они сидели на краю ямы, положив подбородки на руки, держащие лопаты. Я изобразил перед ними красноречивый жест, означавший «бросай работу». Они встали, посмеиваясь и пожимая плечами. «Мы столько обмозговывали, – говорили они, – но какого черта...» – и пошли к своим землянкам. Да, только так, – пусть хоть что-то, но замечательное. Если смотришь на черные стороны, этого достаточно, чтобы разбить свое сердце. Если реагируешь конструктивным образом, как подобает солдату, это делает тебя больным. Это – трата энергии и доброй воли, трата этого поразительного неутомимого духа войска, который даже теперь, после четырех лет войны, может еще удивлять и даже вызывать благоговение. Это трата, за которую многим следует крепко дать по ушам. Мы не только уже завершили строительство всех наших летних конюшен, но и построили подземные убежища для шестидесяти пяти лошадей.

И что говорят люди? Они говорят – и можно судить, насколько это свидетельствует об их полном доверии, – что это, вероятно, делается для того, чтобы дать нам время вернуться и построить позиции для зимы; что это действительно довольно мудрый шаг, потому что – это ведь правда, не так ли? – вокруг совсем нет русских... их не может быть...

Глава 16

Мы живем по тревоге

«Этим утром я обнаружил первые кусочки льда в лейках». Помню, как писал это же предложение год назад. Сегодня я повторяю его – а сегодня этот повтор кажется пугающим. Первые признаки надвигающейся зимы всегда появляются слишком рано. Это только подчеркивает монотонность того, что происходит, и в этом свете все вещи, красоту которых я старался передать, блекнут. Не возвращаются ли события, происходящие с нами в России, все время к одному и тому же акту? Когда я закрываю глаза, то даже смена декораций представляется незначительной. Зрелища, которые заставляли нас удивляться, редко были привлекательными. В этой стране нет красоты, нет ничего такого, что могло бы нас тронуть или поднять у нас настроение, как это было в других странах, красоты которых нас волновали. Несмотря на все перемены, наша жизнь здесь так однообразна, что она отмеривается быстро. Может быть, именно по этой причине на этом фоне человеческая душа предстает как что-то уникальное.

Я же думаю об этом без горечи – потому что это не вызывает у тебя горечи, – я сижу в мягком кресле, вытянув ноги. Фактически я не сижу, я лежу в нем, так же как я когда-то лежал в наших больших креслах дома.

Я совершенно уверен, что так не «делают» ни офицер, ни самый младший из лейтенантов. Даже если командир батареи не заметил этого сразу, он должен почувствовать подсознательно. Нужно только преодолеть тонкий слой для того,

чтобы проникнуть в его сознание. Но я не собираюсь менять своего положения. Более важно видеть, как свет падает через янтарного цвета ром в бутылке, более важно выскользнуть на мгновение из своей формы и не чувствовать больше на своих ногах ботинок. Что может быть важнее?

9 сентября 1943 года. Я сижу над этими страницами много дней. Я написал очень много, и это дает мне пищу для размышлений. Любопытно, что пропаганда играет злые шутки с людьми, она основательно опутывает человека. Разум нации представляется похожим на фотопластинку, которая может быть проявлена по чьей-то прихоти.

Доставка нашей почты расстроилась не из-за великих событий на войне, по из-за их отсутствия. Это звучит парадоксально, но это верно. Все потому, что на самом деле мы уже больше не должны бы быть здесь. Действия отработаны в совершенстве. При первых признаках тревоги ребята на базе дают сигнал к обычному спешному отходу на новую позицию. А теперь вон они где, далеко от нас. Тем временем стало ясно, что спешки не было, и мы использовали имевшееся в нашем распоряжении время. Мы снимались медленно и все время находили работу, которую можно было сделать тщательно. Эскадроны уничтожения приступили к работе. На мгновение мы в состоянии приостановленной активности.

Я тоже отправил большое количество повозок в тыл, а с ними и основной багаж. Ход эпидемии среди лошадей непредсказуем, а мне нельзя остаться без средств передвижения. Но больше ничего не происходит. Мы живем по тревоге и наслаждаемся миром столько, сколько можем. День ото дня солнце светит все

слабее сквозь деревья. Оно уже больше не дает почти никакого тепла. Это как медный отблеск, падающий на мох и молодые ели. Лучи света между деревьями уже больше не слепят глаза.

В восемь часов мы поднесли факелы к нашим землянкам. Пламя вырывалось из дверей и оконных проемов, и дым висел стеной среди высоких деревьев. Мы сожгли все до последней доски.

Затем мы шли маршем. На перекрестке у Крючека мы сделали остановку на обед. Дрезина совершала свою последнюю неспешную поездку по рельсам на запад. На ней сидели два человека и сбрасывали взрывчатку по два заряда за раз на длину огнепроводного шнура. Два сапера бежали сзади, устанавливая взрывчатку под путями и вставляя взрыватели. Как же они, дьяволы, бежали и как эффектно тонкие белые струи пламени вырывались из земли! Груды железа со свистом разлетались вокруг, и горький пороховой дым проплывал над нашими головами. Дорога за железной дорогой после этого была закрыта на час.

Но это была только часть произведенных разрушений, смехотворно ничтожная часть. Все трубы водоснабжения, все узкие проходы были заминированы. На сотни метров через лес на деревьях были закреплены «красные заряды» так, чтобы их можно было перебросить через главную дорогу с наименьшей затратой времени. Деревни были подожжены, они горели с невероятной силой. Жар мешал нашему продвижению. Мы проскочили галопом, закрывая лица от дождя искр. Повозкам пришлось ехать в обход. Клубы дыма скрывали нас от вражеских самолетов, а шум взрывов вокруг был как при большом сражении.

На окраинах Брянска дым смешался с желтой пылью дороги, накрывая нас двойным покровом. Солнце стало красным задолго до вечера. Оно висело бледное и иссохшее над разрушительным действием. Над следующим маршем потока людей облака освещались с обеих сторон. Они образовывали тончайшие, самые роскошные знамена, которые я когда-либо встречал, демонстрируя войну во всем ее ужасном великолепии. Мы видели дома на всех стадиях разрушения: белое, как вспышки магния, пламя, вырывавшееся из окон, первые всплески красного пламени, когда оно пробивалось через клубы черного дыма, триумфальный танец Красного Петуха над крышами.

Мы ехали через белый жар умирающих улиц. Когда лошади и всадники впереди меня двигались в направлении стен огня, винтовки, висевшие у них за спиной, выглядели как игрушечные, как пики крошечных дьяволов на их силуэтах. Мы видели, как дома рушатся с грохотом; неопишем вид старых берез, которые, объятые жаром огня, дрожали и стонали на краю смерти. И опять мы ехали через лес дымовых труб, жестких и угловатых, поворачивавшихся под нашими взглядами.

Над черным ковром разрушительного пожара у них был цвет брюссельских кружев. Они возвышались в лунном свете, подобно негнушимся горестно протянутым рукам привидений, и везде вокруг них стоял противный, отталкивающий, удушливый холодный дым.

Ландшафт ужаса и смерти. Молчаливые долины, окруженные издали пылающими факелами. Спускавшиеся вниз парашютные ракеты напоминали глаза циклопов. Бомбы походили на распускавшиеся хризантемы при мягком

шуршании перекаатов огня вслед за внезапным разрывом.

К двум часам ночи копыта наших спешащих лошадей уже стучали впереди батареи по мосту у Ограда. За смутно видневшейся рекой лошади отпрыгнули в стороны с фырчанием при виде траншей новой линии обороны. Белый туман поднимался с темных под покровом ночи лугов, пришли в движение ночные часовые, люди из передового охранения набросились на нас с вопросами о своих частях.

И опять мы пришпорили коней. Направо и налево, направо и налево. Песок по щиколотку глубиной, отдающиеся эхом булыжники, темные заросшие реки безмолвных улиц, неприветливые, покосившиеся дома.

Мы проехали вдоль части новой позиции. По дороге на запад двигался поток беженцев. Он пополнялся потоками из переулков, направляемый множеством полицейских, которых скрывала пыль от тысяч топающих ног. Что за унылое зрелище переселения! Господь милостив. Эти жалкие повозки, которые тянут коровы и маленькие лошадки. Иногда люди этому противятся, инстинктивно, как животные. Но с ними обходятся грубо. «Куда мы идем?» – «Пошел к черту, я не знаю. Давай, пошевеливайся! И ты тоже. Просто двигайся на запад. Живее, у нас нет времени!»

Там, где фронт накладывает свою лапу, вся прочая жизнь замирает. Он гонит волну, которая достигает мест вдалеке от него. Расположенный ниже город уже изменил свой облик. Дома стали собственностью тех, кто использует их для иных целей. Или это только паши глаза видят их иными – они оценивают город напротив передовой линии нового рубежа и находят, что он хорош.

Я зашел на огороды, ближайšie к обочине, собирая там помидоры и цветы. Поставил букет бархатных коричневых звезд в топкую вазу и поставил стол на крыльцо, выходящее на улицу. Тут есть маленькая скамья, на которой можно сидеть вечерами, глядя на юг и на запад. Она вся освещается солнцем. В борьбе с солнечным светом сумерки делают цвета темнее и ярче. Я чувствую себя таким счастливым, находясь в одиночестве, так, как это умею делать я, счастливым до копчиков пальцев.

Только что в 21.30 мы получили приказ на марш в 6.00. Жаль этой позиции, этой прекрасной линии обороны на высотах Западной, к западу от города, с рекой в качестве естественной преграды и полем боевых действий, таким, какого у нас до этого не было. Жаль Брянска, из высоких зданий которого я осматривал горящие окраины. Мне бы хотелось все это видеть и в тот день, когда мы были бы счастливы защищать его.

К четырем часам ночь была на исходе. Было холодно в темные первые часы после полуночи. Нам все еще было холодно, когда мы уже форсировали Десну и оставили позади город. Скоро я ехал на автомобиле впереди, чтобы разведать места для отдыха. Ехал на автомобиле, обращаю на это внимание, потому что мы двигались по «автостраде», и я не видел причины для того, чтобы отсиживать заднее место, когда можно было остановить, «проголосовав», один из командирских автомобилей.

И опять я трясся в машине вечером и оказался в деревне, расположившейся по обе стороны небольшой долины. Вот здесь мы теперь и находимся. Внутри дома выглядят лучше, чем снаружи. Часто дом состоит всего из одной крошечной комнаты – типичные дома русских крестьян, всего одна-единственная комната, а посередине печка. Но они чистые, эти помещения, а люди подвижны и открыты для общения. Это дружелюбное место. Предположительно, внизу в долине находятся сожженные машины нашей хозяйственной рабочей роты; несколько дней назад прошли партизаны, в количестве четырехсот человек. Не заглянешь в чужую душу. Но какое это имеет значение?

Снопы зерновых культур сложены перед домом. Стадо коров рысцой бежит в долину навстречу заходящему солнцу; их накрыло облако желтой пыли. Из домов на склонах женщины и дети выходят и зовут их звонкими криками. Мы помылись, чувствуем себя хорошо. Мы довольны.

4 сентября 1943 года. Мы едем по большой дороге, пересекающей долины и холмы, прямой, как дорога легионеров. Издалека видны облака пыли, клубящейся, окутывающей как простыней дорогу в открытой, без лесов местности. Идти нам было так легко, что я вытащил свою гитару. Мы шли по дороге с песнями за вырвавшимися вперед машинами, и мы пели, когда шли через луг вдоль берега реки, где наша дорога сворачивала. Наверное, это удивляло людей. Последняя батарея только что миновала мост, когда эскадрилья истребителей-бомбардировщиков сделала круг и спикировала на узкий проход, спускавшийся к реке. Пролетая, они выпустили по нам пулеметные очереди. На

батареях были лишь незначительные потери и небольшие повреждения, но в такие моменты почти невозможно удержать лошадей.

Во второй половине дня мы достигли Шукова, района наших боевых действий. Когда мы отправились во временную штаб-квартиру, солнце заходило в золотой дымке. Золотой фон готического алтаря, творение художника едва ли сравнится с сиянием горизонта, с высокими елями на переднем плане или со светом, который как дым плыл вокруг деревень и лесов.

Когда я прибыл с Вольфом и Йеном Брауном на летное поле, пехота растянулась в линию, готовая к атаке. Мы присоединились к ним. Прошли через посадочную площадку. Противник окопался в кустарнике и в складках местности на краю. Мы быстро выдвинулись и заняли несколько одиночных окопов и воронок по периметру. Оттуда мы могли наблюдать за низиной далеко впереди. В двухстах метрах впереди мы видели дым от миномета, который продолжал вести по нам огонь, и мы заметили пехоту противника, обстреливавшую наших соседей слева. Они засели в двух глубоких противотанковых рвах. Я подавил огонь целой батареи. Противник отошел к деревне, поджигая дома и стога сена, прикрывая тем самым отход. Радиосвязь действовала отлично. Франц и Йен бежали вприпрыжку позади меня от окопа до окопа со штырями антенн в руках, с наушниками на шее, с ключами Морзе в карманах.

Мы заняли три островка зарослей кустарника и часть первого противотанкового рва. Противник покинул ров, только когда его фланг был атакован батальоном справа от нас. Мы захватили второй ров и край деревни, и теперь нас скрывал дым. Тут атакующие части столкнулись, привлеченные

отчаянным сопротивлением русской пехоты. Некоторые из русских сражались, одетые в трофейную форму немецких артиллеристов. Я лежал поверх наката блиндажа, за которым командир одного из атакующих отрядов захватил укрытие зенитного орудия; скрытый дымом, я пытался определить местонахождение этого проклятого наглеца. Неприятельская артиллерия активизировалась, полевые орудия и «катюши» открыли интенсивный огонь. В землянке подо мной плакал ребенок.

Мы продвинулись вперед дальше, чем определяла задача дня. Мы расправились с подразделениями противника и вернулись на заранее подготовленную позицию на возвышении по периметру. Между тем противник развернул свои орудия. Мы снова ползли на животах. Франц и Йен чертыхались, жалуясь на то, что их спины почернели и посинели от того, что на них все время давила аппаратура.

Пехота окопалась на аэродроме. Близился вечер. Я должен был организовать огневую завесу, а у нас села анодная батарея. Русские предприняли контратаку, но были прижаты нашим огнем. Мы присоединились к корректировщику и передавали его данные по очереди, используя одну и ту же вспомогательную аппаратуру. Я поставил огневую завесу при помощи световых сигналов.

Только после этого мы, обессиленные, могли подумать о том, чтобы найти какое-нибудь укрытие, а также о том, что последние два часа наша провизия и наши одеяла ждут нас где-то сзади в лесу. Мы нашли узкую шахту бомбохранилища вползли туда, вместе с корректировщиками и несколькими

пехотинцами. Луна взошла как от ровный красный шар, Франц и Йен прошли почти три километра через аэродром, чтобы посмотреть, как там наша повозка.

Была почти полночь, когда они вернулись пробиваясь через колючую проволоку и воронки камни и кучу бомб. В перерывах между боевыми действиями мы нашли печку, согнули несколько труб, чтобы подсоединить к ней, и развели огонь. Серебристая луна была слегка в дымке. Были заморозки на почве и пустые одиночные окопы пехоты, но у нас был огонь. Пули свистели в поле – но над головой у нас три метра земли. Наша лошадь стояла за укрытием. Йен дал ей ящик с кормом, чтобы она не поднимала головы.

В начале четвертого пришел приказ о смене позиции. В 3.45 мы двинулись маршем назад. Было еще темно. И снова мы разведывали путь между грудями камней и проволочных заграждений и осколками битого бетона. Мы видели мертвых в кустарнике, павших лошадей и разбитые машины на дороге, груды искореженного оборудования. Во рту у нас было сухо от курения и усталости. Между стен и через провалы окон обстрелянных снарядами зданий мы видели огненно-красное утреннее небо. Оно стало желтым, пошел дождь. Когда оно, серое, низко нависло, а земля была как будто обернута в холодный компресс, мы сдались. Дороги были как вязкая овсяная каша. Трава покрылась белым инеем. На некоторых полях еще виднелась картофельная ботва, коричневая и пожухлая. Мы промокли до нитки, были грязные и уставшие, когда нашли себе пристанище в нескольких домах в Малом Сальпе.

Завтра мы собираемся двигаться на позицию. Согласно коммюнике вермахта противник начал ожидаемое наступление на Ельню. Три кавалерийских полка

стали дивизиями.

Я сижу на соломенном матрасе на открытом воздухе в ожидании приказа выдвигаться на выполнение задачи по установлению связи. Снаряды пехотных орудий со свистом пролетают через высоты с востока. Четыре танка прорываются через железную дорогу на севере. К ним медленно подбираются снаряды 11-й батареи, пока вспышки из стволов их орудий не окрашивают красным цветом клубы дыма от разрывающихся снарядов. Танки неуклюже поворачивают назад.

Мы двигаемся вперед и карабкаемся по склонам к железной дороге. Танки и противотанковые орудия ведут огонь по отдельным бойцам. Мы долго лежим, укрывшись за небольшим откосом, и прикидываем путь от куста к кусту. Кусты разбросаны на некотором отдалении друг от друга. Наши силуэты четко выделяются на гребне. Стоит ясный теплый день позднего лета. Поля гречихи блестят на солнце ржаво-красным цветом. Вдали на боевом рубеже противника горит еще одна деревня. Мы спустились в долину небольшой речки, где обнаружили линию телефонной связи, тянущейся в сторону противника. Скоро мы уже жуем дневную порцию хлеба, положенную пехотинцам, под звук высокого тона пулеметных очередей, под завывания стремительно пролетающих снарядов и тяжелых «братишек» с глухим гудящим басом, которые сотрясают землю. Пороховой дым наплывает ленивыми волнами.

Наконец мы добрались до лейтенанта Ильнера. Он сидит у речки и моет ноги. «Восемь дней прошло с тех пор, когда я в последний раз снимал свои сапоги. Это приятное мгновение покоя...»

В 17.30 мы получили по радио приказ: «Немедленно отступить». В 18.30 Йен

Браун ждал нас на краю деревни. Он вывел лошадь из низины, где привязал ее раньше. Через полчаса мы были в деревне, на артиллерийской позиции. Батареи уже готовы к отправке. Штаб уже снялся. Впереди вокруг небо было красным. Уже почти ночь. Из окна выглянула девушка. Она меня узнала; я тогда искал помещения для личного состава батареи. «Не уходи», – сказала она мягко. «Ох, паненка, что ты знаешь о войне!» Врен уже был оседлан. Мы поехали за батареей, догоняя темные колонны. Тяжелый бинокль с лязгом стучал по бляхе моего ремня. Мы сравнялись с батареей.

Мы идем маршем. Холодно. Наступает полночь. Луна плывет через серебристые облака. Парашютные ракеты ярко светят, как созвездия. Где-то свистят бомбы. Я достаю гитару:

Знаешь, сколько звездочек на небе...

– Чу, что это идет оттуда к нам!

(Weisst Du, wieviel Sternlein stehen...

– Horch, was kommt draussen rein!)

Франц выглядит бледным и больным, с глубокими бороздками вокруг рта и глаз. У него температура. Я чувствую себя так, будто из живота у меня выкачали воздух и я наглотался соленой воды. С полудня я съел всего кусок хлеба. Повозка завалилась на бок, все в грязи.

Ну и пусть, не важно. Все еще слишком холодно, чтобы есть, когда мы в

пути. Давай-ка споем еще одну песню, выкурим еще одну сигарету, тогда мы не будем так сильно чувствовать голод. Медленно все повалились спать прямо в фургонах и в седлах.

Фон Р. приходится будить водителя грузовика, храпящего за рулем. Оставив позади четыре километра пути, колонна замерла. В 4.00 мы пришли к своим помещениям для постоя.

Через два дня Гельмут Пабст был убит в бою.

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ

Россия, 17 апреля 1942 года

Дорогие родители!

Меня заботит только одно: как облегчить вашу боль? Что бы я мог сделать, чтобы смягчить удар, который уже больше не беспокоит меня, а беспокоит только вас? Соберу все свои силы, чтобы попытаться увещевать вас.

Моя жизнь не прожита до конца, но завершена. Она заполнена вашей любовью, и она была так насыщена, что я могу только благодарить вас снова и снова. Даже при том, что другая жизнь, в которой я намеревался делать свое дело, как подобает мужчине, едва началась, та, первая жизнь полностью завершена и доведена до конца, та, которую вы, мой отец и моя мать, мне дали и которую оберегали.

Я так сильно вас люблю.

Если вы хотите поставить небольшой памятник в мою честь в саду, пусть это не будет красивый жест или нечто увековечивающее горе. Это может быть молодой парень с робкой улыбкой, излучающий гармонию и умиротворение, или может быть молодой человек, почивший в мире с собой, так что мое сердце может стать привязанным к нему, не отворачиваясь от мира, а открытым для всего прекрасного.

Прощайте, я вас так сильно любил...